1820 1920

ЗА СВОБОДУ РОССІИ

-: АЛЬБОМ :-

— И —

ИСТОРІЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ ЗА СТО ЛѢТ

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ

Под редакціей
М. Я. ЛАВРОВСКАГО

Книгоиздательство
,,РАЗСВѢТ'' НЬЮ-ІОРК

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сто лѣт тому назад, в 1820 г., начались тайныя совѣщанія декабристов, которыя и слѣдует считать началом активнаго освободительнаго движенія в Россіи против ненавистнаго царизма. Сто долгих лѣт лучшіе сыны Россіи вели подпольную и нерѣдко открытую борьбу против „помазанных" угнетателей многомилліоннаго русскаго народа.

„Незыблемое" самодержавіе поддерживалось пытками, ссылками, каторгой, висѣлицами, разстрѣлами: но никакія карательныя мѣры не могли удерживать славных борцов от святого дѣла освобожденія.

Сколько их было отправлено на висѣлицу, разстрѣляно, замучено! Сколько умирало в царских застѣнках от чахотки! Между ними были и такіе, которые тихо дѣлали революціонную работу и даже не оставили на память своих имен

Падали жертвы от жестокой, кровавой руки царизма, но армія борцов за освобожденіе народа все росла и росла.

Сто лѣт прошло, и царизм, наконец, пал. Небо над измученным русским народом начинает проясняться, и великая, свободная Россія, в своей созидательной работѣ, пойдет гигантским шагом вперед, в назиданіе всему міру.

Святые борцы за освобожденіе не могут быть забыты. Они памятник себѣ воздвигли нерукотворный. Имена главных жертв, павших за русскую Свободу, будут долго жить в сердцах свободных граждан настоящаго и будущих поколѣній.

Эти мысли и руководили нами при изданіи предлагаемаго альбома. Мы поставили себѣ задачей, в ознаменованіе исполнившагося **СТОЛѢТІЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ В РОССІИ**, дать прогрессивному читателю серію портретов лучших сынов Россіи, великих борцов за ея освобожденіе от тысячелѣтняго рабства.

Полная исторія освободительнаго движенія в Россіи требует многотомных трудов, но мы все таки сочли необходимым приложить к альбому хотя бы краткій очерк этого движенія..

Считаем своим долгом замѣтить, что этот очерк является не самостоятельным историческим трудом, а краткой компиляціей того, что было издано до сих пор различными авторами.

Редакція.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЕ БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ

Мартовская революція 1917 года, опрокинувшая престол и избавившая многомилліонный русскій народ от кошмара тысячелѣтняго царизма, обошлась сравнительно немногими жертвами. Но эта революція есть только, так сказать, финал столѣтняго **освободительнаго движенія** в Россіи. И если заглянуть в его исторію, если сосчитать, сколько славных борцов за свободу русскаго народа самоотверженно отдали свои жизни в царских застѣнках, тюрьмах, на каторгѣ, на висѣлицах и т. д., то можно будет сдѣлать вывод, что свобода нашей родины обошлась очень и очень дорого.

Не совсѣм правильно думают, что освободительное движеніе в Россіи начато **декабристами** 100 лѣт тому назад. Они были дѣйствительно первыми в смыслѣ революціонной организаціи. Возстаніе декабристов слѣдует признать первой искрой, зажегшей столѣтній революціонный огонь, превратившій, наконец, престол в пепел и расплавившій тяжелыя цѣпи, в которых царизм цѣлые вѣка держал вѣрноподданных рабов.

И в давнія времена русскій народ вел борьбу, поднимался, когда особенно трудно было жить, вставал против своих угнетателей в народных бунтах—таковы были возстанія **Разина** и **Пугачева**, но народ был тогда темен, невѣжествен, и это невѣжество русскаго народа было главной силой царской, правительственной власти. Люди богатые, знать, дворянство, не думали о благѣ народа, не боролись с царизмом.

Но понемногу среди трудовой интеллигенціи появились люди, для которых свобода была дороже их привиллигированнаго положенія. При Екатеринѣ II нѣкоторые из них открыто защищали народ. Крестьяне были безправны, прикрѣплены к землѣ и продавались врозницу с публичнаго торга. Помѣщики в своих имѣніях дѣлали с ними, что хотѣли. Царскій суд велся негласно, письменно, и крестьянину требовать там защиты было не под силу. Это время было тяжелое не только для крестьян. И дворяне тогда не имѣли политических прав, и они были рабами, холопами царской власти, хотя за это и имѣли право владѣть крестьянами. Иным это было не по душѣ. Среди дворян нашлись такіе, которые хотѣли получить политическія права, но раньше они думали только о правах для себя.

Только к концу царствованія Екатерины II, в концѣ XVIII вѣка, заговорили и о правах для всего народа. Большое вліяніе в этом оказала западная Европа, особенно Франція. Правительство посылало русских людей, молодых дворян, учиться за границу, а там они знакомились с жизнью Западной Европы, читали сочиненія

французских мыслителей, в которых говорилось о равенствѣ всѣх граждан, об естественных правах всѣх людей. Среди лиц, посланных учиться за границу был и истинный защитник прав народа, тот, кого обыкновенно называют первым борцом за свободу— **Александр Николаевич Радищев.**

Под вліяніем французских писателей он пришел к убѣжденію, что у человѣка есть естественныя права, что всѣ равны, что управлять государством должен сам народ и т. д. В 1790 г. он издал книгу: „Путешествіе из Петербурга в Москву". В ней он изображает жизнь русской деревни, дает ряд картин, показывающих произвол, жестокость, грубость помѣщиков и тяжелую жизнь крестьян. Наряду со сценами из деревенской жизни он помѣщает свои размышленія о свободѣ печати, требуя уничтоженія цензуры, которая была оскорбительна для писателей, описывает невѣжество цензоров **и возстает против царскаго самодержавія.** Он считал, что правитель получает свою власть по договору с народом, которому он должен служить. Если правитель перестает служить народу, дѣлается его врагом, то народ может его свергнуть.

„Человѣк родится в мір равен во всем другому, — разсуждал он, — всѣ одинаковые имѣем члены, всѣ имѣем разум и волю".. „Всѣ равны от чрева матерня в природной свободѣ, равны должны быть и в ограниченіи оной".. „Опомнитесь заблудшіе, смягчитесь жестокосердые! разрушьте оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежитія".

Описывая цвѣтущее состояніе имѣнія одного помѣщика, крестьяне котораго голодали, он обращается к нему: „Варвар! недостоин ты носить имя гражданина! Какая польза государству, что нѣсколько тысяч четвертей в год болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производят, щитаются наравнѣ с волом? Или блаженство граждан в том почитаем, чтобы полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтоб один благословлял правительство, а не тысящи?"

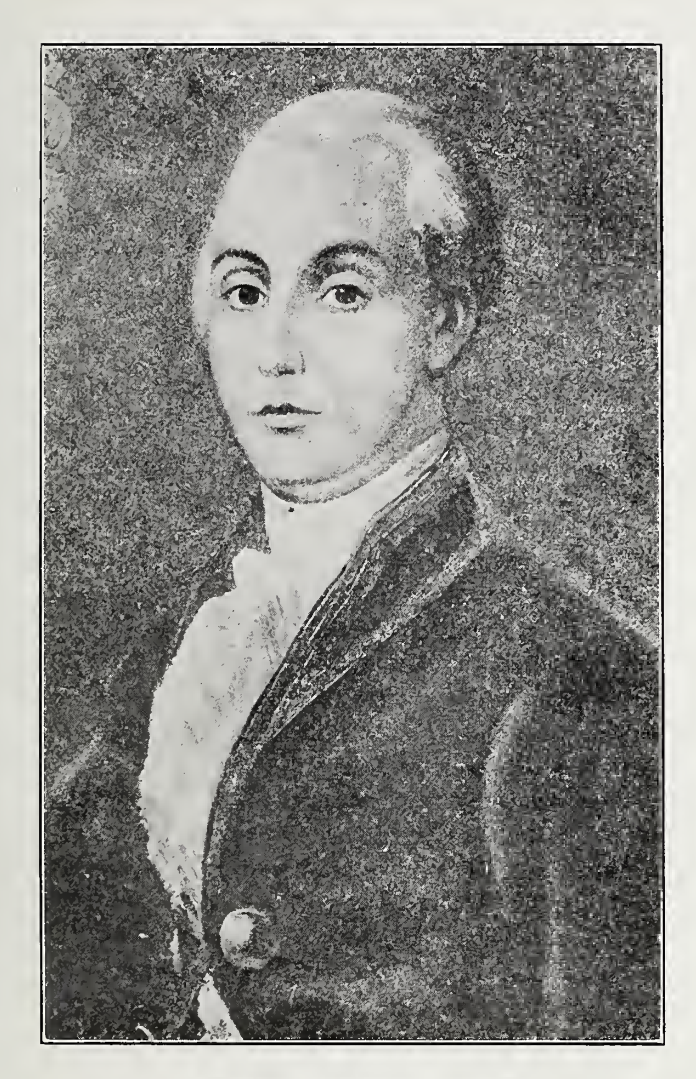
Екатерина усмотрѣла в авторѣ такой книги очень опаснаго для себя человѣка, приказала ее уничтожить, а его предать суду, как „зараженнаго французскими идеалами" революціонера „хуже Пугачева". Радищев был арестован, его судили и приговорили к смертной казни. По случаю мира с Швеціей смертная казнь была замѣнена ссылкой в Сибирь. Книга Радищева была уничтожена и до самаго 1905 г. запрещена. Судьба Радищева была очень тяжелая. При Павлѣ I он был возвращен из ссылки; при Александрѣ I даже был приглашен к участію в комиссіях о государственном преобразованіи, но Радищев не мог измѣнить своим убѣжденіям и заговорил о коренных реформах. Тогда ему намекнули, что могут снова отправить в Сибирь, и Радищев, измученный всей прежней жизнью и убѣдившись, что от Александра нельзя ждать для народа реформ, покончил с собой.

Другим защитником народа в ту эпоху был **Николай Иванович Новиков.** По инициативѣ Екатерины II он стал издавать сатирическій журнал, но, не удовлетворившись поверхностной сатирой во вкусѣ императрицы, он ополчился против того зла, которое усматривал в крѣпостном правѣ. Испуганная Екатерина немедленно закрыла журнал. Затѣм он открыл школы, основал в Москвѣ типографію и книжный склад для распространенія книг нравственно-философскаго характера, при чем всѣ доходы им тратились на филантропическія и общеобразовательныя цѣли. Книжное дѣло распространилось по всей Россіи и к голосу Новикова прислушивалось все образованное общество. Церкви и правительству его вліяніе было не по вкусу, и Новиков скоро был арестован по обвиненію в „политическом заговорѣ". Екатерина настояла, чтоб его приговорили к смертной казни, которая затѣм была замѣнена 15 лѣтним заключеніем в Шлиссельбургской крѣпости, откуда был освобожден Павлом. Чрез четыре года он вышел оттуда дряхлым стариком и дожил до 1818 года.

Радищев и Новиков дали, так сказать, пролог освободительному движенію, и заслуги их никогда не будут забыты русским народом.

Послѣ Екатерины наступило царствованіе Павла, который так притѣснял всѣх, не только крестьян, но и дворян, ссылая своих придворных за малѣйшую провинность, что вызвал к себѣ всеобщую ненависть. Скоро жестокость и сумасбродство Павла дошли до невѣроятных размѣров, и в ночь на 11-ое марта 1801 г. **заговорщики-дворяне задушили его.**

Правительство скрыло это от народа, объявили, что Павел умер от удара, и только в 1905 году разрѣшили писать правду.

Александр Николаевич Радищев.

Николай Иванович Новиков.

ГЛАВА II.

ЗАГОВОР ДЕКАБРИСТОВ

Убійство Павла не облегчило положенія народа. При Александрѣ I народу лучше не стало. Правда, Александръ собирал комиссіи из дворян и чиновников, которые набрасывали проекты переустройства государственнаго управленія в соотвѣтствіи с устройством Западной Европы, но эти преобразованія должны были дать нѣкоторыя права только дворянам, не улучшая положенія крестьянства. Даже Сперанскій вышедшій до нѣкоторой степени из демократических слоев — разрабатывал проект государственнаго устройства, которые, ограничивая власть царя, оставляло крестьян в крѣпостной зависимости. Эта конституція давала право голоса только богатым, так как устанавливала высокій имущественный ценз: выбирать в парламент, который Сперанскій называл Государственной Думой, могли только люди состоятельные. Наряду с Думой учреждался Государственный Совѣт, в состав котораго должны были входить только вельможи по назначенію царя. Совѣт был созван, но Дума показалась царю опасной. Сперанскаго обвинили в измѣнѣ. Александр I совсѣм не хотѣл разставаться с самодержавіем.

Декабристы, казненные 13-го іюля 1826 г.

В 1812 году Наполеон, который насильно поработил французскую свободу, стал деспотом и хотѣл завоевать другія страны. Побѣдить Наполеона могли только народы, а не царь; правители Европы это понимали и обѣщали народам свободу за отраженіе врага. Но когда Наполеон был побѣжден, благодаря усиліям народов и особенно геройству русскаго народа, правители и заключили „священный союз" — и дали обѣщаніе оказывать помощь друг другу против народов, и это обѣщаніе явилось как бы круговой порукой царей в защитѣ своих интересов от революціи.

В это время и началось первое революціонное движеніе среди офицеров гвардейских и армейских полков. Во время Отечественной войны они побывали в Европѣ и прониклись демократическими идеями навѣянными великой французской революціей.

Они основали тайное общество „Союз Спасенія", преобразованный позже в „Союз Благоденствія". Эти общества преслѣдовали раньше только просвѣтительныя цѣли: общія чтенія, бесѣды, разсужденія о смыслѣ жизни и т. п. Затѣм их цѣлью стала борьба за политическія и соціальныя реформы. Сначала надѣялись провести эти

реформы через правительство, потом рѣшили дѣйствовать революціонным путем.

Основной цѣлью интеллигенціи первой четверти 19 столѣтія была идея Новикова и Радищева о необходимости освобожденія крестьян от крѣпостного ига. Отсутствіе единенія, общности взглядов на задачи освободительнаго движенія вызвало среди членов „Благоденствія" разногласіе, и общество скоро упразднилось. Взамѣн его были основаны два новых общества: Сѣверное с Никитой Муравьевым во главѣ, и Южное, душой котораго был полковник Н. Пестель, человѣк сильной воли и рѣшительный.

В основаніе освободительнаго движенія легли три направленія.

Программа партіи Н. Муравьева была построена на аристократических тенденціях. Он был сторонником конституціонной монархіи, ограниченной дворянами. Выбирать в парламент, по проекту его конституціи, могли только богатые люди, имѣющіе не менѣе 30,000 рублей недвижимаго имущества или 60,000 рублей движимаго. Это и было отрицательной стороной его проекта. Но в то же время он стоял за широкое областное самоуправленіе и самоопредѣленіе всѣх народностей в Россіи. Для этих цѣлей он добивался коренной политической реформы. К нему примыкали и такіе члены Сѣвернаго общества, как мелкопомѣстные дворяне Каховскій, Рылѣев, Якушкин, Бестужев-Марлинскій, Якубович и многіе другіе. В одном из писем Каховскій об'ясняет причину возстанія 14 декабря тѣм, что „дворянство оскорблено произволом губернаторов, что помѣщикам отяготительна дорожная повинность, что у помѣщиков отнято куреніе вина и т. д".

Совершенно отдѣльно, как бы цѣлая группа, стоял Николай Тургенев, который активнаго участія в движеніи не принимал, а к его голосу все таки прислушивались. Он противился расширенію прав дворянства и требует прежде всего освобожденія крестьян, без земли или с минимальным земельным надѣлом, даже если б пришлось для этого на время мириться с абсолютизмом.

Впослѣдствіи Николай Тургенев, переживщій „освобожденіе" крестьян вспоминал двадцатые годы:

„Что касается споров о политической свободѣ и о формах конституціи, то я был слишком поглощен вопросом о крѣпостном правѣ, чтоб много им заниматься. Если меня и можно упрекнуть, то развѣ только в равнодушіи к подобным спорам. У меня, конечно, были опредѣленные взгляды на вопросы политическаго строя, не отказался бы дѣйствовать и даже пожертвовать собой, но пока существовало крѣпостное право, всѣ мои помыслы были направлены исключительно на то, что я считал величайшим злом, требующим самаго быстраго леченія"...

Николай Пестель олицетворяет собой третье направленіе в освободительном движеніи. Он требовал не только свободы, но и земли, часть которой должна перейти в их собственность, а другая составит государственный фонд и находится в общественном пользованіи. Послѣднее предлагалось во избѣжаніе захвата большого количества земли отдѣльными лицами. Пестель все время был против буржуазно-аристократических тенденцій Муравьева. Он энергично ратовал за свою цѣльную систему послѣдовательнаго демократизма, требуя всеобщаго равенства всѣх перед законом и уничтоженія поэтому сословности. Он также боролся с абсолютизмом в пользу республиканскаго строя, так как с помощью абсолютизма аристократія еще болѣе начнет угнетать народныя массы. Для Пестеля и абсолютизм и аристократія — одинаковое зло, и главной задачей он поставил— добиться республиканскаго образа правленія активными дѣйствіями. политической революціей. Разошедшись поэтому с Тургеневым, он не мог согласиться и с Муравьевым. Герцен передает интересный факт со слов одного из декабристов. На одном из засѣданій Сѣвернаго общества Пестель сказал:

„Вы провозгласите республику, но это будет лишь перемѣна в названіи. Главным образом надо рѣшить вопрос поземельной собственности; необходимо отдать землю крестьянам — только тогда цѣль революціи будет достигнута".

В то время, как члены Сѣвернаго общества находили, что отмѣна крѣпостного права является «желательной», Пестель требует, чтобы рабство было «рѣшительно уничтожено» и чтоб дворянство «навѣки отреклось от гнуснаго обладанія другими людьми».

Он предлагает «злосовѣстных дворян», которые вздумают «сло-

Декабрист Николай Тургенев.

Кондратій Федорович Рылѣев.

вом или дѣлом противиться или осуждать освобожденіе крестьян. взять под стражу и подвергнуть их строжайшему наказанію, яко врагов отечества и измѣнников противу первоначальнаго кореннаго права гражданскаго»....

Пестель развил грандіозный план частичной соціализаціи земли, при сохраненіи общиннаго начала.

В проэктѣ Пестеля мы имѣем первые зачатки соціализма, который со второй половины XIX столѣтія стал господствующим міровоззрѣніем среди русской интеллигенціи.

Почти все Южное общество было на сторонѣ Пестеля, а Сѣверное отвергло его программу; временно же они дѣйствовали вмѣстѣ из-за тактических соображеній.

Прошло около 3 лѣт, и все это время ожидали обѣщанной свободы. Наконец, когда Польшѣ дана была конституція и Александр I, открывая сейм в 1818 году, сказал, что и Россія тоже получит конституцію, „когда достигнут необходимаго развитія основы столь важнаго дѣла", многіе опять повѣрили этому, но русская интеллигенція того времени пришла к заключенію, что нельзя получить политическую реформу, что ее можно только добыть. Пушкин в эпиграммѣ высмѣял тѣх, которые повѣрили царскому обѣщанію:

От радости в постели
Запрыгало дитя:
„Неужто в самом дѣлѣ
Неужто не шутя:

А мамаша отвѣчает наивному ребенку: —

Закрой свои ты глазки!
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Разсказывает сказки"...

И дѣйствительно, монаршая милость оказалась сказкой. Вмѣсто конституціи Александр дал в награду своему народу, пролившему столько крови для спасенія родины от нашествія Наполеона, Аракчеева, который жестоко стал распоряжаться Россіей. Он дал знаменитыя военныя аракчеевскія „поселенія", режим которых был до того суров, что в 1820 году вызвал бунт в Семеновском полку.

Необузданная реакціонность правительства, усилившаяся аракчеевщина явились лучшей пропагандой революціонных идей.

Представители и Сѣвернаго и Южнаго обществ понимали, что им нужно придти к соглашенію, но не могли сговориться; понимали они также, что нужно поднять возстаніе среди солдат, но не умѣли к ним подойти. Солдаты их мало понимали и плохо слушали.

Между тѣм, пришлось поторопиться с возстаніем. Александр I умер, его брат Константин отказался от престола в пользу третьяго брата Николая. Об этом до послѣдней минуты почти никто не знал. Произошла смута. Одни войска присягали Константину, другія—Николаю. Заговорщики рѣшили воспользоваться этой неурядицей и 14-го декабря 1825 г. вывели на Дворцовую-Сенатскую площадь войска. Но солдаты в большинствѣ случаев не понимали, зачѣм их ведут; все дѣлалось второпях. Возставших было мало, их легко разогнали и разстрѣляли. Также неудачно было возстаніе Южнаго Общества, которое тоже было разгромлено. Вожаков возстанія, декабристов, Николай I сам судил, сам допрашивал, дѣйствуя на одних угрозами, на других как бы лаской, дѣлая вид, что сочувствует народу и хочет ввести преобразованія.

Во время суда Рылѣев сказал: «Я главный виновник событія 14 декабря. Я мог все остановить, но я, напротив, побуждал других к дѣйствію. Если кто заслужил смерть за этот день, то это, конечно, я».

Николай во время допроса обратился к декабристу Якушкину: «Если не хотите погубить вашу семью, то вы должны во всем признаться».

Но Якушкин на это возразил: «Я этого не могу сдѣлать. Вступив в тайное общество, я дал честное слово не называть никого».

Сергѣй Муравьев отказался от помилованія, говоря, что «он возставал против царскаго произвола и потому никакой царской милости не примет».

Николай жестоко расправился с декабристами: пять главных **декабристов — Пестеля, Сергѣя Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина, поэта Рылѣева и Каховскаго — велѣл повѣсить** в Петропавловской крѣпости. Казнь состоялась 13-го іюля 1826 г.

Пестель был казнен первым. Трое оборвались и упали на помост. Сергѣй Муравьев при этом, переломив себѣ ногу, сказал: «Бѣдная Россія! И повѣсить-то не умѣют!»

Распорядитель казни, генерал Чернышев, приказал повѣсить этих трех вторично.

Из остальных декабристов — 88 человѣк были приговорены к долгосрочным каторжным работам, 18 — к ссылкѣ в Сибирь, а 9 человѣк отданы в солдаты.

Декабристы, хотя не всѣ, были представителями русской интеллигенціи. Горячіе протесты Н. Тургенева против расширенія каких бы то ни-было дворянских прав, яркій и сильный демократизм Пестеля ясно указывает, что они подняли оружіе против своих же классовых интересов.

Декабристы, с беззавѣтной вѣрой в идеал, с энтузіазмом и со страстной любовью к отечеству, направились по тому пути, который уже был обозначен в прошедшем ссылкой Радищева и шлиссельбургским заточеніем Новикова.

В декабризмѣ мы имѣем первую попытку перехода от слов к дѣлу. В этом отношеніи надо отмѣтить связь между 1825-м и 1905-м годами. Борьба за политическое освобожденіе для соціальнаго переустройства — в этом связь декабризма со всѣм послѣдующим развитіем русской общественной мысли.

Декабристы, не смотря на свои неудачи, совершили гигантскій шаг на пол-столѣтія вперед в своем аграрном соціализмѣ.

Значеніе декабризма в смыслѣ дальнѣйшаго развитія русской общественной мысли громадно. Пушки на Исаакіевской площади 14 декабря, — говорит Герцен, — разбудили цѣлое поколѣніе.

— „Мы начнем, — сказал Рылѣев за день до возстанія, — я увѣрен, что погибнем, но примѣр останется. Потрясенье необходимо. Тактика революціи заключается в одном словѣ: „дерзай", и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других".

Каховскій, стоя перед висѣлицей, сказал вѣщія слова: „щуку поймали, а зубы остались".

Другой декабрист Лунин писал из ссылки:
„От людей можно отдѣлаться, но от их идей—нельзя!".

И дѣйствительно, никакими репрессивными мѣрами Николай не мог вырвать у русской интеллигенціи ея идеалы и вытравить память о декабристах.

Сергѣй Иванович Муравьев-Апостол.

Петр Григорьевич Каховскій.

Павел Иванович Пестель.

ГЛАВА III.

ЭПОХА НИКОЛАЯ ПЕРВАГО

НАСТУПИЛА эпоха правительственной реакціи, тяжелое время царствованья Николая І. Свободная мысль подвергалась преслѣдованію. Всякими способами старались внушать, что православіе, самодержавіе и народность составляют незыблемыя основы русской жизни.

Под народностью правительство понимало сохраненіе старых обычаев и порядков. в том числѣ и крѣпостного права. А тѣх, кто протестовал, ссылали или сдавали в солдаты.

Сторонники реакціи находили, что русскій народ отличается от народов Западной Европы, а поэтому и государственный строй и строй народной жизни должны отличаться от западных; что Россіи не к лицу французское „вольнодумство" и революція, что ее охранило от этого „чистое" православіе, что русскому крѣпостному хорошо живется, благодаря „отеческим" заботам помѣщика.

Рескриптом 1827 года людям низшаго происхожденія было запрещено поступать в среднія и высшія учебныя заведенія, так как правительство находило, что земледѣлец может обучаться чтенію, письму, четырем дѣйствіям арифметики, сельской механикѣ, скотоводству и обработкѣ полей; а другія науки, которыя могут быть доступны только людям государственным, совсѣм неприличны для черни и даже вредны в отношеніи благоденствія.

Но все таки правительству пришлось уступить, и в 1845 г. министр народнаго просвѣщенія, имѣя в виду, что „в высших и средних учебных заведеніях умножается число людей из рожденных в низших слоях общества, для которых высшее образованіе безполезно, составляя расходы для них и выводя их из круга первобытнаго состоянія без выгоды для них и государства", прибѣгает к другим мѣрам. Он нашел необходимым увеличить плату с учащихся „не столько для увеличенія сумм учебных заведеній, сколько для удержанія стремленія к образованію".

Общество взволновалось, и правительство было вынуждено открыть свободный доступ к образованію, но оно зато силится задержать умственное развитіе массы, сводя нарочно школу к обученію лишь грамотѣ, а высшую — к обученію мертвым языкам, чтоб притупить мозги.

Тяжелое время наступило и для университетов, которыми управляли чиновники, не имѣвшие понятія о наукѣ. Профессоров было мало, а большинство лекцій читалось назначенными чиновниками по старым тетрадкам, одобренным начальством.

Положеніе литературы было еще тяжелѣе. Цензура становилась все сурвѣе. Кромѣ общей, было учреждено еще 17 цензур. Только идеи, согласныя с оффиціальной народностью, могли свободно выражаться в печати. Основать новый журнал заподозрѣнному в несочувствіи властям не было возможности. На прошеніи Г. Н. Грановскаго о разрѣшеніи ему издавать журнал, — была краткая резолюція — „не надо!"

Здоровая и живая общественная мысль должна была скрываться. Она не исчезла совсѣм, но, не находя себѣ выраженія в литературѣ, жила и развивалась в тѣсных дружеских кружках, среди десятка — другого молодых людей, почти мальчиков. Два из таких кружков сыграли выдающуюся роль в исторіи русской мысли: кружок Н. В. Станкевича и кружок А. И. Герцена и Огарева. Послѣдній был его ближайшим сотрудником не только по кружку, но и принимал впослѣдствіи дѣятельное участіе в его заграничной журнальной работѣ.

Кружок Станкевича возник в университетѣ, и в него входили, кромѣ самого Станкевича, историк Строев, поэты Клюшников и Красов, К. С. Аксаков, поэт и публицист и будущій знаменитый критик В. Г. Бѣлинскій. Через два года послѣ того, как члены кружка разстались с университетом, к ним примкнули еще четыре крупных дѣятеля эпохи: М. А. Бакунин, М. Н. Катков, В. П. Боткин

и Т. Н. Грановскій.Всѣх этих лиц сплачивало в одно цѣлое обояніе необыкновенно свѣтлой личности Станкевича, который обладал ясным умом, способным разбираться в самых отвлеченных вопросах. Благодаря этому, Станкевич давал окружающим могущественныя духовныя побужденія, заставляя работать в них лучшія силы ума и чувства. В 1837 г. болѣзнь и жажда поучиться привели Станкевича за границу. Он подолгу живал в Берлинѣ, гдѣ занимался философіей и завязал дружескія отношенія с нѣкоторыми западно-европейскими учеными и писателями. В это время подружились с ним и подпали его вліянію И. С. Тургенев и Т. Н. Грановскій. В 1840 г., 27 лѣт от роду, Станкевич умер в Италіи.

Одновременно с кружком Станкевича возник кружок Герцена. Здѣсь занимались преимущественно общественно-политическими вопросами. Герцен и его друзья увлеклись Сен-Симоном, одним из величайших предшественников современнаго соціализма, фанатиком науки с вдохновенным языком пророка, когда он ополчался против аристократіи и духовенства. На суд его ученія было поставлено крѣпостное право.

Александр Иванович Герцен родился в Москвѣ в 1812 году. Его отец был суровый русскій барин Иван Яковлев, а мать — нѣмка Луиза Гааг. В домѣ царила тяжелая атмосфера, и мальчик Герцен стал уходить в себя. Казнь Пестеля и его товарищей, запретныя политическія стихотворенія Пушкина, „Думы" Рылѣева оставили на него глубокое впечатлѣніе.

В 1830 году Герцен поступил в московскій университет на математическій факультет.

В 1834 г. над кружком Герцена разразилась административная гроза, и члены его разсѣялись в разныя стороны. Около этого времени распался и кружок Станкевича.

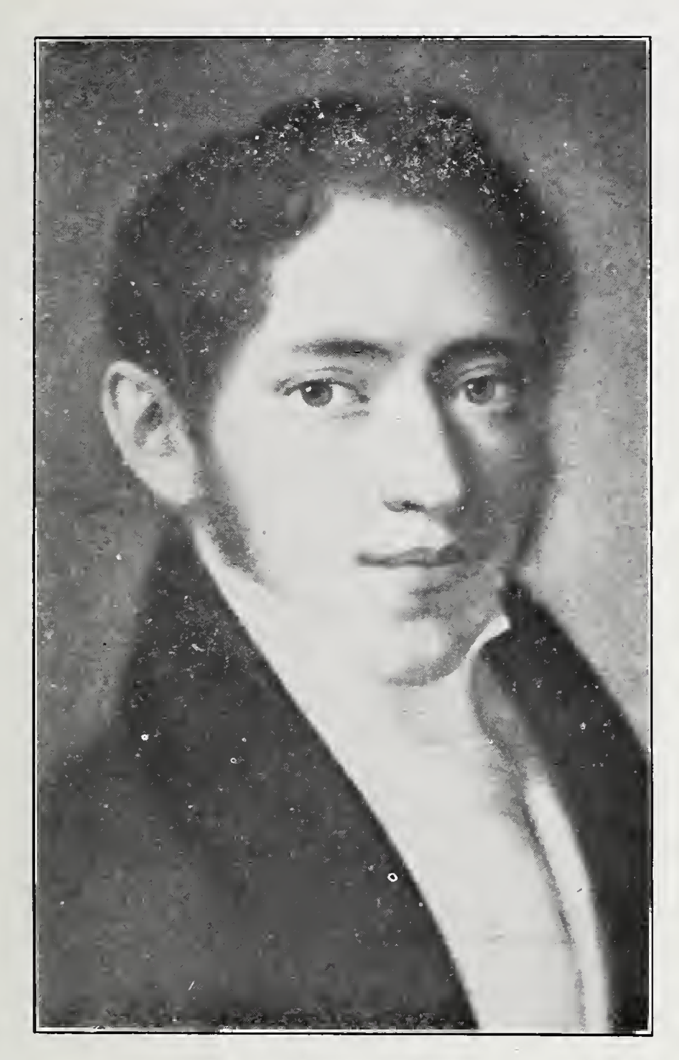
Послѣдствіем этой грозы была ссылка Герцена в Вятку. Служба в губернском правленіи под начальством одного губернатора, типичнѣйшаго дореформеннаго администратора, отсутствіе интеллигентнаго общества, тоска по Москвѣ тяжело ложились на душу Герцена. В 1838 году Герцен был переведен из Вятки во Владимир, а в 1840 г. Герцен вернулся в Москву и впервые сошелся здѣсь с кружком Станкевича. Кружок в это время находился в порѣ самаго страстнаго увлеченія философіей Гегеля, основывая на ней свое примирительное отношеніе к русской дѣйствительности. Усиленно занялся Гегелем и Герцен.

В 1841 году Герцену пришлось испытать вторичную ссылку: он был сослан в Новгород совѣтником губернскаго правленія и отдан под надзор полиціи. В воспоминаніях Герцена приведены потрясающія сцены русской жизни, с которыми ему, как чиновнику, приходилось сталкиваться. С каждым днем потребность уйти из канцелярскаго міра становилась сильнѣе. Наконец, послѣ одной возмутительной сцены, показавшей Герцену весь ужас крѣпостного права и грубость администраціи, терпѣніе его лопнуло, и он рѣшил, что „пора кончить комедію".

В іюлѣ 1842 г. Герцену разрѣшили вернуться в Москву, с этого времени началась его литературная дѣятельность.

Во взглядах об'единившихся групп на нѣкоторые общественные и историческіе вопросы была столь большая разница, что сошедшіеся на время кружки снова распались в 1846 г. С этого времени окончательно опредѣлились два крупнѣйших теченія русской общественной мысли — западничество и славянофильство.

Основное положеніе западничества состояло прежде всего в признаніи непререкаемой цѣнности западно-европейской культуры. Главнѣйшими представителями западничества в изображаемую нами эпоху были Т. Н. Грановскій, А. И. Герцен и В. Г. Бѣлинскій, нашедшіе многочисленных послѣдователей и продолжателей их дѣла. В своих журналах „Отечественныя Записки" и „Современник" западники дѣятельно знакомили русское общество с важнѣйшими явленіями европейской жизни, науки и литературы, обращая больше всего вниманія на общественно-политическіе вопросы, волновавшіе в то время Францію. Под вліяніем западников в широких кругах русскаго общества развился интерес к сочиненіям французских мыслителей (упомянутаго уже Сен-Симона, Кабэ, Фурье), явившись предтечами современнаго соціализма: недаром, преслѣдуя кружок, так называемых, петрашевцев, изучавших этих мыслителей, русское правительство, устами одного из своих агентов, заявляло, что «идеи их (петрашевцев) посѣяны и принесли болѣе или менѣе плоды в разных мѣстах государства". Западникам обязано рус-

Николай Платонович Огарев.

Александр Иванович Герцен...

ское общество также широким знакомством с выдающимися европейскими писателями.

В 1846 г., получив в наслѣдство крупное состояніе, сдѣлавшись человѣком вполнѣ независимым, Герцен в 1847 г. уѣхал за границу. Там, ознакомившись с Западом, он пишет замѣчательную книгу „С того берега". Презрѣніе к европейскому „мѣщанству", разочарованіе в либерализмѣ, признаніе главенства вопросов соціальных над вопросами политическими, — вот мысли, звучащія со страниц этой книги. Будущее Европы кажется ему безотрадным: надо накопить новыя силы, но до этого ей предстоит пережить долгіе годы владычества буржуазіи. От этого грустнаго будущаго Европы Герцен отворачивается, чтобы взглянуть на покинутую им родину. В Россіи он не находил буржуазіи в европейском смыслѣ слова. она не пойдет дорогой „мѣщанства", а изберет свой особый путь к лучшему будущему: страна мужицкая, земледѣльческая, она разовьет грядущій строй жизни из той соціальной ячейки, которой является община. „Общественное владѣніе землей, мір и выборы составляют почву, на которой легко может вырасти новая общественная жизнь", писал Герцен. „Вот почему я, среди темной ночи, готогая падает на усталый больной Запад, отварачиваюсь от предсмертнаго стона великаго борца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя, и с упованіем смотрю на наш родной восток, внутри радуясь, что я русскій". В этих словах, как когда-то в своих философских настроеніях, Герцен — человѣк переходной эпохи: оставаясь в культурном смыслѣ западником, он одну руку протягивал назад, покинутым на родинѣ славянофилам, другую — грядущим поколѣніям русской интеллигенціи 60-х и 70-х годов.

***

Революціонное броженіе умов среди молодежи стало сильно безпокоить Николая I. Не только в Москвѣ и Петроградѣ, но и в провинціи организовывались кружки революціоннаго характера. Собирались в частных домах, бесѣдовали на соціальныя, политическія и литературныя темы. Распространялись запрещенные журналы и книги. Особенное вліяніе на молодежь имѣл в это время извѣстный русскій публицист **В. Бѣлинскій.**

Виссаріон Григорьевич Бѣлинскій родился в 1810 году в Свеаборгѣ, гдѣ отец его был флотским офицером. Дѣтскіе годы он провел в гор. Чембарѣ, Пензенской губ., при тяжелых условіях домашней жизни. Отец его, человѣк умный и развитой, много пил, был груб с домашними и доходил до кулачной расправы с дѣтьми. Мать была хотя и добрая женщина, но крайне не развитая и с несдержанным характером.

Уже в гимназіи он обнаружил страсть к серьезному чтенію и самостоятельному мышленію. Он не интересовался сухим гимназическим преподаваніем и был исключен за «нехожденіе в класс». Он подготовился и в 1829 году поступил в Московскій университет, откуда через три года был исключен оффиціально «по ограниченности способностей», а на самом дѣлѣ причиной увольненія послужило его юношеское произведеніе, трагедія «Дмитрій Калинин», в которой дал волю негодованію против крѣпостного права.

Бѣлинскій был одним из дѣятельных членов кружка Станкевича.

Со свойственной ему горячностью и логическим безстрашіем Бѣлинскій, примѣнив формулу Гегеля о разумности всякаго явленія к русской жизни, выступал сначала защитником фактов и условій русской дѣйствительности, которая тогда опредѣлялась «оффиціальной народностью». Но скоро Бѣлинскій измѣняет свои взгляды и дѣлается рѣзким критиком этой дѣйствительности.

«Боже мой», пишет он про свои прежнія гегельянскія увлеченія: «страшно подумать, что со мной было — горячка или помѣшательство ума».

«Я не хочу счастья и даром, — пишет он в другом письмѣ, — если не буду спокоен на счет каждаго из моих братій по крови».

«Соціальность — вот девиз мой!»... «Я теперь в новой крайности — говорит он в письмѣ к Боткину в 1841 году — это идея соціализма, которая стала для меня идеей идей, бытьем бытія»...

В Бѣлинском, как в началѣ тридцатых годов в русских сен-симонистах (кружок Герцена и Огарева) и позже в Петрашевцах, русская соціалистическая мысль переживала період своего утопизма.

У Бѣлинскаго и русских соціалистов сороковых годов не было

тщательно выработанной программы: они всѣ увлекались лишь самыми основами соціализма.

В соціализмѣ Бѣлинскій видѣл возможность общества, основаннаго «на правдѣ и доблести», при которой только и достижима «независимость человѣческой личности».

В нѣкоторых взглядах он был близок к славянофильству. В одном разговорѣ с Грановским Бѣлинскій выразил славянофильскую мысль, что Россія лучше с'умѣет, пожалуй, разрѣшить соціальный вопрос... чѣм Европа.

Это самое мнѣніе, высказанное Бѣлинским, затѣм легло в основу русскаго соціализма—народничества.

Громадное общественное значеніе в эпоху николаевскаго террора имѣло его знаменитое письмо к Гоголю. Его заучивали наизусть и распространяли в сотнях списков. Послѣ эпохи двадцатых годов это письмо признано первым „нелегальным" произведеніем. Напрасно правительство жестоко боролось против распространенія его, за что ссылало на каторгу и приговаривало даже за недонесеніе о распространеніи письма к смертной казни.

Для Бѣлинскаго было уже приготовлено мѣстечко в казематѣ, гдѣ собирались его заживо сгноить, и николаевскіе палачи „яростно сожалѣли", что тот рано умер. Так велико было его вліяніе на молодое поколѣніе. Правительство Николая поняло, что русская интеллигенція, выдвинув из своей среды такого поборника правды и справедливости, как Бѣлинскій предвѣщал гибель темным силам.

В началѣ 1847 года в Кіевѣ был арестован кружок Кирилло-Мефодіевскаго братства, в котором видное участіе принимал украинскій поэт **Тарас Шевченко.**

Цѣлью этого кружка было распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянских народов. По своей программѣ кружок стремился к свободѣ религіи, обязательному обученію народа, уничтоженію крѣпостнаго права и всяких привиллегій, уничтоженію смертной казни и тѣлесных наказаній.

Намѣчено было также разбить Россію на нѣсколько штатов, с сенаторами, министрами и президентом, выбираемым на четыре года.

Затѣм начался процесс Петрашевцев. Так названы члены кружка, который образовался в 1849 г. под руководством Петрашевскаго. К нему принадлежали: **Спѣшнев, Дуров, Момбелли, Черносвитов,** извѣстные впослѣдствіи писатели **Достоевскій, Салтыков-Щедрин.** Это были мечтатели-соціалисты, послѣдователи **Фурье**.

Руководители кружка были осуждены на смерть, поставлены под разстрѣл, и только тогда им объявили царское помилованіе. Они были сосланы на каторгу. Эти минуты, проведенныя на эшафотѣ, запечатлѣлись у Достоевскаго душевным надломом и придали болѣзненную жестокость его таланту.

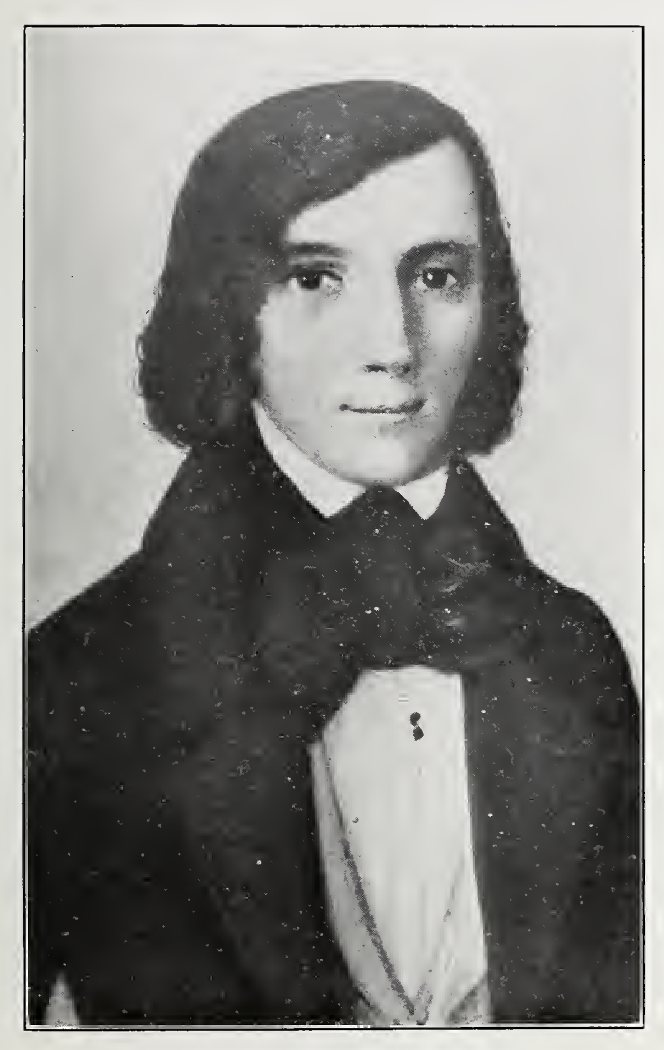
Достоевскій провел на каторгѣ четыре года, а затѣм отправили на службу рядовым в Омскій острог. Послѣ вступленія на престол Александра II, Достоевскій был произведен в офицеры, а в 1859 году он получил разрѣшеніе выйти в отставку и вернуться в Россію.

Будущій величайшій русскій сатирик, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, за два свои разсказа «Противорѣчія» и «Запутанное дѣло», напечатанных в «Отечественных Записках», был сослан в Вятку с зачисленіем на службу при губернском правленіи. Эти разсказы носят яркій отпечаток идей, волновавших русское общество в 40-ые годы.

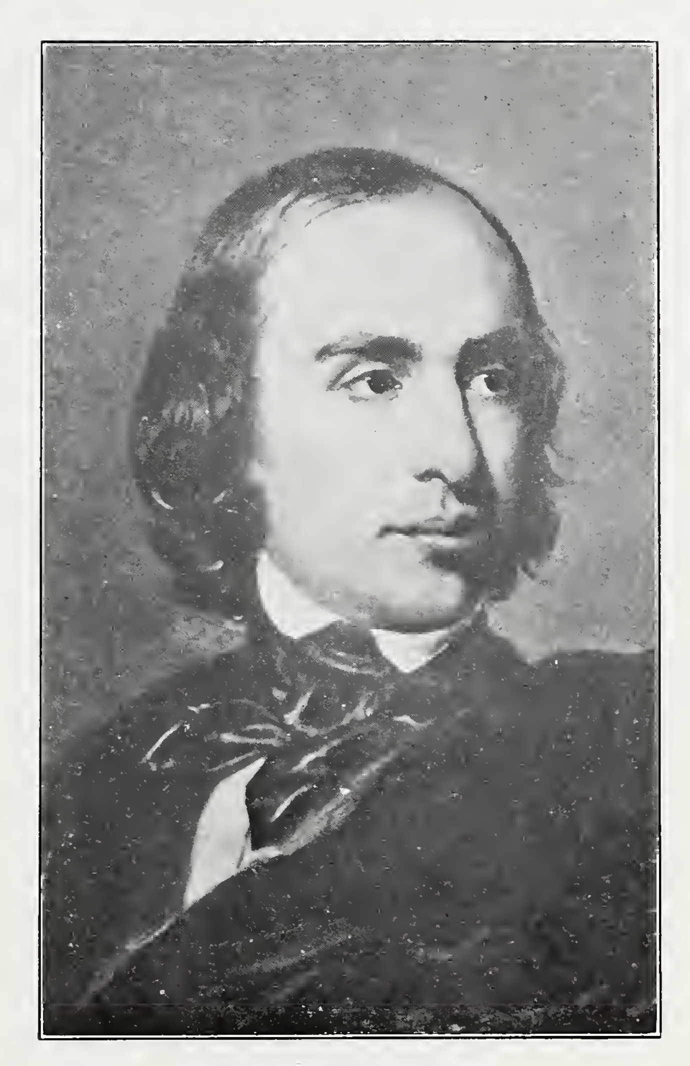
Тургенев в это время издал свои очерки под заглавіем «Записки охотника». Книга произвела громадное впечатлѣніе и на общество и на власть. Послѣдняя увидѣла в ней своеобразный протест против крѣпостного права и воспользовалась первым предлогом, чтобы наказать Тургенева. За статью, написанную под свѣжим впечатлѣньем смерти Гоголя, Тургенев был арестован и затѣм выслан в деревню на два года.

В 1853 году началась Крымская война. Бюрократія так себя вела, что даже нѣкоторые консервативные элементы стали высказывать свое недовѣріе к правительству. Армія нуждалась в вооруженіи, съѣстных припасах и других предметах необходимости. Медицинскія принадлежности продавались начальством врагам. Повсюду царило взяточничество чиновников. Даже в арміи замѣчались попытки к возстанію.

И в это злополучное время царь Николай I умер и передал Александру II государство в полном разстройствѣ.

Николай Владимірович Станкевич.

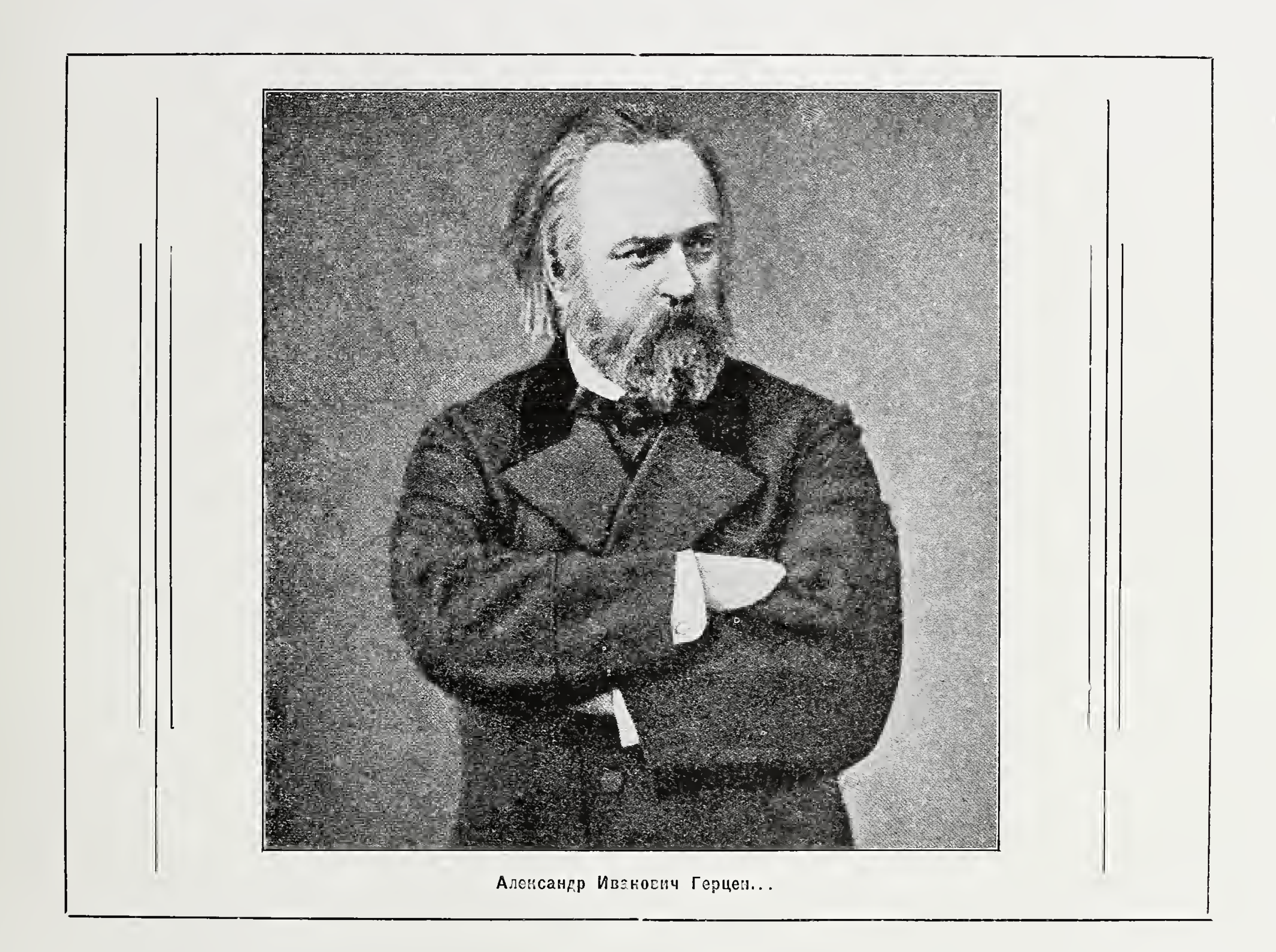
Тимофей Николаевич Грановскій.

Виссаріон Григорьевич Бѣлинскій.

Виссаріон Григорьевич Бѣлинскій.

Александр Иванович Герцен...

ГЛАВА IV.

ЭПОХА АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО

Крымская кампанія раскрыла гнойники мрачной эпохи Николаевщины, и Александр II предпринял ряд реформ, из которых важнѣйшей было освобожденіе крестьян 1861 г. Освобожденіе крестьян было актом вынужденным: крестьяне систематически поднимались против помѣщиков, и правительство находило, что „лучше освободить крестьян сверху, чѣм дожидаться, что они освободят себя снизу“. Раскрѣпощеніе крестьян было крупным шагом вперед, но это освобожденіе было не полное: правительство дало им или мало земли, или за очень большой выкуп, который крестьяне выплачивали до Николая II, когда послѣ крестьянских бунтов выкупные платежи были прекращены.

Александр Иванович Герцен издавал в это время в Лондонѣ журнал „Колокол“, который тайным образом перевозился в Россію и имѣл большое вліяніе на молодежь.

Герцен не ограничился этим и рѣшил обратиться к недавно вступившему на престол Александру Второму с письмом, из котораго приводим слѣдующія выдержки:

...„Вы, вѣрно, любите Россію и вы можете так много сдѣлать для народа русскаго.

...Я — неисправимый соціалист, а вы — самодержавный император, но между вашим знаменем и моим может быть одно общее — любовь к народу...

...Государь, дайте свободу нашему слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляет грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках, — нам есть что то сказать міру и своим.

...Дайте землю крестьянам — она и так им принадлежит. Смойте пятно крѣпостного права...

...Торопитесь! Спасите крестьянина от крови, которую он должен будет пролить...

...Вы удивитесь моей дерзости, может быть, разсмѣетесь. А лучше не смѣяться. Я говорю только то, о чем у нас молчат.

Искандер“.

10 марта, 1855 г.

Надо замѣтить, что журнал Герцена стал выходить в то время, когда в Россіи повѣяло весной, послѣ Крымской войны. Ряд либеральных мѣр правительства заставил Герцена повѣрить, что оно идет рука об руку с обществом, а когда в 1857 году раздалась первая вѣсть грядущаго освобожденія крестьян — рескрипт на имя виленскаго генерал-губернатора, — Герцен восторженно привѣтствовал Александра II статьей, которая начиналась словами: „Ты побѣдил, Галлилеянин!“. „Колокол“ пріобрѣл громадное вліяніе. Великолѣпно освѣдомленный обо всем, что дѣлалось в Россіи, журнал читался всюду, от студенческой коморки до царскаго дворца: Александр II был постоянным и внимательным его читателем. Нѣкоторые номера „Колокола“ оффиціально раздавались членами редакціонной коммиссіи по крестьянскому вопросу. Правители администраціи боялись обличеній „Колокола“, как огня.

Крестьяне остались в положеніи „податнаго“ сословія, на них лежала вся тяжесть налогов. Для крестьян были введены особые сословные (волостные) суды и сохранены тѣлесныя наказанія. Крестьяне были, кромѣ того, почти прикрѣплены к волости, так как каждые три мѣсяца они должны были мѣнять паспорта, должны были испрашивать разрѣшенія сельскаго общества на поступленіе в учебныя заведенія и т. п. Крестьяне не могли удовлетвориться такой „волей“, но они еще вѣрили в царя, и они думали, что, вѣрно, их обманули дворяне, которые спрятали настоящій манифест царя.

а дали им подложный. Опять начались крестьянскія возстанія. Они усмирялись жестокими карательными экспедиціями. Герцен в это самое время, в своем журналѣ „Колокол" писал, что он поддерживал правительство в его намѣреніи дать народу свободу, но, увидя, что народу не дали земли и что Освободитель сдѣлался усмирителем, он стал писать против царской власти. Он также защищал права снова возставших в 1863 г. поляков, за что правительство и помѣщики называли его „измѣнником".

Герцен считается родоначальником народничества, в котором, хотя замѣчались недочеты, но они были исправлены его послѣдователями. Шестидесятые и семидесятые годы дают яркія страницы послѣдующаго народничества. Послѣднее сыграло крупную роль в освободительном движеніи, так как в основу народничества легла проблема соціализма.

Революціонно настроенная интеллигентная молодежь не могла довольствоваться тѣм, что давало правительство. Она хотѣла добиться соціализма, общаго труда на общую пользу, строя, в котором трудящіеся люди имѣли бы свободный досуг и возможность умственнаго развитія. Правительство, которое ожидало хвалы за реформу, начало ссылать недовольных людей на каторгу, сажать в тюрьмы. Университеты закрывались, закрывались всякіе студенческіе кружки, даже общества взаимопомощи, разгонялись собранія, закрывались воскресныя школы для взрослых. Наконец, жестокое усмиреніе польскаго возстанія, когда правительство натравливало один народ на другой, окончательно показало, что правительство Александра II было не лучше правительства Николая I. Правда, производились реформы, но всѣ эти рефомы, вызванныя необходимостью, были половинчатыя. Учреждалось земство (мѣстное, выборное самоуправленіе), но оно было в руках помѣщиков. Давалось самоуправленіе городам, но без участія рабочаго населенія. И земское, и городское самоуправленіе были отданы под надзор полиціи и губернаторов. Правда, умѣренныя партіи говорили о конституціи, но только не смѣло, полагая, что народ еще не дорос до настоящей свободы.

Освободительное движеніе вступило в новый фазис своего развитія. Западно-европейскія событія и идеи сильно вліяли на умы русской молодежи, которая зачитывалась запрещенными сочиненіями Прудона, Фурье, Овена и других соціалистов старой школы, не смотря на всѣ мѣры, принятыя цензурой.

Главными популяризаторами этих идей и руководителями молодежи были: Н. Г. **Чернышевскій,** глубокій мыслитель, экономист, знаток хозяйственной жизни Россіи, представитель научнаго соціализма, который был обвинен по подложным документам и сослан на каторгу; **Добролюбов,** превосходный публицист и критик, который, хотя умер 26 лѣт от роду, но оставил по себѣ и до сих пор глубокій слѣд; **Михайлов,** профессор и писатель, осужденный на каторжныя работы за рѣчь к студентам.

Жертвой реакціи Александра II в 1862 году сдѣлался также идейный представитель русской мысли, критик Димитрій Иванович Писарев. Четыре года ему пришлось провести в Петропавловской крѣпости за то, что напечатал одну из своих статей в тайной типографіи.

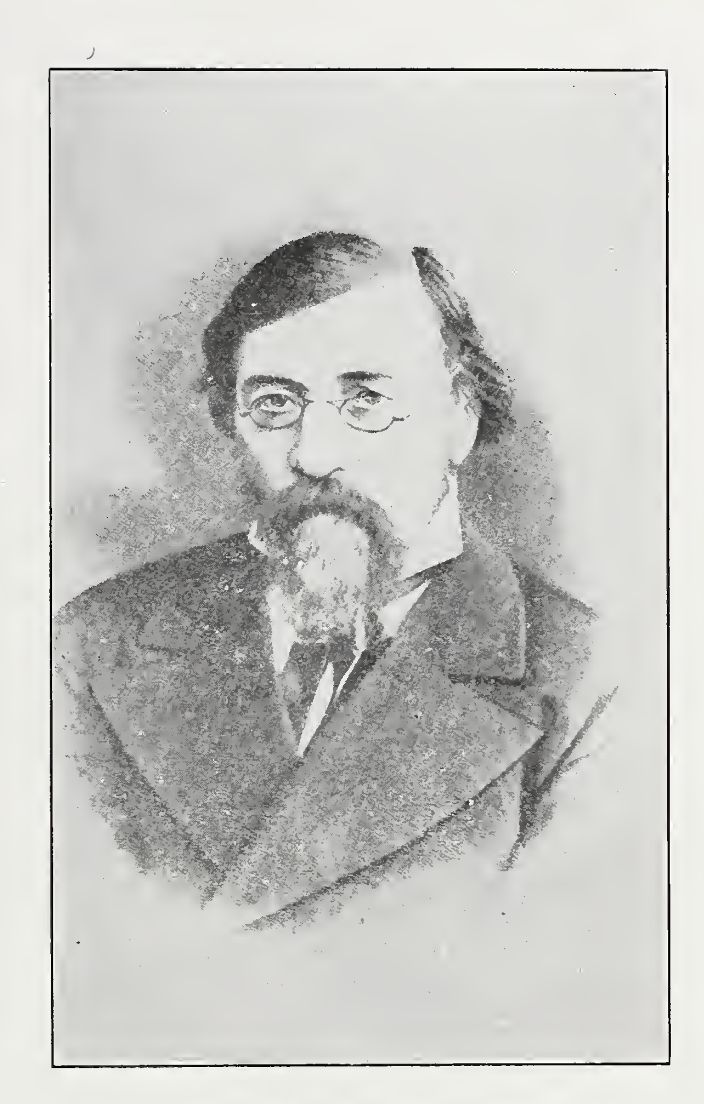
Хотя в 1864 году Россіи был дан новый суд, — „скорый, правый, милостивый" — с участіем присяжных засѣдателей, представителей общественной совѣсти, но он был дан только для уголовных преступленій, а политическіе, так называемые „государственные" преступники, судились сановниками. Правительство не довольствовалось расправой этих судей и стало передавать дѣла по „ниспроверженію" государственнаго строя в военные суды. Дикая месть и расправа правительства вызывали раздраженіе в обществѣ. Революціонная молодежь образовала тайное общество.

ПОКУШЕНІЕ КАРАКОЗОВА

Димитрій Каракозов (род. в 1841 г.) 4 апрѣля 1866 г. совершил покушеніе на жизнь Александра II, выстрѣлив в него из пистолета. В это время полупьяный картузник Комиссаров ударил Каракозова по рукѣ, и заряд прошел мимо царя. По этому дѣлу было арестовано в Москвѣ и Петербургѣ много лиц и создано было так называемое Каракозовское дѣло.

Николай Гаврилович Чернышевскій.

Николай Гаврилович Чернышевскій.

Каракозову было во время суда 23 года. Он был студентом-юристом московскаго университета. Худой, бѣлокурый, с прелестными сѣро-голубыми мягкими глазами, с впалыми щеками, покрытыми румянцем, указывавшим на расположеніе в чахоткѣ, он был очень сдержан, молчалив в собраніях, внимательно прислушивался к рѣчам других. Особенное впечатлѣніе оставляли на него страстныя рѣчи его двоюроднаго брата Ишутина, высказывавшагося за необходимость самыхъ разнообразных средств борьбы, не исключая и наиболѣе крайних.

В тайниках своей души он рѣшился на цареубійство, чтобы расшевелить молчащій народ и начать эру серьезной борьбы с самодержавіем.

По словам Ишутина на судѣ, Каракозов нѣсколько раз говорил ему, что «положеніе Россіи бѣдственно, что ей ни в каком случаѣ не могут помочь никакія филантропическія предположенія и что необходим болѣе или менѣе рѣзкій, какой-нибудь рѣшительный факт, что своим преступленіем он может принести пользу народу.

Запасшись пистолетом и ядом, он тайно от товарищей уѣхал из Москвы в Петербург, оставив письмо с признаніем, что он хочет совершить покушеніе на Александра II. Товарищи, испугавшись за предпринятый им шаг, рѣшили вернуть его немедленно в Москву. Ишутин и Странден отправились в Петербург, розыскали Каракозова и заставили его вернуться в Москву. Но тот скоро снова исчез, а затѣм разнеслась вѣсть о покушеніи 4 апрѣля.

Димитрій Каракозов.

Правительство внушало народу, что это стрѣлял дворянин за то, что царь освободил крестьян, и Каракозов был выставлен врагом народа. Он был повѣшен на Смоленском полѣ при всем народѣ, с барабанным боем. Комиссаров был произведен в дворяне. Товарищ Каракозова, Ишутин был взведен на эшафот, поставлен под петлю и тогда помилован, как петрашевцы при Николаѣ I.

Не смотря на то ,что привлеченные по каракозовскому дѣлу серьезно, кромѣ одного Каракозова, мечтали лишь о пропагандѣ, устройствѣ школ, ассоціацій и т. п., царскій суд вынес им строгій приговор: всѣ они были отправлены на каторгу, гдѣ томились долгое врамя.

Еще до каракозовцев, послѣ того как правительство принуждено было дать крестьянам «волю», нѣкоторые отнеслись к этому акту монаршаго «благодѣянья» с должной оцѣнкой.

Особенно тогда проявило свою революціонную дѣятельность общество «Великорусс», которое требовало конституцію. Виднѣйшими членами этого общества были поэт Михаил Илларіонович Михайлов, офицер Обручев и Серно-Соловьевич, который перевозил из Лона для распространенія их по Россіи.

Из упомянутых лиц особенно проявлял свою революціонную дѣятельность Михайлов.

Сильное возбужденіе умов среди молодежи вызвала прокламація Михайлова под названіем „К молодому поколѣнію". В ней он писал:

„... Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была понимающая потребности страны. А чтобы она могла быть такой, она должна быть из самих нас — выборная и ограниченная... Мы хотим быть частью существующаго в народѣ начала самоуправленія. Если крестьяне избирают сами из себя старшин и голов, если общинам предоставлено право гражданскаго суда и полицейской расправы, зачѣм не пользуется этим вся Россія. Правительство дало крестьянам волю, потому что боялось крестьянских топоров, но нас никто не боялся. Теперь же мы сильнѣе и мы хотим народнаго управленія.... Мы хотим, чтобы привиллегированных сословій не существовало. Мы не хотим дворянства и титулованных особ. Мы хотим равенства всѣх перед законом... Мы хотим, чтобы денежные сборы с страны не шли неизвѣстно куда, чтоб их не крали...

Мы хотим открытаго и словеснаго суда, уничтоженія императорской полиціи — явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія.

Мы хотим, чтоб земля принадлежала не одному лицу, а странѣ, чтоб у каждой общины был свой надѣл... Мы хотим, чтоб девять милліонов десятин свободной земли были отданы дворовым людям, пущенным манифестом 19 февраля по-міру".

Отвѣтом правительства на это воззваніе к молодежи была ссылка большинства членов общества „Великорусс" в Сибирь и на каторгу.

Ссылка Каракозовцев и членов «Великорусса» и казнь Каракозова не только не подавила революціоннаго движенія, но, напротив, оно росло, дѣлалось все шире, захватывало болѣе широкіе общественные круги. Русская молодежь ѣдет за границу, за предѣлы досягаемости, чтобы „с того берега" звать к свободѣ родной народ. Там, за границей, под руководством стариков-эмигрантов основываются новыя организаціи, возникают соціалистическіе кружки. Один из учителей этой молодежи — Бакунин.

М. А. БАКУНИН

Михаил Александрович Бакунин родился 8 мая 1814 г. в дер. Прямухино, Тверской губерніи. Отец его, бывшій атташе при посольствах, исповѣдывал либеральныя убѣжденія и принадлежал к одному из обществ декабристов, но послѣ 14 декабря 1825 г., сдѣлавшись скептиком, рѣшил заняться сельским хозяйством и воспитаніем дѣтей.

Вид терроризированной Польши во время подавленія польской революціи 30 года произвел сильное впечатлѣніе на молодого артиллерійскаго офицера Михаила и вызвал в нем омерзѣніе к деспотизму, вслѣдствіе чего он скоро навсегда отказался от военной службы и отдался изученію философіи.

В 1840 г. Бакунин уѣхал в Петербург, оттуда в Берлин, Дрезден, и наконец, в Цюрих, гдѣ встрѣтился с нѣмецкими коммунистами.

Преслѣдуемый швейцарской полиціей и русским посольством, он вынужден был в 1844 году отправиться в Брюссель, а оттуда в Париж, гдѣ встрѣтился с Карлом Марксом и Энгельсом, а также с Жорж Занд. Здѣсь же он сошелся с Прудоном, с которым часто вступал в пренія, расходясь с ним в нѣкоторых пунктах.

Эти годы были для Бакунина самыми благотворными для его интеллектуальнаго развитія. В его умѣ стали тогда обрисовываться идеи, создавшія впослѣдствіи его революціонную программу.

В концѣ 1847 года, по просьбѣ русскаго посла Кисилева, Бакунин был выслан из Парижа, и ему пришлось переѣхать в Брюссель, гдѣ жил тоже изгнанный из Франціи Карл Маркс.

Революція 24 февраля дала возможность Бакунину вернуться во Францію. По словам Герцена, жившаго тогда уже в Парижѣ, Бакунин нырнул головой в революціонное море. Он проповѣдывал коммунизм, освобожденіе всѣх славян и революцію до уничтоженія послѣдняго врага.

По порученію парижских революціонеров, Бакунин отправился в Берлин, Бреслау, Прагу, гдѣ без успѣха вел демократическую и революціонную пропаганду на конгрессѣ славян. Изгнанный из Пруссіи и Саксоніи, он напечатал брошюру, в которой развивает свою

программу: союз славянскихъ революціонеровъ с революціонерами других націй, венгерской, нѣмецкой и итальянской, для разрушенія россійской и австрійской монархій и прусскаго королевства, а затѣм свободную федерацію освобожденных славянских народов.

В 1849 году он организует возстаніе в Богеміи. Гигантская фигура Бакунина привлекала к нему особенное вниманіе. Про него говорили, что он „истинная душа всей революціи“, что он „практиковал террор, распространявшій ужас”.

9 мая Бакунин был арестован, выдан пруссакам и посажен в крѣпость Кенигштейн. 14 января 1850 года его присудили к отсѣченію головы, но смертную казнь замѣнили пожизненным заключеніем и затѣм его скоро выдали Австріи по ея требованіям.

Там он был приговорен к повѣшенію, но опять замѣнили казнь пожизненным заточеніем. В австрійских тюрьмах он содержался в ручных и ножных кандалах, а в Ольмюцѣ даже был прикован цѣпью к стѣнѣ.

Вскорѣ Австрія выдала Бакунина русскому правительству, которое засадило в Алексѣевскій равелин Петропавловской крѣпости. Царь Николай, через графа Орлова, передал ему желаніе имѣть его исповѣдь, на что Бакунин в письмѣ отвѣтил, что в исповѣди честь и совѣсть никогда не позволят измѣнить кому бы то ни было из довѣрившихся ему и что поэтому он не сообщит никаких имен. Николай, прочитав письмо, сказал: „Он умный и хорошій малый, его надобно держать взаперти”.

Александр II собственноручно вычеркнул из списка амнистируемых имя Бакунина. На просьбу матери о помилованіи, самодержец отвѣтил ей: „Знайте, сударыня, что пока жив ваш сын, он не выйдет на свободу“.

В 1857 г. Бакунин был водворен в Томскѣ, гдѣ через год женился на полькѣ Антонинѣ Квятковской. Затѣм, благодаря вмѣшательству родственника, генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго, Бакунин был перевезен в Иркутск, гдѣ поступил на службу в Амурскую Компанію, а потом в золотопромышленное предпріятіе.

В 1861 году, под предлогом поѣздки с цѣлью торговли, с разрѣшенія начальства, Бакунин отправился в Николаевск на Амурѣ, оттуда добрался до Іокагамы, а затѣм через Сан-Франциско и Нью Іорк пріѣхал 27 октября в Лондон, гдѣ был по-братски встрѣчен Герценом и Огаревым.

Послѣ неудавшейся организаціи русскаго легіона во время польскаго возстанія, Бакунин в 1864 г. образовал из итальянцев, французов, скандинавцев и славян **Международный Союз Соціалистической Демократіи.** Союз объявил себя атеистическим, и цѣлью его намѣчено полное уничтоженіе классов, уравненіе политическое, экономическое и соціальное для обоих полов. Земля, орудія труда и всякій другой контроль должны быть собственностью всего общества

В 1868 г. Бакунин вмѣстѣ с Н. Жуковским начинает редактировать русским журналом „Народное Дѣло“, по программѣ русской соціалистической демократіи, но со 2-го номера журнал, с переходом в руки Николая Утина, политическаго интригана, извѣстнаго печальной ролью в Интернаціоналѣ, принимает другое направленіе.

В том же году Бакунин, против котораго стал сильно интриговать возненавидѣвшій его Маркс, сходится близко с Нечаевым и уходит в русскія дѣла. Он начинает вѣрить в возможность организовать крестьянское возстаніе, как во времена Разина и Пугачева, и выпускает для этого ряд брошюр с цѣлью пропаганды, но скоро разстался с Нечаевым, поняв, что тот пользуется им, как орудіем, для обезпеченія своей диктатуры, и свою революціонную дѣятельность переносит во Францію, Италію и Испанію и организует там Интернаціоналы. В Цюрихѣ им создается славянская секція, в которую входят русскіе и сербскіе студенты и студентки, но она скоро прекратила свое существованіе вслѣдствіе разногласія с Лавровым. Пропаганда Бакунина в это время, можно сказать, послужила импульсом для дѣятельности молодежи в теченіе слѣдующих лѣт Он именно первый доказывал ей, что она должна „идти в народ“.

Жизнь, полная революціонной борьбы, утомила Бакунина, тюрьма состарила его, здоровье расшаталось, и он, наконец, скончался 1 іюля 1876 года.

П. Л. ЛАВРОВ

Виднымъ учителемъ молодежи в это самое время является также Петр Лаврович Лавров. Он род. в 1833 г. в Псковск. губ. Личность Лаврова как бы воплощает в себѣ цѣлый період в умственной жизни русской интеллигенціи. Он был полковником артиллеріи, преподавателем математики в петербургском артиллерійском училищѣ и принимал участіе в земских и городских дѣлах вплоть до покушенія Каракозова на Александра II (в апрѣлѣ 1866 г.) Правительство рѣшило провести чисто драконовскія мѣры и облекло для этой цѣли диктаторской властью Муравьева-Вѣшателя.

Вмѣстѣ с другими радикалами был арестован и Лавров, у котораго нашли письма и стихотворенія, признанныя подозрительными. Девять мѣсяцев он провел при суровых условіях в петербургской военной тюрьмѣ. Его даже не обвиняли в участіи в политическом заговорѣ, тѣм не менѣе в 1870 году, он, признанный виновным в распространеніи пагубных идей, был приговорен к долговременной административной ссылкѣ в Вологодскую губернію.

Чрез три года Герман Лопатин помог ему бѣжать, и Лавров очутился в Парижѣ, гдѣ типограф Варнен ввел его в Интернаціонал.

Во время возстанія 1871 года он удачно пробрался в Брюссель, оттуда в Лондон с цѣлью просить у Генеральнаго Интернаціонала о поддержкѣ Коммунѣ. Здѣсь он познакомился с Марксом и Энгельсом и скоро переѣхал в Цюрих.

Лавров еще ранѣе обратил на себя вниманіе своими философскими статьями, а в 1868 г. появились его „Историческія письма", в которых он звал интеллигенцію итти в народ, так как всѣ знанія пріобрѣтены ею на счет народа. Он звал воспитывать народ, пропагандировать в нем соціалистическія идеи, желая исподволь просвѣщать народ, а не поднимать его к возстанію неподготовленным.

Когда началось сильное революціонное движеніе, молодежь пожелала имѣть Лаврова своим руководителем и предложила ему издавать в Цюрихѣ журнал. Но там господствовало слишком рѣзкое направленіе, полная солидарность с которым для Лаврова была невозможна.

Когда выяснилось, что их совмѣстная работа не мыслима, Лавров выступил в 1873 г. с собственной программой в журналѣ „Вперед".

В 1876 г. из Россіи стали получаться заявленія о необходимости придать журналу болѣе революціонный характер, и Лавров отказался от редактированія.

В 1882 году Лавров был выслан из Франціи за прокламацію с именем его и Вѣры Засулич с воззваніем к европейскому обществу с приглашеніем оказать помощь русским революціонерам находящимся под слѣдствіем и томящимся по тюрьмам и в ссылкѣ.

Затѣм он примкнул к партіи „Народной Воли", в качествѣ одного из редакторов „Вѣстника Народной Воли".

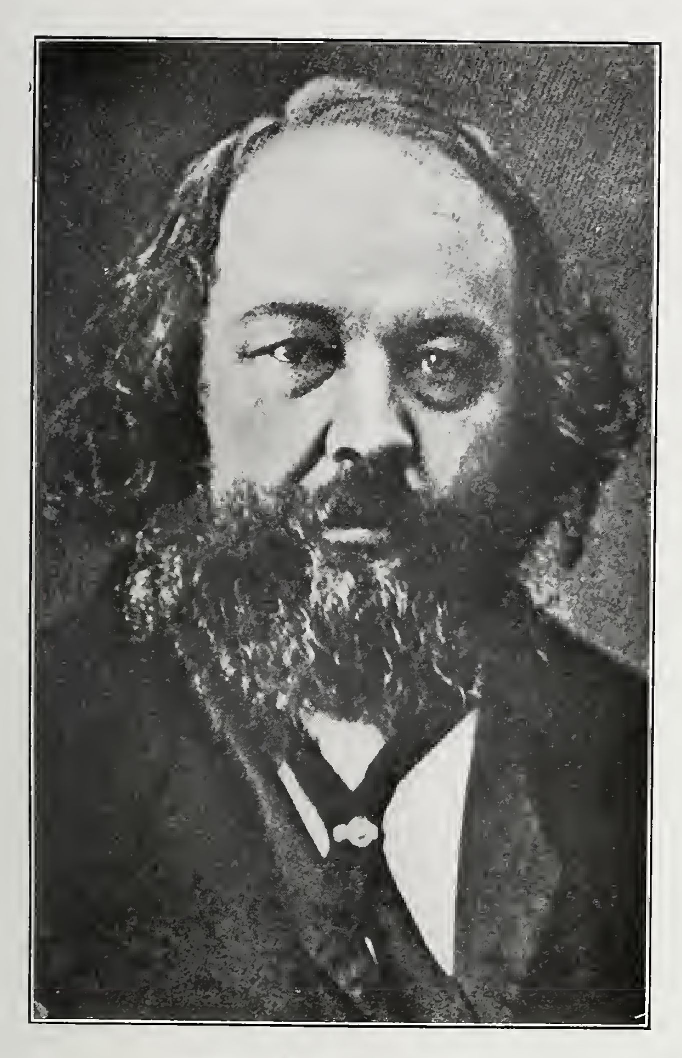
Лавров, как соціалист-пропагандист, стоял между анархистами бакунинскаго толка и чисто политическими революціонерами.

Лучшей характеристикой его служит отрывок из адреса, посланнаго ему ко дню 25-лѣтія его общественной и литературной дѣятельности:

„.... Нам много нужно было бы сказать, чтобы вполнѣ выразить все то, что сдѣлали Вы для дѣла, которому служите, и для нас, которых учили; но и тогда наше скромное письмо не выразило бы всей нашей признательности благодарности и любви к тому, чьи „Письма" воспитали цѣлое поколѣніе, чей могучій клич „Вперед" разбудил Россію и двинул рати лучших сынов ея на работу за освобожденіе труженика народа".

Послѣдне годы жизни Лавров посвятил исключительно научной работѣ. Литература, созданная им, обширна; точно также было издано много трудов для разбора его философскаго міросозерцанія.

П. Л. Лавров умер в Парижѣ в 1900 году 77 лѣтним стариком.

Михаил Александрович Бакунин.

Тетр Лаврович Лавров.

ГЛАВА V.

ХОЖДЕНІЕ В НАРОД

Революціонное движеніе в Россіи особенно усилилось в середи-нѣ шестидесятых годов. Интернаціональная молодежь стала чутко прислушиваться к горячим призывам Герцена, Лаврова и Бакунина.

Но рѣзкія мѣры правительства еще болѣе стали возбуждать умы молодежи.

«В народ! к народу!» звал молодежь Герцен: «Говорите чаще с народом и солдатами, объясняйте им все, чего мы хотим, и как легко всего этого достигнуть!» — «Стащите с пьедестала, во мнѣніи народа, всѣх этих сильных земли, недостойных править нами, объясните народу всю незаконность и разврат власти, пріучите солдат и народ понять ту простую вещь, что из разбитаго генеральскаго носа течет такая же кровь, как из носа мужицкаго!» — убѣждал Михайлов. — «Помни, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главѣ движенія, что на тебя надѣется революціонная партія!» — учила «Молодая Россія». «В народ! звал Лавров, — «для подготовительной революціи знанія!» «В народ! — звал Бакунин, — для революціи бунта и битвы, для организаціи народной обороны!»

«Русскій народ, — звучало пророческое слово великаго революціонера, — только тогда признает нашу образованную молодежь своею молодежью, когда он встрѣтится с нею в своей жизни, в своей бѣдѣ, в своем дѣлѣ, в своем отчаянном бунтѣ. Надо, чтобы она присутствовала отнынѣ не как свидѣтельница, но как дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всѣх народных волненіях и бунтах, как крупных, так и самых мелких. Надо, чтобы, дѣйствуя сама по строго обдуманному плану, и подвергая в этом отношеніи всѣ свои дѣйствія самой строгой дисциплинѣ, для того, чтобы создать это единодушіе, без котораго не может быть побѣды, она сама воспиталась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивленію, но также и к смѣлому нападенію».

Молодежь горячо откликнулась на всѣ предложенныя ей программы, — и, в началѣ, особенно на лавровскій призыв к культурной пропагандѣ. «Если вы не отнесете к народу знаній. вами пріобрѣтенных, на что вы ему нужны? что вы ему дадите? Одним бойцом больше? Но бойцов милліоны и без вас. Физическую силу? Но ваша физическая сила никогда не поднимется до уровня средней силы русскаго мужика. Энергію? Но у вас никогда не найдется столько энергіи, сколько надо мужику лишь для того, чтобы изо дня в день бороться за свое существованіе. Смѣтку? Да он и без того очень смѣтлив, сам по себѣ. И — так как он не нуждается ни в чем из перечисленнаго, — то с вашей стороны нечего ему дать, кромѣ образованія. Иначе, вы — в концѣ концов — останетесь не болѣе, как паразитами революціи, мухами на рогах быка».

В то время главным центром заграничнаго политическаго движенія русской молодежи сдѣлался город Цюрих, гдѣ она стала изучать европейскій соціализм.

Правительство усмотрѣв для себя в этом большую опасность, особым указом повелѣло всѣм русским оставить город Цюрих и вернуться в Россію.

Вернувшаяся молодежь с'организовалась в кружки «народников», которые поставили себѣ цѣлью проповѣдь соціализма и освобожденіе русскаго народа от самодержавнаго ига.

В 1871 году, в Москвѣ Долгушин образовал тайное общество «Долгушинцев», а в 1872 году особенно стал извѣстен кружок «Чайковцев», получившій свое имя от его главнаго руководителя Н. В. Чайковскаго. Цѣлью обѣих организацій было распространеніе соціально-революціонной пропаганды.

В этой пропагандѣ приняли большое участіе русскія интел-

лигентныя дѣвушки. Доступ в высшія учебныя заведенія был для них закрыт, и онѣ отправились учиться в свободную Швейцарію. Со всѣх сторон Россіи пріѣхали в Цюрих молодыя дѣвушки, без всяких средств, искать образованія, в чем отказали им на родинѣ. Медицинскія школы широко раскрыли перед ними двери, но тут онѣ скоро были захвачены широким общественным движеніем, которое им раньше было незнакомо. Дѣвушки стали посѣщать засѣданія Интернаціонала, изучать политическую экономію Прудона и других учителей европейскаго соціализма. Сотни молодых людей и дѣвушек, узнав об этом, послѣдовали их примѣру и отправились в Цюрих.

Но послѣ указа о возвращеніи русских на родину, эти дѣвушки, вмѣстѣ с остальной молодежью, вернулись, но не от страха перед угрозами правительства. Всѣ явились на родину, чтобы уйти в «народ».

Но как идти к этому народу, для котораго русскій соціалист был чужим человѣком, отрѣзанным от него и по культурѣ, и по привычкам, и по традиціям?! Русскіе соціалисты знали, что народ угнетен, что он страдает, знали причину этих страданій, но не знали, как отнесется к ним сам народ. Как явиться в его среду чело[illegible] дворянскаго рода, с бѣлыми руками и прочим наслѣдіем барской культуры? Русскій соціалист должен был явиться проповѣдником борьбы за свободу там, гдѣ его отцы и братья являлись с кнутом, гдѣ свирѣпствовала лютая полиція.

И вот соціалист рѣшился надѣть на плечи мужицкій армяк, засунул за голенище самодѣльный фальшивый паспорт и с пачкой брошюр в котомкѣ отправиться в путь-дорогу к этому народу. Он рѣшился сам учиться быть рабочим и крестьянином и поучать других.

Отправляясь «в народ», соціалист имѣл один только шанс за себя — глубокую вѣру в истинность проповѣдуемых им идей. Эта вѣра и спасла его от неудачи.

Движеніе в народ вскорѣ сдѣлалось повальным «эпидемическим». «В народ!» — скоро сдѣлалось лозунгом всей свободомыслящей молодежи.

Жутко стало царскому правительству, когда оно узнало, что молодежь со своей пропагандой проникает все глубже и глубже в среду рабочих и крестьян. Подпольныя книги и журналы провозглашали: „**Час разрушенія стараго, буржуазнаго міра пробил. Новый мір, основанный на братствѣ всѣх людей, мір, в котором не будет больше ни слез, ни нищеты, готов уже возникнуть на его развалинах. К дѣлу же! Да здравствует революція, единственное средство для осуществленія этого золотого идеала**''.

Простые, довѣрчивые рабочіе и крестьяне с большим вниманіем слушали пропагандистов. От них они узнали о великой борьбѣ, которую ведет западно-европейскій пролетаріат, об Интернаціоналѣ, о коммунѣ с ея мучениками. — Таким образом началась в Россіи новая революціонная эра, характеризуемая широким движеніем 1873—1874 годов, которое захватило с собою многих рабочих и крестьян. В ком только была живая человѣческая душа отзывался на великое дѣло спасенія родины от царскаго произвола. Оставляли родной дом, богатство и с энтузіазмом присоединялись к освободительному движенію. Молодые люди из аристократических семейств по пятнадцати часов в сутки проводили в работѣ на фабриках и мастерских, на полѣ, с цѣлью внушить там народу революціонныя мысли. К движенію примыкали также и люди зрѣлых лѣт, с обезпеченным положеніем, для котораго работали всю жизнь.

Но в деревнях трудно было вести тайную пропаганду, так как крестьянин неосторожно разсказывал о дѣлѣ пропаганды своим односельчанинам, что стало скоро извѣстно полиціи.

Начались аресты. Тридцать семь губерній, по заявленію правительства были „зараженыˮ пропагандой.

В народ пошли так называемые разночинцы, вышедшіе из крестьян, низшаго духовенства, вообще люди трудящагося класса, получившіе образованіе и вообще желавшіе просвѣтить народ. „Кающіеся“ дворяне отреклись от всѣх своих преимуществ. Они шли в деревню, изучали разныя ремесла, шли под видом странников или ремесленников, завязывали с крестьянами бесѣды, старались возбудить в них недовольство своим тяжелым положеніем и звали к борьбѣ с ним.

Именно тогда начала свою дѣятельность среди крестьянства неутомимая „бабушка“ русской революціи Е. К. Брешковская. Другіе шли на фабрики. Среди них были ученые (Клеменс, князь Кропоткин, Морозов), военные (офицер Шишко), интеллигентныя дѣвушки, как Софья Бардина и Софья Перовская, которыя шли на тяжелую фабричную работу только для того, чтобы в немногіе часы отдыха завести бесѣду с рабочими и повліять на них. Они распространяли и революціонныя книжки, написанныя в видѣ сказок или легких бесѣд.

Бывало, что и люди болѣе зрѣлые примыкали к движенію: двое мировых судей, Ковалик и Войнаральскій, устраивали пріюты для странников-агитаторов, и сами вели соціалистическую пропаганду.

Движеніе разросталось, но потерпѣло пораженіе. Правительство перехватило всѣх агитаторов, — на многих донесли болѣе темные крестьяне,—и в концѣ 70-х годов были устроены громкіе процессы 50-ти и 193-х. Этими процессами правительство опять хотѣло возбудить ненависть к подсудимым, как в дѣлѣ Нечаева, но на этот раз не удалось: в публикѣ стали говорить, что они не преступники, а святые. Это были люди, которые шли чистыми средствами к чистой цѣли. На судѣ многіе из них говорили смѣлыя рѣчи, как Софія Бардина, Ипполит Мышкин, раздавались голоса также и сознательных рабочих и крестьян, из них особенно извѣстен Петр Алексѣев.

В этом движеніи были и крупные недостатки, все таки оно сдѣлало свое дѣло и неизмѣримо облегчило работу соціально-революціонной партіи. Трудами пропагандистов был проложен путь для пропаганды среди рабочих, завербованы первыя группы лиц из народа для соціалистической партіи.

Это ясно из рѣчи, произнесенной на судѣ во время процесса 50-ти рабочим Петром Алексѣевым, воспитанником культурной пропаганды:

«.....Русскому рабочему народу остается только надѣяться самим на себя. Русскому рабочему не от кого ожидать помощи, кромѣ от одной нашей интеллигентной молодежи. Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на всѣ крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значит и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не может холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго под ярмом деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, как добрый друг, от искренняго сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благопріятный для всѣх нас, стонущих, путь. Она одна ведет нас до тѣх пор, пока не сдѣлает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тѣх пор, пока подымется мускулистая рука милліонов рабочаго люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Рѣчь Петра Алексѣева — самый лестный аттестат зрѣлости, когда либо полученный русскою молодежью, потому что устами этого человѣка гласит суд благодарнаго народа. Этою крѣпкой рѣчью сводился успѣшный итог программы Лаврова и открывался путь к пророчеству Бакунина: **«Русскій народ только тогда признает нашу образованную молодежь своею молодежью, когда он встрѣтится с нею в своей жизни, в своей бѣдѣ, в своем дѣлѣ, в своем отчаянном бунтѣ».** Рѣчь Алексѣева объясняет почву, на которой затѣм развивала свою боевую дѣятельность «Народная Воля» — самая заслуженная и успѣшная из всѣх партій старой русской революціи, до 1-го марта 1881 года. Она, эта рѣчь, — показательница, что, за десять лѣт своего революціоннаго жертвоприношенія на алтарѣ народнаго просвѣщенія, молодежь добилась своей намѣченной цѣли: заклятая стѣна между образованіем и народом треснула, двѣ силы встрѣтились и поняли друг друга.

Послѣ этого процесса революціонные дѣятели рѣшили, что надо прибѣгнуть к силѣ. Стефанович, Дейч и Бохановскій пытались поднять крестьянское возстаніе в Чигиринском уѣздѣ, Кіевской губерніи, но эта смѣлая затѣя не удалась. Пытались вооруженной силой освободить заключенных в тюрьмах, убивали шпіонов, устроили ряд покушеній на тюремщиков, жандармских начальников и т. д.

ПЕТР КРОПОТКИН.

Петр Кропоткин своим участіем в первых пропагандистских кружках оставил сильный слѣд в их программах, и его личность всегда была одной из наиболѣе ярких и выдающихся в партіи.

Он принадлежит к высшей русской аристократіи: фамилія князей Кропоткиных происходит по прямой линіи от Рюриковичей, и потому в кружкѣ Чайковцев, котораго Кропоткин был членом, ему говаривали, бывало, шутя, что он имѣет больше прав на русскій престол, чѣм Романовы.

В 1861 году Кропоткин, с отличіем окончив курс в пажеском корпусѣ, любя науку, отправился в Сибирь для геологических изслѣдований. От участія в разных экспедиціях, потом он пріобрѣл обширный запас знаній. Избранный членом, а затѣм секретарем географическаго Общества, он написал нѣсколько ученых трудов, которые впослѣдствіи ему было разрѣшено закончить в крѣпости. Кропоткин не имѣл возможности избѣгнуть службы при дворѣ, и его зачислили камер-пажем императрицы, а затѣм наградили орденами.

В 1872 году Кропоткин отправился в Бельгію и Швейцарію, гдѣ Интернаціонал достиг в то время высшей степени своего могущества. Тут его міровоззрѣніе, бывшее всегда радикальным, получило окончательную формулировку. Он примкнул к Интернаціоналу, приняв идеи его крайней, так называемой, анархической фракціи, горячим защитником которой он остался навсегда.

По возвращеніи на родину, Кропоткин вошел в кружок Чайковцев, для котораго выработал программу и план организаціи.

В том же году в Петербургѣ он тайно, под именем Бородина, читал лекціи по исторіи Интернаціонала. Рабочіе слушали его с большим интересом. О его популярных лекціях повсюду говорили. Слухи о них дошли до полиціи, и послѣдняя долгое время тщетно старалась его во что бы то ни стало, разыскать. Кропоткин уже собирался отправляться «в народ» под видом странствующаго «богомаза», т. е. иконописца, но был арестован в Гостинном Дворѣ, гдѣ его встрѣтил один подкупленный рабочій, который его и выдал.

Велик был переполох, произведенный при дворѣ извѣстіем об арестѣ такой важной особы.

Три года Кропоткин провел в казематах Петропавловской крѣпости, откуда в 1876 году, по распоряженію доктора, был переведен в Николаевскій госпиталь, так как он до того ослаб, что не мог ни ѣсть, ни двигаться.

Поправившись, он все-таки притворялся больным, так как из письма узнал, что готовилась попытка устроить ему побѣг, а из госпиталя, гдѣ надзор слабѣе, легче было бѣжать.

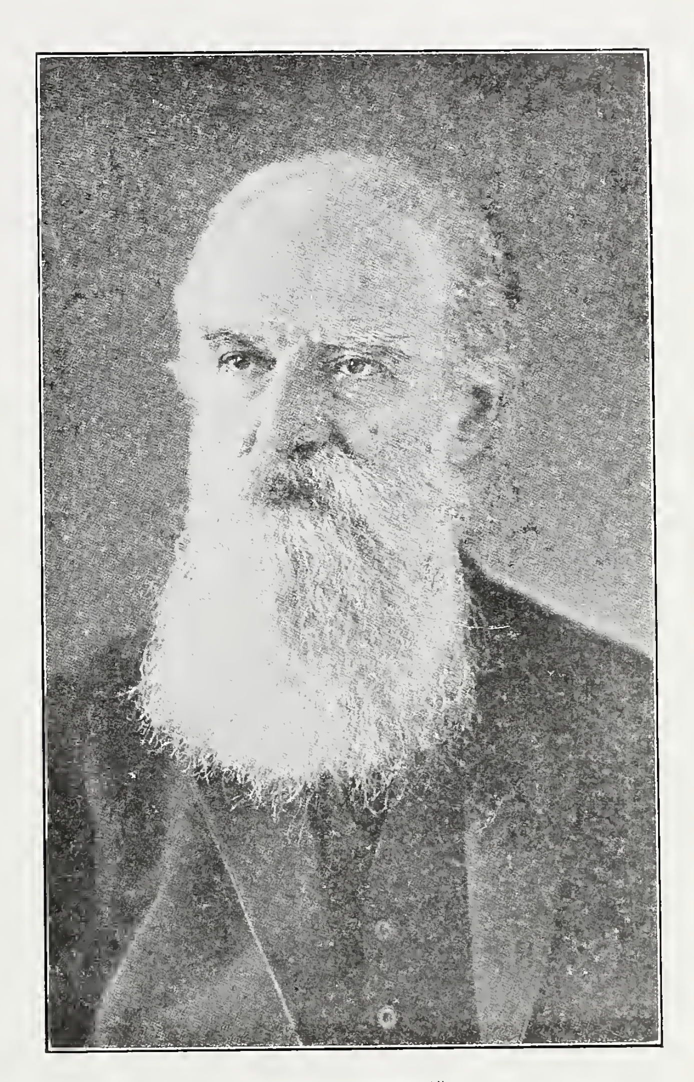
В іюлѣ того же года побѣг был удачно совершен, по плану, придуманному самим Кропоткиным, и чрез нѣсколько недѣль он уже был заграницей.

С этого времени Кропоткин начал свою настоящую революціонную дѣятельность, которая, хотя и не связана собственно с русским движеніем, так как она была посвящена исключительно западно-европейскому соціализму, тѣм не менѣе она является почвой, на которой могли обнаружиться в настоящем свѣтѣ его замѣчательныя политическія дарованія.

Кропоткин рожден для дѣятельности на широком поприщѣ, а не в подпольных сферах тайных обществ. Он стремился к торжеству извѣстных идей, а не к достиженію какой-нибудь практической цѣли. Он не уклонялся от анархистической пропаганды, и поэтому не принимал участія в подпольных революціонных изданіях. Он не мог быть вожаком партіи, дѣятельность котораго была основана на заговорѣ. Он был сторонником войны настоящей, большой, а не маленькой, партизанской.

Петр Кропоткин.

Николай Чайковскій.

НИКОЛАЙ ЧАЙКОВСКІЙ.

Николай Чайковскій, сын чиновника, свои дѣтскіе годы провел в имѣніи матери (Вятск. губ.). В 1862 году он поступил в Вятское училище, а в 1864 году в 7-ую петербургскую гимназію, а через четыре года в петербургскій университет.

Скоро там произошли студенческіе безпорядки, как результат стремленія студентов к активному участію в общественной жизни. Они требовали признанія за ними права на устройство митингов. Во время сходок один из его товарищей, С. Г. Нечаев, доказывал, что нечего отстаивать свободу и право студенчества без измѣненія общих политических условій Россіи. В 1869 году потребовали повиновенія университетским постановленіям, но Нечаев и его послѣдователи предпочли оставить университет. Чайковскій рѣшил подчиниться, чтобы употребить университетскіе годы на подготовку к борьбѣ против правительства.

Скоро он организует школу для бѣдных дѣтей, которую ведет вмѣстѣ с 16 лѣтней Перовской и Корба. Под его руководством стал энергично работать кружок, в который вошли кромѣ него еще студенты Сердюков, Марк Натансон, Александров. Таков был первоначальный состав кружка «Чайковцев». К нему присоединился кружок Корниловой, Перовской и др. слушательницы высших курсов.

Кружок поставил своей задачей — объединить всѣ передовые элементы студенчества по всей Россіи, а затѣм начать пропаганду среди рабочих и крестьян с цѣлью подготовленія почвы для революціи.

К «Чайковцам» скоро примкнули: — Кравчинскій (Степняк), Дм. Клеменс, Ф. Волховской, Л. Шишко, Г. Лопатин, С. Синегуб. П. Кропоткин, М. Купріанов, Л. Тихоміров и мн. другіе.

К концу 1872 г. в кружкѣ имѣлась уже небольшая армія мужской и женской интеллигентной молодежи, разсѣянной группами во всѣх значительных городах Россіи. Распространялись книги и брошюры по соціализму спеціально для рабочих.

Чайковскій был арестован в 1871 году и провел в тюрьмѣ три мѣсяца. Через год он был второй раз арестован, но за недостатком улик, выпущен на свободу.

Ему удалось создать группу развитых крестьян и ремесленников, которые в свою очередь объединились для пропаганды между рабочими и крестьянами. Их «хожденіе в народ» еще болѣе увеличило число «Чайковцев».

С 1878 г. Н. Чайковскій жил в Ливерпулѣ, а затѣм в Парижѣ. Совершенно отказавшись от агитаціонной работы, он переселяется в Лондон, так как, по его собственным словам, его здоровье требовало спокойной и правильной жизни.

С. И. БАРДИНА.

Софья Илларіоновна Бардина родилась в 1853 г. в гор. Моршанскѣ, Тамбовской губ. Отец ея был частным приставом и отличался крутым деспотическим нравом. Мать свою, весьма добрую женщину, Бардина очень любила, никогда не прекращала с нею сношеній, и единственное письмо, оставленное ею послѣ смерти, адресовано матери.

Очень рано она была отдана в институт, и кончила курс с высшей наградой за успѣхи. В 1871 г. она в Москвѣ сталкивается со студентами и знакомится впервые с революціонными и соціалистическими идеями. То были времена всеобщаго хаотическаго броженія, предшествовавшаго массовому соціалистическому движенію 73 — 74 годов. Бардина и сестры Любатович, ея будущія подруги по кружку и процессу, рѣшили уѣхать в Цюрих.

В Швейцаріи цѣлая группа русских дѣвушек образовала кружок самообразованія. Бардина составляла один из перлов этого кружка. В 1873 г. в кружкѣ Бардиной и ея подруг возникла мысль о необходимости ѣхать в Россію для пропаганды

В 1874 г. бремешлюссельская коммуна (как звали ее по дому, занимаемому ею в Цюрихѣ) собралась в полном составѣ своем в первопрестольной столицѣ уже в качествѣ тайнаго общества, соединившись с цѣлым кружком кавказцев, между которыми наиболѣе извѣстны Зданович, Циціанов, Джабадари и др.

Вся эта компанія дѣятельно занялась пропагандой на фабриках и заводах Москвы и ея окрестностей. Бардина работала на нѣскольких заводах при самых тяжелых условіях, занимаясь пропагандой вплоть до 4-го апрѣля, когда была арестована.

В 1877 году Бардина, будучи 22-х лѣт от роду, судилась особым присутствіем сената в Петербургѣ по извѣстному процессу 50-ти, в котором обвиняемыми были главным образом молодыя русскія дѣвушки и женщины и лишь нѣсколько мужчин. Своей рѣчью на судѣ Бардина прославилась в исторіи русскаго революціоннаго движенія (см. ниже). Она была осуждена к 10 лѣт. каторгѣ, замѣненной ссылкой на поселеніе, и водворена в г. Ишим, Тобольской губ., откуда бѣжала 25 дек. 1880 года. Зиму 80—81 г. С. И. провела в Казани, не имѣла возможности по болѣзненному состоянію работать, а лѣтом 81 г. уѣхала заграницу. Тяжелыя условія личной жизни, благодаря несчастной семейной связи с недостойным ея человѣком; томительная атмосфера эмигрантскаго прозябанія внѣ возможности вернуться к работѣ для этого дѣла, которое она не переставала горячо любить, привели С. И. к тяжелой развязкѣ.

Она застрѣлилась в Женевѣ в 1883 г., нанеся себѣ тяжелую рану в области сердца. Пуля застряла в стѣнкѣ сердца, и послѣ нѣскольких дней жестоких страданій С. И. Бардина скончалась.

РѢЧЬ С. И. БАРДИНОЙ.

(Произнесенная пред судом 10 марта 1877 г.).

Я с своей точки зрѣнія ни в чем не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никогда вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь. Конечно, меня также, как и других подсудимых, обвиняют в стремленіи разрушить священныя основы собственности, семьи, религіи, государства, и возбужденіи к бунту и стремленіи водворить анархію в обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо... Дальше дѣло в том, что всѣ эти обвиненія основаны на одном только недоразумѣніи, которое я и постараюсь теперь об'яснить, если суд меня выслушает.

Собственности я никогда не отрицала. Напротив, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо признаю, что каждый человѣк имѣет право на собственность, обезпеченную его личным производительным трудом, что каждый человѣк должен быть полным хозяином своего труда и его продукта. И скажите послѣ этого, — я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тот фабрикант, который, платя рабочему за одну треть его рабочаго дня, двѣ трети берет даром? Или тот спекулятор, который, играя на биржѣ, раззоряет тысячи семейств, обогащаясь на их счет и сам не производя ничего? Коммунизма, как нѣчто обязательное, ни я, никто другой из пропагандистов также не проповѣдует. Мы только выставляем на первый план **право рабочаго на полный продукт его труда.** Затѣм, как он распорядится с этим продуктом, — обратить ли его в общую или частную собственность, — это уже его дѣло. Мы этих вопросов предрѣшать теперь не беремся и не можем предрѣшить, принимая во вниманіе, что такой строй может осуществиться только в далеком будущем, и что подобныя детали могут быть выработаны только практикой.

Относительно семьи я также не знаю: подрывает ли ее тот общественный строй, который заставляет женщину бросать свою семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти; тот строй, который вынуждает женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться в проституцію, и который даже санкціонирует эту проституцію, как явленіе законное и не-

обходимое во всяком благоустроенном государствѣ; — или подрываем семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣх общественных бѣдствій, в том числѣ и разрушенія семьи?

Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существенным ея принципам в том их чистом видѣ, в каком они проповѣдывались самим основателем христіанства...

В подрываніи государства я столь-же мало виновна. Я вообще думаю, что усилія единичных личностей подорвать государство не могут...

...Меня обвиняют в возбужденіи к бунту. Но к непосредственному бунту я никогда не возбуждала народ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція может быть результатом цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичных личностей... Я принадлежу к разряду тѣх людей, которые извѣстны под именем мирных пропагандистов. Задача их — внести в сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся в нем безсознательно, указать ему недостатки настоящаго строя, дабы в будущем не было тѣх же ошибок, но когда наступит это будущее, мы не можем опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе от нас не зависит. Я полагаю, что от такого рода пропаганды до подстрекательства к бунту еще весьма далеко.

Обвиненіе говорит, что мы желаем уничтожить классы, и понимает это в таком смыслѣ, что мы хотѣли вырѣзать поголовно всѣх помѣщиков, дворян, чиновников, купцов и всѣх богатых вообще. Мы стремимся уничтожить привиллегіи, обусловливающія дѣленіе людей на классы, — на имущих и неимущих, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣт даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у нас и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотим также основать какое-то царство рабочаго сословія, как сословія, которое в свою очередь стало-бы угнетать другія сословія, как то предполагает обвиненіе.

Обвиненіе называет нас политическими революціонерами: но если бы мы стремились произвести политическій переворот, то мы не так стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы в народ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно в том, что мы к этому вовсе не стремимся.

Обвиненіе говорит еще, что мы хотим водворить анархію в обществѣ. Да, мы дѣйствительно стремимся к анархическому устройству общества, но дѣло в том, что это слово в том смыслѣ, в каком его понимает современная литература и я лично, вовсе не означает безпорядка и произвола. Анархія, напротив, стремится водворить гармонію и порядок в общественных отношеніях. Она не есть произвол личностей, ибо она признает, что свобода одного лица кончается там, гдѣ начинается свобода другого. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляет всякое свободное развитіе общества...

...Наше движеніе может быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣм с большей силой оно возродится снова, как это всегда бывает послѣ всякой реакціи подобнаго рода, — и так будет продолжаться до тѣх пор, пока наши идеи не восторжествуют.

Я убѣждена еще и в том, что наступит день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется, и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло беззаконно топтать себя ногами, вырывать у себя своих братьев, сестер и дочерей и губить их за одну только свободную исповѣдь своих убѣжденій! И тогда оно отомстит за нашу гибель... Преслѣдуйте нас, — за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи, — увы! на штыки не улавливаются!..

С. Г. НЕЧАЕВ.

Сергѣй Геннадіевич Нечаев в 1868 г. принимал участіе в революціонном движеніи; затѣм основал тайное общество. За границей он начал издавать «Народную Расправу» в ярко террористическом духѣ; издал ряд таких же прокламацій и вернулся в Россію для продолженія начатаго дѣла. Здѣсь с помощью своих друзей он убил студента Иванова за противодѣйствіе в организаціи. Он немедленно уѣхал за границу, но по требованію русскаго правительства был выдан из Швейцаріи и предан суду за убійство студента Иванова.

Правительство нарочно устроило громкій процесс, чтобы отпугнуть общество от „гнусной революціи".

На судѣ Нечаев отказался назвать свое имя, заявив, что подсудимым себя не считает, что, как эмигрант, он перестал быть подданным русскаго императора, и не признает русскаго судопроизводства. Его вывели из суда, и дѣло разбиралось в его отсутствіи.

Суд приговорил Нечаева к лишенію всѣх прав состоянія и ссылкѣ в каторжныя работы в рудниках на 20 лѣт.

В 1873 году Нечаев был заключен в Алексѣевскій равелин, гдѣ и умер в 1883 году.

А. В. ДОЛГУШИН.

Александр Васильевич Долгушин, был основателем одной из первых народнических организацій начала семидесятых годов, так называемаго „Кружка Долгушинцев", образованіе котораго относится к 1872 году. Главными участниками его были: Долгушин, Дмоховскій, Плотников, Папин, Гамов. Этому кружку принадлежит заслуга перваго рѣшительнаго шага в революціонном движеніи этого періода. Устроив в Москвѣ небольшую тайную типографію долгушинцы напечатали в ней двѣ прокламаціи: „К интеллигентным людям" и „К русскому народу". Прокламація к интеллигенціи представляет собой горячій призыв идти „в народ, не страшась ни гоненій, ни смерти". И долгушинцы пошли просвѣщать русскій народ, пробуждать в нем сознаніе своего рабскаго положенія и призывать его к борьбѣ с своими угнетателями. Но дѣятельность их была очень кратковременна. Уже в сентябрѣ 1873 г. всѣ они были арестованы, а в іюлѣ 1874 г. состоялся суд над ними. Александр II жестоко раздѣлывался с своими врагами. Эти первые мирные пропагандисты в народѣ были осуждены в каторжныя работы и посажены в одиночныя камеры Новобѣлгородской централки Харьковской губ., прославившейся своим жестоким, убивающим душу и тѣло режимом. Из пяти долгушинцев Гамов скоро умер в централкѣ, Плотников сума сошел, а остальные вышли в 1881 году в Сибирь с совершенно разрушенными организмами. У Дмоховскаго, умершаго по пути, в Иркутскѣ, было константировано вскрытіем перерожденіе внутренних органов.

По пути в Сибирь, Долгушин остался по болѣзни в Красноярскѣ, гдѣ служил прокурором при старом сибирском судѣ его брат. Здѣсь Долгушин имѣл свиданіе с сыном и женой. За какое то оскорбленіе он дал пощечину смотрителю, за что ему прибавили еще 10 лѣт каторги, и его отправили на Кару. Но послѣ побѣга с Кары в маѣ 1882 года 8-ми человѣк (Мышкина, Хрущова, Юровскаго, Минакова, Крыжановскаго и др.), там начались репрессіи, и у начальства явилось желаніе усмирить Кару, из'яв оттуда наиболѣе опасный элемент. Придя в тюрьму, комендант среди первых попавшихся ему на глаза выбрал нѣсколько обреченных на гибель.

В числѣ «опасных» попали и такіе мягкіе и мирные люди, как Дмитрій Буцинскій, Меер Геллис, Вл. Валавскій, Долгушин — всѣ погибшіе затѣм в Шлиссельбургской крѣпости. (Всѣх увезенных с Кары в Петербург было 13 чел.). Долгушин просидѣл еще часть 1883 года и половину 84-го в Трубецком бастіонѣ и Алексѣевском равелинѣ. Этот выдающійся в свое время человѣк, отличавшійся умом и огромной энергіей, превратился в 35 лѣт в дряхлаго, полуразрушеннаго старика и быстро угас в одиночествѣ, так что даже точное время его смерти осталось неизвѣстным, приблизительно в половинѣ 1885 г.

Софья Илларіоновна Бардина.

Герман Александрович Лопатин.

ГЕРМАН ЛОПАТИН

Лопатин Герман Александрович род. в дворянской семьѣ, в Нижнем Новгородѣ, в 1845 году. Окончив Ставропольскую гимназію с золотою медалью, он поступил на естественное отдѣленіе математическаго факультета, по окончаніи котораго ему, послѣ блестящей защиты диссертаціи, было предложено остаться при университетѣ, но он отказался, так как дѣятельность кабинетнаго ученаго была не для его живой натуры.

В это самое время он встрѣчался с Каркозовцами, которые, за веселый характер и постоянныя шутки, считали его „легкомысленным" для вовлеченья его в „дѣло". Лопатин все таки пользовался довѣріем многих участников заговора и знал всѣ их планы. Выстрѣл Каракозова 4 апрѣля вызвал повальные аресты эпохи Муравьева - Вѣшателя. На свободѣ остался только „легкомысленный" Лопатин.

Арестованным друзьям он, благодаря находчивости, оказывал много услуг. Однако скоро и он был арестован, но, сумѣв ввести слѣдователей в полное заблужденіе, был выпущен на свободу.

В 1867 году Лопатин уѣхал заграницу, чтоб участвовать в дѣлѣ Гарибальди против Рима, но не успѣл он доѣхать, как Гарибальди был взят в плѣн.

В эту поѣздку Г. А. познакомился с Герценом. Пробыв недолго заграницей, Лопатин вернулся в СПБ., и принял участіе в „Рублевом Обществѣ". Как ни скромна была цѣль этого общества — распространеніе грамотности в деревнях, — правительство усмотрѣло в нем большую опасность для себя и воздвигло на его членов гоненія. Г. А. был арестован по дѣлу „Рублеваго Общества" и сослан под надзор в г. Ставрополь в 1869 г. Здѣсь ему удалось попасть на службу чиновником особых порученій при губернаторѣ, котораго он сумѣл очаровать своими знаніями и характером, хотя не скрывал своих убѣжденій.

Среди этой мирной дѣятельности Г. А. был арестован в третій раз, благодаря тому, что в Петербургѣ нашли при обыскѣ у его пріятеля письмо, гдѣ он говорил, что ему надоѣло находиться во „вѣренной ему губерніи" и он собирается поѣхать посмотрѣть как живут добрые люди в Америкѣ.

Идеалы Лопатина были передовые в обширном значеніи этого слова. Его начитанность была поразительна. Его умѣнье говорить было замѣчательно. Под слоем шутки и насмѣшки открывалось глубокое и серьезное убѣжденіе, из за котораго ему ничего не стоило принести какія угодно жертвы. Никогда он не был в состояніи пожертвовать человѣком, ему довѣрившимся, даже для собственнаго спасенія. Дружескія сношенія, личныя привязанности были для него святыней.

В Парижѣ Г. А. немедленно вошел в одну из секцій Интернаціонала, познакомился с его кружками и с'ѣздил в Швейцарію, чтобы войти в сношеніе с Бакуниным и с Нечаевым. В эту поѣздку Лопатин имѣл возможность оцѣнить Бакунина и убѣдиться в его чарующих качествах и в его слабостях, которыя временно подчинили его Нечаеву.

В іюнѣ 1870 г. Лопатин уѣхал в Лондон, познакомился с Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и с семьею перваго, в которой сдѣлался скоро своим человѣком; занялся переводом перваго тома „Капитала" и участвовал в засѣданіях Генеральнаго совѣта Интернаціонала.

Карл Маркс очень цѣнил Лопатина и отзывался о нем с большой теплотой и симпатіей.

В Россію Лопатин уѣхал в 1870 г. с опредѣленным планом, который созрѣл у него в Швейцаріи.

Познакомившись с русской эмиграціей, он был поражен ея

разрозненностью, мелкими сплетнями и личною грызнею. Г. А. полагал, что русской эмиграціи того времени не достает лишь авторитетнаго руководителя, пред вліяніем котораго исчезли бы жалкіе раздоры из за мелочей. Разумѣется, что в 1870—71 годах лишь один человѣк занимал в воображеніи русскаго развитого общества такое положеніе, чтобы быть авторитетом для большинства дѣятельных русских груип. Это был Николай Гаврилович Чернышевскій. Лопатин уѣхал в Россію с цѣлью освободить его из Сибири и привезти за границу.

Лопатин не имѣл представленія о том, гдѣ именно в Сибири находится Николай Гаврилович. В Сибири он ѣхал на перекладных. Выдал себя за члена Географическаго общества и порученіем ученой развѣдки об'яснил свое путешествіе. Из разговоров с мѣстными жителями он и мог только надѣяться пріобрѣсти свѣдѣнія о Николаѣ Гавриловичѣ. Нѣкоторые попутчики замѣтили, что его разговоры очень часто имѣли характер выспрашивающій. Явилось предположеніе, что это — оффиціальный ревизор. Слухи о нем полетѣли далеко вперед по дорогѣ. Когда он прибыл в Иркутск, во всѣх углах города говорили о загадочном путешественникѣ. Как раз в это время прибыла в Иркутск телеграмма из Женевы от мѣстнаго шпіона, что ѣдет в Сибирь Лопатин освобождать Чернышевскаго. Г. А. арестовали в то самое время, как он узнал, что Николай Гаврилович находится в Вилюйскѣ под строжайшим надзором.

Он ни на минуту не терял рѣшимости не только освободиться, но и осуществить новый план освобожденія Чернышевскаго. Многіе из острожных уголовных полюбили его и от них он получил много частных свѣдѣній, которыми воспользовался при своем бѣгствѣ.

С большими трудностями удалось ему бѣжать и послѣ многих лишеній добрался до Томска, но тут его узнал полицейскій, который хотѣл его арестовать. Лопатин, имѣя в карманѣ паспорт доктора, раскричался, и не только не протестовал, против того, чтобы идти с ним к губернатору, но и требовал этого, грозя арестовавшему его жалобой. Когда он вошел в кабинет губернатора, он первый начал говорить, требуя взысканія с лица, его оскорбившаго. Губернатор, поколебленный этой рѣчью, обратился к полицейскому с вопросом, в чем дѣло. Полицейскій отвѣтил, что он признает в арестованном Германа Лопатина, котораго ищут по всей Сибири, и показал карточку, присланную из Иркутска для этого. Лопатин и тут не потерялся, стал доказывать, что эта фигура гораздо болѣе похожа на Линкольна, чѣм на него. Губернатор убѣдился окончательно, извинился перед ним за „недоразумѣніе" и готов был уже отпустить его, но полицейскій сказал на ухо губернатору, что в Омскѣ находится один поляк, который знал Лопатина в Иркутскѣ и с которым надо арестованному дать очную ставку. Губернатор попросил Лопатина слѣдовать за полицейским. Тот повел его в трактир, гдѣ жил поляк. При входѣ Лопатина лицо свидѣтеля страшно измѣнилось; не могло быть сомнѣнія, что он признал посѣтителя. Лопатин спокойно сказал: „Ну, что же дѣлать! сорвалось!". Его отвезли снова в Иркутск

Его держали с тѣх пор отдѣльно. Генерал-губернатор Синельников оцѣнил сильный логическій ум и желѣзную энергію Г. М. Послѣдній прямо высказал ему цѣль своего пріѣзда в Иркутск и почему он считал нужным освободить Чернышевскаго. Синельников привязался к нему, надѣясь найти в нем себѣ замѣчательнаго помощника. Лопатин сохранил до послѣдняго времени значительную симпатію к этому человѣку, в искренность котораго он вѣрил и который, по его словам, дѣйствительно хотѣл и мог бы сдѣлать много добра краю, если бы у него были хорошіе помощники. Но, несмотря на личныя просьбы Синельникова, третье отдѣленіе отказывалось освободить Лопатина. Он рѣшил еще раз испробовать счастье.

Скоро случилось, что Лопатин, проходя по двору, замѣтил, что у крыльца скромно стояла без сѣдока осѣдланная лошадь. В одну секунду Лопатин был верхом и несся по улицам Иркутска за город. Всѣ были до того поражены внезапностью, что никто не подумал о погонѣ. Не мало времени он скрывался у друзей и знакомых в самом Иркутскѣ, тогда как его искали в цѣлой Сибири. Когда прошло достаточно времени, в одном из огромных обозов, между возчиками, шел крестьянскій парень, совершавшій обычную работу

артели, говорившій тѣм же языком, как и другіе. В 1873 г., в скромную квартиру нѣскольких петербургских студентов пришел этот крестьянскій парень в полушубкѣ, остался стоять в передней, пока горничная вызвала барынь, и она была крайне изумлена, когда эти барыни бросились на шею „мужику".

Синельников выразился впослѣдствіи в одном частном разговорѣ так: „У меня много было непріятностей в жизни, но ни одна не опечалила меня так горько, как бѣгство Лопатина. Я на него возлагал большія надежды. Он мог сдѣлать то, что мало кому удалось бы".

Прибыв в Цюрих, Г. А. застал новую эмиграцію в эпоху самаго сильнаго оживленія возрожденіем русской заграничной прессы. Склонный к партизанской дѣятельности, он не захотѣл пристать ни к какой организаціи. Но согласился сотрудничать во „Вперед!". В Парижѣ он сблизился с Ив. Тургеневым, который очень любил его. Все это время Г. А. занимался переводами и не мало из наиболѣе важных переводных изданій, появившихся за это время в Россіи, принадлежат его перу.

В одну из поѣздок в Россію, он, выданный шпіоном опять был арестован, отправлен в Вологду и, наконец, бѣжал в Париж.

Четыре года, прошедшіе с его послѣдняго ареста, были годы грозной борьбы Народной Воли против Александра II и первые годы диктатуры Каткова, Побѣдоносцева и Толстого под фирмою Александра III. В это время около 20 человѣк было повѣшено. В столицах царили дворники. Рабскій страх тяготѣл в средѣ тѣх либералов и соціалистов, которые устранились от новых форм движенія в Россіи и которые тѣм не менѣе чувствовали, что за каждым их шагом слѣдят. Негдѣ и не у кого было скрыться.

В 1883 году, когда в Петербургѣ распространилось убѣжденіе, что Дегаев предатель, послѣдній вмѣстѣ с женой поѣхали в Париж, покаялся там во всем группѣ старых народовольцев и дал обѣщаніе убить Судейкина при содѣйствіи агентов партіи, которые будут для этого командированы. В этих совѣщаніях в Парижѣ участвовал и Лопатин, он же взял на себя порученіе содѣйствовать ликвидаціи Судейкинско-Дегаевскаго комплота. Для этого он пріѣхал в Петербург, и при содѣйствіи Росси (впослѣдствіи предатель), Стародворскаго, Конашевича и Дегаева был выработан план убійства Судейкина, который 16 декабря 83 года был приведен в исполненіе на квартирѣ Дегаева, им, Стародворским и Конашевичем.

Послѣ убійства Судейкина Лопатин уѣхал за границу и вернулся в мартѣ 84 года в Петербург, гдѣ старые члены Исп. Ком. передали свои права распорядительной комиссіи, состоявшей из 3-х лиц — Н. М. Саловой, В. И. Сухомлина и Г. А. Лопатина. Центральной фигурой этой комиссіи был Лопатин, сумѣвшій скоро привлечь к себѣ группу наиболѣе выдающихся революц. дѣятелей, оставшихся к тому времени в Россіи. Дѣятельность свелась почти исключительно к изданію 10-го номера „Нар. Воли", который должен был заявить о возрожденіи партіи. Лопатин об'ѣзжал одну за другой цѣлыя области, заводя новыя связи и возстановляя старыя. К сожалѣнію он записывал в свою книжку всѣ адреса и часто с характеристиками отдѣльных лиц, принадлежащих к организаціям, и это повело вскорѣ к грандіозному погрому всѣх почти революціонных организацій и кружков в большей части Россіи. Лопатин был арестован в Петербургѣ на улицѣ 17 октября 1884 г.

Лопатин, страшно подавленный тѣм несчастіем для рев. дѣла, которое вызвал его арест, просидѣл болѣе $2\frac{1}{2}$ лѣт до суда и был предан Петербургскому военному суду вмѣстѣ с 20 товарищами.

Лопатин был приговорен вмѣстѣ с Стародворским, Конашевичем, Серг. Ивановым, и Антоновым к смертной казни, которая была замѣнена всѣм им безсрочной каторгой с заточеніем в Шлиссельбургской крѣпости. В ней Лопатин провел почти 18 лѣт, а всего с послѣдним предварительным заключеніем до суда, он провел в Петропавловской и Шлиссельбургской кр. 21 год. Послѣ октябрской амнистіи 1905 года Лопатин вышел на свободу. В Петербургѣ на вокзалѣ, при от'ѣздѣ его в провинцію, молодежь устроила грандіозную овацію. Ему было тогда 60 лѣт.

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ.

Волховской, Феликс Вадимович, дворянин, католик; один из талантливых и выдающихся по энергіи піонеров русскаго революціоннаго движенія 2-ой половины XIX ст. Впервые Волховской судился вмѣстѣ съ Герм. Лопатиным еще в 1865 году по дѣлу о „Рублевом Обществѣ". Затѣм он был снова арестован в апрѣлѣ 1869 г. и судился по дѣлу Нечаевцев (с 1 іюля по 25 сент. 1870 г.), но был оправдан судом. Послѣ этого жил в Одессѣ и в 1872 году принадлежал к Одесскому кружку (Ланганс, Анд. Франжоли, Волховской, С. Чудновскій, А. Желябов, Всев. Костюрин, Макавѣев и др.); в 1873 г. Волховской принимает дѣятельное участіе в организаціи революціонных кружков на югѣ, считается одним из первых чайковцев. 11 авг. 1873 г. Волховской был снова арестован в Одессѣ. В Москвѣ была сдѣлана попытка освободить его по дорогѣ в тюрьму, не имѣвшая успѣха.

Волховской судился по процессу 193-х и был приговорен к ссылкѣ на поселеніе в Зап. Сибирь. Вмѣстѣ с рядом других осужденных по этому дѣлу Волховской участвовал в составленіи „Протеста против русскаго правительства из Петропавловской крѣпости", поданнаго заключенными 25 мая 78 г. Этот документ имѣет извѣстное значеніе в лѣтописях русскаго революціоннаго движенія. Сосланный сначала в Тобольскую губернію, а затѣм в г. Томск Волховской сотрудничал в „Спб. газетѣ" до ея закрытія в 1888 г. В Томскѣ он потерял жену Ал. Сер. Тхоржевскую, застрѣлившуюся в 1887 году.

Волховской бѣжал из Томска в 1889 году, а с осени 1890 года мы видим его уже в числѣ основателей „фонда Вольной Русской печати" в Лондонѣ, поставившаго себѣ цѣлью широкое революціонное издательство и распространеніе литературы в Россіи. С декабря 1893 г. начали выходить в Лондонѣ сначала под ред. Волховского „Летучіе Листки". Перу Волховскаго принадлежит ряд брошюр и нѣсколько остроумных и прекрасно написанных сказок для народа: „Как мужик у всѣх в долгу остался", „Сказка про неправеднаго царя" и др.).

Л. Г. ДЕЙЧ.

Дейч, Лев Григорьевич, один из извѣстных русских революціонеров и один из основателей групиы „Освобожденія Труда". Имя Л. Г. Дейча связано с „бунтарским" періодом движенія 70 г.г., в котором ему принадлежит участіе в организаціи заговора Чигиринских крестьян. Арестованный Л. Дейч в 77 г., бѣжал весной 78 г. из кіевской тюрьмы вмѣстѣ с Як. Стефановичем и Бохановским. Вмѣстѣ с Плехановым, Аксельродом, Стефановичем и др. Дейч основал в 79 году партію „Чернаго Передѣла", из остатков которой в 83 г. возникла первая русская соціалдемократ. группа „Освобожденія руда". Отправившись в 84 г. из Швейцаріи в Германію для того, чтобы устроить организаціонныя дѣла этой группы, Дейч был арестован нѣмецкими властями во Фрейбургѣ (Баденѣ) и выдан русскому правительству. Осенью 84 г. военный суд в Одессѣ приговорил Дейча к 13 годам 4 мѣс. каторги по обвиненію в побѣгѣ с военной службы и участіи в убійствѣ шпіона Гориновича в Одессѣ. Отбыв срок, Дейч был водворен на поселеніе в Благовѣщенскѣ, откуда благополучно бѣжал весной 1901 года заграницу.

Послѣ амнистіи 22 октября 1905 года Дейч вернулся в Россію, но уже в началѣ 1906 года был арестован и послѣ полугодичнаго заключенія сослан на сѣвер Тобольской губ., откуда скоро бѣжал снова заграницу.

Скоро послѣ этого в Нью Іоркѣ стал выходить еженедѣльный орган соціал-демократической группы «Новый Міръ», куда Дейч был приглашен в качествѣ редактора.

Из-за недоразумѣній между ним и редакціонной коллегіей, он принужден был оставить работу в этой газетѣ и стал выпускать свой ежемѣсячник «Свободное Слово», который из-за недостатка средств просуществовал около года.

Послѣ переворота 1917 года Лев Григорьевич Дейч вернулся в Россію.

Димитрій Клеменс.

Лев Дейч.

Яков Стефанович.

ЯКОВЪ СТЕФАНОВИЧЪ.

Лѣтом 1887 г., полиція Чигиринскаго уѣзда, через священников, которые, нарушая тайну исповѣди, превратились в доносчиков, провѣдала, что среди крестьян составился опасный заговор, во главѣ котораго стоятъ „нигилисты", народ отчаянный и способный на все.

Однако, не было никакой возможности узнать подробности заговора, так как крестьяне, узнавши, что попы выдают, перестали ходить на исповѣдь. А между тѣм нельзя было терять времени: заговор разростался не по дням, а по часам. На это указывало много тревожных признаков. Так, из опасенія выдать себя в пьяном видѣ, заговорщики совершенно отказались от употребленія водки, а в деревнях, гдѣ они составляли большинство, рѣшено было даже закрывать кабаки. Это служило видимым доказательством того, что движеніе усиливалось. От крестьян нельзя было добиться ни слова; даже розгами не удавалось заставить их говорить. Вооруженное возстаніе казалось неизбѣжным. Ходили слухи, что заговорщики тайно заготовляют пики и покупают топоры и ножи. Исправник отправил на ярмарку своих людей под видом торговцев желѣзным товаром, надѣясь таким образом прослѣдить, кто будет покупать оружіе. Но заговорщики угадали его намѣреніе и ни один из них не дал поймать себя на удочку.

Полиція была в отчаяніи и рѣшительно не знала, что предпринять. Но вот раз поздним вечером к исправнику является содержатель одного из кабаков, нѣкій Конограй, с сообщеніем, что к нему заходил крестьянин, по имени Приходько. От голода и усталости он еле держался на ногах и, сильно охмелѣвши от выпитаго стакана водки, начал кричать, что скоро все будет „по иному", что он уже «присягал», что он сам видѣл «бумагу». Очевидно, что он был одним из привлеченных к заговору, и Конограю пришла в голову мысль через него и самому проникнуть туда. Но так как для этого требовалась, очевидно, какая-то присяга, то он и пришел к исправнику за разрѣшеніем дать ее. Исправник был внѣ себѣ от восторга. Он благословил его обѣими руками и не только позволил присягать кому и в чем угодно, но обѣщал ему для поощренія и денег и земли. Конограй разыскал Приходько, притворился сочувствующим и был допущен к присягѣ. Послѣ этого Приходько показал ему «бумагу», которая была не что иное, какъ устав тайнаго общества. Прочитав, Конограй обратился к Приходько и сказал ему без всяких околичностей: „Слушай, я вижу, ты знаешь все. Теперь выбирай: или пойдем вмѣстѣ к исправнику с этими бумагами, и тогда тебѣ простят и еще дадут сколько хочешь денег, или же тебѣ будет худо, потому что вѣдь бумаги не больно тяжелы, и я могу снести их сам".

Поставленный таким образом между двух огней, несчастный, вмѣсто того, чтобы убить Конограя, сдѣлался предателем. Сам он знал не очень то много, но и этого немногаго было достаточно, чтобы постепенно добиться до остального. В самом непродолжительном времени, полиція уже держала в руках всѣ нити заговора и знала имена заговорщиков. Дѣло было не шуточное. Число посвященных достигало трех тысяч, и заговор, поставленный на военную ногу, распространялся на нѣсколько губерній: сигнал к возстанію предполагалось дать в день одного из ближайших праздников.

Вся эта замѣчательная организація была создана в какіе-нибудь восемь мѣсяцев усиліями только одного человѣка, именно Якова Стефановича.

План его состоял в том, чтобы поднять народ на весь существующій порядок и на самого царя — во имя царя же. Стефанович сочинил и сам себѣ вручил тайный царскій манифест, призывающій народ к всеобщему возстанію, в виду полнаго безсилія самаго царя и его полнаго порабощенія дворянством и чиновниками.

Принцип плана Стефановича — обман народа, хотя бы для его же блага, и поддержаніе царской легенды, хотя бы с революціонными цѣлями, — был безусловно отвергнут партіей и не имѣл ни одного подражателя.

Его Чигиринское дѣло не удалось. Правительство, имѣя в руках всѣ документы, арестовало болѣе тысячи человѣк, в том числѣ почти всѣх вожаков. Немногим удалось скрыться. Вскорѣ и Стефанович был арестован при помощи засады, устроенной на пути в то время, когда он вмѣстѣ со своим пріятелем Львом Дейчем отправлялся на какое-то свиданіе с нѣсколькими уцѣлѣвшими участниками заговора.

Иван Бухановскій, печатавшій всѣ документы и прокламаціи, относившіяся к заговору, был задержан нѣсколькими днями раньше. Арестованные были заключены в кіевскую тюрьму, гдѣ их содержали с величайшими предосторожностями. Суда над ними ждали лѣтом 1878 г., и никто не сомнѣвался, что главным виновникам не избѣжать смертной казни, но скоро Стефановичу, Дейчу и Бохановскому удалось бѣжать из тюрьмы.

ДМИТРІЙ КЛЕМЕНСЪ.

Клеменс — один из самых старых Чайковцев. Он был одним из лучших народных пропагандистов. Манера говорить и вести пропаганду у него была своеобразная. Клеменс вел свою пропаганду в шутках. Он смѣялся и заставлял хвататься за животы слушающих его мужиков, старых и малых. Однако, он всегда ухитрялся вкладывать в свою шутку серьезныя мысли, которыя так и засядут гвоздем им в головы. Рѣдко кому удавалось вербовать столько приверженцев из среды крестьян и городских рабочих.

Дмитрій Клеменс родился на берегах Волги, гдѣ его отец был управляющим одного имѣнія, и все свое дѣтство провел среди первобытнаго пастушескаго населенія этих необ'ятных степей.

Эта привольная жизнь на лонѣ дикой и величественной природы придала его характеру тот поэтическій колорит и выработала в нем ту любовь к опасности и приключеніям, которые остались у него и в зрѣлом возрастѣ. Среди величайшей опасности Клеменс никогда не терял самообладанія. Из самых трудных положеній он выпутывался с изумительной находчивостью и подчас с таким юмором, который ясно показывает, что он все время ни мало не думал об опасности, а только забавлялся нѣкоторыми смѣшными положеніями и моментами. Не раз ему случалось совершать большія неосторожности, не из тщеславія, котораго в нем не было и слѣда, а просто из любви к шуткѣ.

Клеменс — один из самых сильных умов, бывших в рядах русской революціонной партіи.

Несмотря на дѣятельное участіе в движеніи, на всѣ превратности нелегальной жизни, он всегда держался на уровнѣ интеллектуальнаго прогресса Западной Европы и, хотя питал особенную склонность к экономическим наукам, никогда не закапывался в них исключительно. Обладая жаждой знаній, он изучал все, не заботясь о том, сможет ли он извлечь из этого непосредственную пользу.

Клеменс — вовсе не человѣк партіи. Глубоко убѣжденный соціалист, он отдал народному дѣлу все, что мог: и свои знанія, и свой свѣтлый, проницательный ум. Но он рѣшительно не годен для узких рамок тайнаго общества. Партія, к которой он принадлежал, никогда не могла стать для него родной семьей — одним словом, всѣм. Он всегда держался в сторонѣ „программных" раздоров, так часто раздѣлявших революціоную партію на непримиримо враждебные лагери. Полный вѣры в принципы соціализма вообще, он относился в высшей степени скептически к различным средствам, на которыя революціонеры смотрѣли в разное время, как на универсальныя панацеи. Этот скептицизм парализовал, конечно, его силу в подпольной борьбѣ, гдѣ вслѣдствіе незначительности поля дѣйствія не может быть особеннаго разнообразія в средствах; и дѣйствительно, как конспиратор, Клеменс не имѣл собственно никакого значенія. Благодаря своей неотразимой личной обаятельности, он привлекал массу приверженцев соціалистической партіи из среды всѣх классов общества, особенно же из молодежи. Но сам он был совершенно не способен вести им привлеченных людей к какой-либо опредѣленной цѣли; это уже приходилось дѣлать другим. Магическое обаяніе его личности представляло неоспоримое доказательство присутствія в нем силы характра. Умѣл он также и настоять на своем, когда это было необходимо. Будучи свободен от всякаго самолюбія и тщеславія, он обладал рѣдким мужеством выступать против общепризнанных взглядов, когда они казались ему неосновательными. В дѣлѣ Стефановича, он стоял одним в оппозиціи с мнѣніем цѣлой партіи. Но у него не было ни той исключительности, ни той душевной черствости, вытекающих из страстной вѣры, которыя необходимы, когда приходится вести людей почти на вѣрную гибель.

СОФІЯ ПЕРОВСКАЯ

Софія Перовская происходит из высшей аристократіи. Перовскіе — младшая вѣтвь фамиліи извѣстнаго Разумовскаго, морганатическаго мужа императрицы Елисаветы Петровны. Дѣд ея был министром народнаго просвѣщенія, а отец — петербургским генерал-губернатором.

Софія Перовская родилась в 1854 году. Печально было ея дѣтство между отцом, деспотом и самодуром, и вѣчно унижаемой и оскорбляемой матерью, женщиной высоко-нравственной. Таким образом в нѣдрах семьи научилась Перовская ненависти к угнетенію и великодушной любви ко всѣм слабым и обиженным.

Когда ей минуло 15 лѣт, движеніе в пользу эмансипаціи женщин было в полном разгарѣ, и она начинает учиться, посѣщать курсы, читать. Литература того времени дает ей рѣзкую критику всего общественнаго строя, указывает на соціализм, как на конечную цѣль и единственное средство для избавленія от всѣх общественных недугов. Ея учителя — Чернышевскій и Добролюбов, на которых воспитывалась и все современное поколѣніе. Чтеніе возбудило в ней жажду дѣятельности, соотвѣтственно идеям, указанным этими учителями. То же стремленіе возникло и во многих других дѣвушках. Общность идей развила между ними чувство горячей дружбы и желаніе сдѣлать что-нибудь для блага народа.

Вмѣшательство в ея жизнь отца заставило Софію оставить родительскій дом и тѣснѣе сблизиться с кружком подруг и товарищей.

Чрез два года она сдѣлалась одним из первых членов кружка студента Николая Чайковскаго. Четыре года провела она в этом кружкѣ, члены котораго отличались искренностью, энтузіазмом, самоотверженіем. Она пользовалась со стороны товарищей большим уваженіем и вліяніем за свою стоическую строгость к себѣ, за неутомимую энергію, за свой обширный ум, за рѣзкую твердость убѣжденій.

Она бывала всегда одним из наиболѣе дѣятельных иниціаторов во всѣх организаціях. Во всѣх своих начинаніях она всегда руководилась не пламенным воображеніем, а сильной критической мыслью.

В 1873 году Перовская была арестована с группой рабочих, среди которых вела пропаганду, потом отправлена в Петропавловскую крѣпость, но за отсутствіем улик чрез нѣсколько мѣсяцев была выпущена на поруки к отцу.

Три года, под строгим надзором, пришлось ей ждать суда. В это время она изучила фельдшерство.

Зимою 1877 года начался процес 193-х, в котором вмѣстѣ с Перовской были замѣшаны почти всѣ «Чайковцы».

Перовская была оправдана, но, не желая, чтоб полиція за ней слѣдила, перешла на нелегальное существованіе.

Прежде всего она отдалась дѣлу освобожденія товарищей, осужденных на заключеніе в центральную тюрьму. Но всѣ попытки освободить Мышкина, Рогачева, Ковалика, Войнаровскаго или Муравскаго окончились неудачей. Полиція прослѣдила, и заговорщикам надо было уѣзжать из Харькова, как можно скорѣе. На вокзалѣ полиція успѣла задержать только одного из них, Фомина.

Неустрашимая Перовская, не смотря на розыски полиціи, рѣшила остаться в городѣ, чтоб продолжать дѣло

Через нѣсколько недѣль она заѣхала в Крым, чтобы повидаться с матерью, но тут была арестована и отправлена административным порядком в Повѣнец, гдѣ из вокзальной комнаты ей удалось бѣжать

в Петербург. Оттуда она поспѣшила обратно в Харьков, чтобы попытаться освободить из тюрьмы товарищей. Кромѣ конспираціонных работ, она взяла на себя снабженіе заключенных провизіей, книгами, платьем. Всѣ эти занятія не помѣшали ей пройти, под фальшивым паспортом, акушерскій курс — все с цѣлью потом устроиться в деревнѣ для пропаганды среди крестьянства.

Задуманное дѣло освобожденія заключенных Перовской пришлось оставить, так как организація «Земля и Воля» перестала поддерживать ее: главные ея члены были арестованы.

В 1878 году новое направленіе назрѣло в «Народной Волѣ». Перовская долго колебалась и, наконец, примкнула к нему, отдалась ему всецѣло, и в борьбѣ она во всем блескѣ обнаружила свои дарованія и энергію.

Перовская принимала дѣятельное участіе почти во всѣх покушеніях, была самым полезным человѣком во всѣх организаціонных работах. Она завоевала себѣ всѣ симпатіи молодежи своей простотой, своим умом, покоряла убѣдительной рѣчью и, главное, умѣла одушевить, увлечь собственной заразительной преданностью дѣлу.

Софія Перовская принадлежала к числу наиболѣе дѣльных и ярких революціонных дѣятелей. Во всем, касающемся дѣла, она была требовательна до жестокости, но, строгая к другим, она была еще строже к себѣ самой.

Обладая желѣзной волей, Перовская выносила, не согнувшись, самые ужасные удары судьбы, без жалобы, без стона. Больная, с адом в душѣ, потому что смерти ждал человѣк, бывшій ея великой, первой и единственной любовью, она твердо берет в свои руки руководство дѣлом 1-го марта и доводит его до конца. Узнав о неминуемой казни Желябова, С. Перовская ни на мгновеніе не оставляет строя, рыскает по городу, имѣя по семи свиданій в день, ведетъ спокойно и бодро начатое дѣло, и никому не приходит в голову, какая безконечная мука таится в ея груди.

Софія Перовская была не только руководителем и организатором: она первая шла в огонь, жаждая наиболѣе опасных постов.

В дѣлѣ 1 марта было рѣшено воспользоваться метальщиками в случаѣ неудачи взрыва на Садовой. Примѣненіе этого плана было предоставлено Перовской, и когда, стоя на своем посту, она узнала, что царь отправлялся другой дорогой, то по собственной иниціативѣ пустила в дѣло метальщиков. Этому то рѣшительному маневру и обязаны революціонеры своей побѣдой.

Она была арестована только через семь дней послѣ убійства Александра II., потому что ни за что не хотѣла покинуть столицу.

Спокойная и серьезная, она предстала перед судом, не думая о самооправданіи, — простая и скромная, как жила, возбудив удивленіе даже врагов.

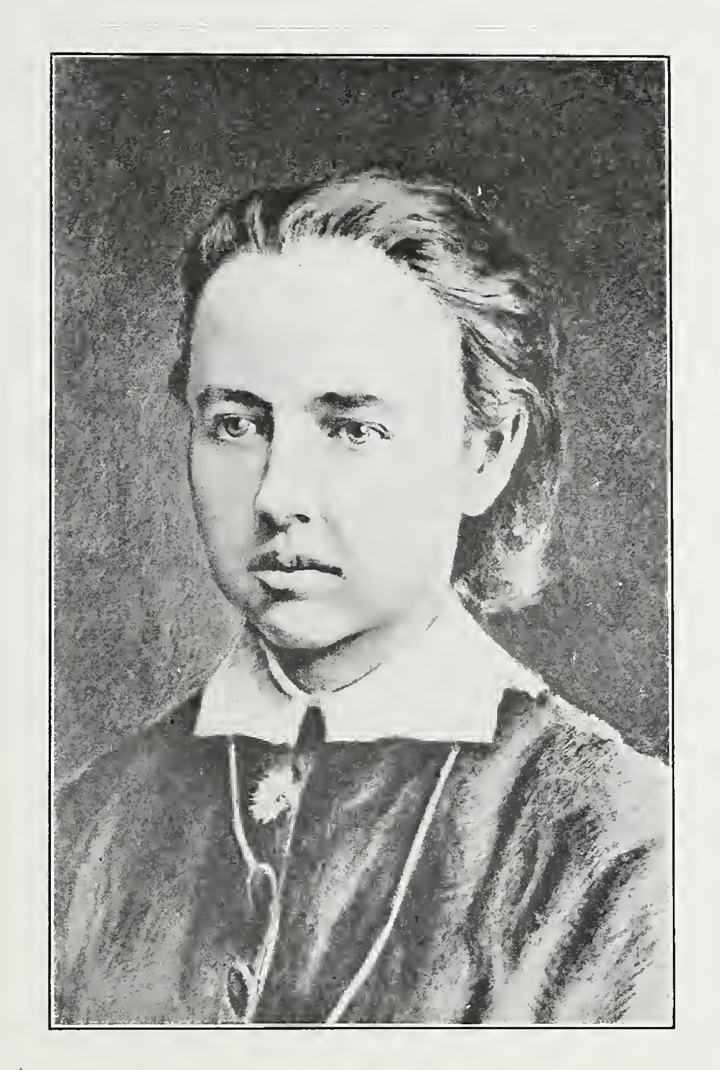
В краткой рѣчи она просила не отдѣлять ее, как женщину, от прочих ея товарищей по дѣлу...

Шесть дней казнь откладывалась, хотя законный срок для кассаціи и просьб о помилованіи назначен всего в три дня.

Носились зловѣщіе слухи, что, по азіатско-хитрому совѣту Лорис-Меликова, осужденных подвергали пыткѣ, с цѣлью вырвать у них признанія....

3-го апрѣля 1881 года Софію Перовскую повѣсили.....

Софья Перовская.

Андрей Желябов (студент).

Андрей Желябов (перед казнью).

АНДРЕЙ ЖЕЛЯБОВ

Андрей Желябов превосходил большинство своих товарищей организаторским талантом и энергіей. Он родился приблизительно в 1850 г., в Крыму, в семьѣ крѣпостных; его родители и родные были дворовыми; к первым впечатлѣніям его юности относится тѣлесное наказаніе его дяди и обезчещеніе тетки. Его дѣд, раскольник, обучил его церковной грамотѣ и заставил его выучить наизусть весь псалтырь. Помѣщик Желябова скоро обратил на него вниманіе, обучал его сам гражданской грамотѣ и помѣстил затѣм в керченское уѣздное училище, которое было преобразовано потом в гимназію. Он считался хорошим товарищем и прилежным учеником, но отличался шалостями и благодаря своему поведенію получил при выходѣ из гимназіи только серебряную медаль, хотя по прилежанію и способностям заслуживал золотую. В одесском университетѣ, куда он поступил в 1868 г., он первой же демонстраціей против профессора выдвинулся как вожак и был исключен. Таже участь постигла его, когда он находился на 3-м курсѣ юридическаго факультета в том же университетѣ. Жил Желябов сначала на стипендію, но затѣм, когда этот источник изсяк, частными уроками и часто терпѣл нужду, хотя временами зарабатывал очень много денег, до 150 руб. в мѣсяц. Первое время он много занимался студенческими дѣлами и т. п. Но эта дѣятельность не могла его удовлетворить. Когда затѣм в Одессѣ, в связи с нечаевским заговором, образовались тайныя общества, Желябов примкнул к ним всей душой; „крестьянскій сын" в тогдашних кружках был окружен полумистическим ореолом и скоро завоевал симпатіи товарищей. Вскорѣ он познакомился с болѣе опытными революціонерами, Волховским и др., и попал в их политическую школу. В 1872—73 г.г. он принадлежал к кружку, который находился в тѣсной связи с петербургскими чайковцами.

Желябов сдѣлался пропагандистом, жил в сырых и грязных квартирах, об'ясняя рабочим содержаніе брошюр, организовал маленькіе рабочіе союзы с кассами и библіотеками. Он также пошел в народ и продавал огурцы на базарѣ; это хожденіе в народ осталось не без успѣха: он пріобрѣл нѣсколько соумышленников. Это была стремительная страстная натура; всему, что он дѣлал, даже простому пѣнію и танцам, он отдавался всей душой. Крайне деликатный по отношенію к другим, не знавшій мѣры своим услугам и одолженіям для тѣх, кто в них нуждался, каждую минуту готовый броситься в огонь и воду за товарища и друга, неистощимо терпѣливый к маленьким слабостям своих знакомых, он мгновенно преображался и вспыхивая зловѣщим огнем, когда слышал обидную насмѣшку или грубость нахала.

Рядовым солдатом Желябов никогда не мог быть; он был рожден вожаком. Поэтому программа террористической партіи, в которой многіе отличались страстной и порывистой дѣятельностью, гораздо больше соотвѣтствовала его натурѣ.

Послѣ второго своего исключенія из университета, Желябов жил то в родном своем селѣ, то в Одессѣ. В это же время он женился и скоро у него родился сын. Семейныя отношенія, по его собственным разсказам, были у него хорошія; жена его, акушерка, по профессіи, помогала ему своим заработком; но он никогда не мог отдаваться всей душой своей женѣ. Чисто по крестьянски, он видѣл в ней не поэтическую возлюбленную, но мать семейства и товарища в хозяйствѣ. В бракѣ для него на первом планѣ была не любовь, к которой он относился довольно насмѣшливо, а семейныя обязанности. К этим обязанностям он относился очень добросовѣстно, и, рѣшившись отдаться всецѣло революціонному движенію, он сдѣлал это, только приведя сначала в полный порядок свои домашнія дѣла. В 1877 г., в качествѣ обвиняемаго в процессѣ 193-х, он был привезен в Петербург, гдѣ послѣ 7 мѣсячнаго заключенія, был оправ-

дан. С этих пор он был еще сильнѣе захвачен движеніем; он дѣлался все болѣе извѣстным на югѣ и заводил также связи с сѣвером.

Желябов никогда не раздѣлял односторонностей пропагандистов и не ограничивался агитаціей среди одних крестьян. Он обращался также и к „обществу", и его дѣятельность носила всегда политическій характер. Он не понимал и не вѣрил в патріахальнаго царя. Он не допускал, чтобы у него были добрыя намѣренія при отмѣнѣ крѣпостнаго права.

Поэтому понятно, что в 1879 г., когда его пригласили к участію в террористической дѣятельности, Желябов вполнѣ отдался ей. Он уѣхал вербовать сторонников в южно-русскіе университетскіе города и произносил здѣсь рѣчи, которыя производили, повидимому, на его слушателей могущественное впечатлѣніе. У Желябова была профессорская манера произносить рѣчи. Говорят, что он был особенно хорош, когда впадал в патетическій тон и говорил о долгѣ перед родиной и о мести тиранам. Тогда он, дѣйствительно, воспламенял своих слушателей.

Между тѣм террористическая партія организовалась и уже осенью 1876 г. Желябов является оффиціальным агентом Исполнительнаго Комитета, в качествѣ какового и должен был заложить мину под Александровском. Послѣ неудачи трех покушеній, он пріѣхал 19 ноября 1879 г. в Петербург. Многіе товарищи были уже арестованы; измѣна Гольденберга заставила переработать многіе планы и перемѣстить людей. Желябов сдѣлался завѣдующим динамитными мастерскими; но свою главную дѣятельность он развил на другом поприщѣ. Может быть, многіе превосходили его, как террориста, но немногіе, как организатора. «Я рожден демагогом», говорил он, „мое настоящее мѣсто на улицѣ, среди толпы рабочих".

Желябов был стройный, красивый мужчина с энергичным выраженіем лица и великолѣпной окладистой бордой. Он вообще нравился женщинам и в юности имѣл „приключенія". В послѣдній год своей жизни он был близок с Перовской; эта женщина была по нем; он уважал ея ум и характер, и видѣл в ней лучшаго товарища; но о супружеском счастьи не могло быть, собственно говоря, и рѣчи при том положеніи, в каком находились оба они, при постоянных тревогах и избыткѣ работы. — Желябов любил литературу, любил также природу, Неву, открытое море. Музыку он любил до страсти. Любил он также и умѣл веселиться. Рѣдко выпадали таке случаи, но когда выпадали, Желябов был душою общества. Послѣдній беззаботный вечер он провел в ночь под новый год, 1881, когда будущіе цареубійцы устроили вечеринку, Желябов превзошел себя. Он появлялся во всѣх комнатах, поддерживал разговор, не допускал никого задуматься, затѣвал танцы, пѣсни... Там были Кибальчич, Саблин, Перовская и еще десятка полтора лиц. На всѣх нашло какое-то страшное веселье. Многіе знали, что другого такого вечера уже не будет в жизни... Никто не увлекался в подобных случаях искреннѣе и беззавѣтнѣе Желябова. Глядя на него, можно было подумать, что у этого человѣка нѣт на душѣ ни одной тяжелой мысли.... А между тѣм, думы черныя, как ночь, кружились вокруг его головы. Но он гнал их прочь. Никогда он не допускал себя погрузиться в уныніе. „Ну, это ничего. Что-ж дѣлать! Теперь будем поправлять" — такими словами встрѣчал он каждый удар, каждую неудачу. Его вѣра в успѣх революціоннаго дѣла была несокрушима. „Это пустяки: люди найдутся. Мы погибнем, другіе будут", — повторял он.

ДИМИТРІЙ ЛИЗОГУБ.

Среди членов организаціи особаго вниманія заслуживает **Димитрій Лизогуб**, милліонер, владѣтель громаднаго имѣнія, в Черниговской губ. Он отказался от громаднаго состоянія на пользу партійнаго дѣла, а сам жил беднѣе послѣдняго из своих приказчиков. Даже в сильные морозы он носил старый парусиновый пиджак, поношенный желет, тонкія панталоны, легкое пальто с шарфом и кожаную шапку.

Он ни о чем не думал, кромѣ служенія дѣлу. Семьи у него не было. Ни разу он не испытал любви к женщинѣ.

Его рѣшимость не тратить на себя денег, которыя могли пригодиться на дѣло, доходила до того, что он никогда не позволял себѣ проѣхаться на конкѣ.

Находясь под строжайшим надзором, так как на него был сдѣлан донос в принадлежности к революціонной партіи родственниками, которые надѣялись в случаѣ его осужденія, получить его состояніе, он ничего не мог дѣлать: при первом же его шагѣ имѣніе его было бы конфисковано, и партія лишилась бы поддержки.

Вынужденная бездѣятельность угнетала Лизогуба, который соединял в себѣ отважность бойца с пламенным энтузіазмом пророка.

Лизогуб был арестован в Одессѣ осенью 1878 года, по доносу своего управляющаго, Дриго, бывшаго его другом и повѣренным, и потом продавшаго себя правительству за обѣщанные ему остатки от состоянія Лизогуба, составлявшіе около 40.000 рублей.

Арест произошел в разгарѣ бѣлаго террора, и в Одессѣ тогда свирѣпствовал взяточник и заплечных дѣл мастер, граф Тотлебен. Обвиненіе, кромѣ растраты, неизвѣстно куда, большей части состоянія, ничего другого не могло выставить. Всѣ ожидали ссылки на поселеніе, или, в худшем случаѣ, каторжных работ.

Среди всеобщаго оцѣпенѣнія Лизогуб был приговорен к смерти. От сдѣланнаго ему предложенія спасти жизнь просьбой о помилованіи он презрительно отказался.

8-го августа 1879 года его, как и двух товарищей, Чубарова и Давиденко, повѣсили.

П. И. ВОЙНАРАЛЬСКІЙ.

Войнаральскій, Порфирій Иванович, сын дворянина Ларіонова и княжни Кугушевой. За участіе в студенческих безпорядках исключен в 1861 году из Московскаго университета и выслан под надзор полиціи в Архангельскую губернію. Освобожденный в 1873 году, он был избран мировым судьей в Пензенской губ. и стал принимать участіе в народнических кружках. Он был выбран на должность судьи, но выбор не был утвержден сенатом, и он уѣхал в Москву, завел мастерскія для пропаганды, устроил типографію для этой же цѣли, об'ѣхал Поволжье, созывал сходки крестьян и говорил народу о тяжести его положенія и т. д. Наконец на него донесли, и он был арестован. Ему удалось скрыться, но полиція опять настигла его в Самарѣ в іюлѣ 1874 года. Его перевезли в Петербург и заключили в Дом Предварительнаго заключенія.

Войнаральскій судился по процессу 193-х и был приговорен к 10 годам каторги. Из Кары он вышел на поселеніе в 1889 году и затѣм прожил много лѣт в Якутской области.

Н. М. РОГАЧЕВ.

Николай Михайлович Рогачев, поручик, был арестован вмѣстѣ с другими товарищами, вслѣдствіе предательства Дегаева, в началѣ 1883 г. за принадлежность к военной организаціи партіи «Народной Воли». Он был приговорен к смертной казни и повѣшен 10 сентября 1884 года в Шлиссельбургской крѣпости, 28 лѣт.

С. Ф. КОВАЛИК.

Сергѣй Филиппович Ковалик, в 1872 году избран мировым судьей в Черниговской губ, но не был утвержден сенатом. В 1873 г. он ѣздил заграницу по революціонным дѣлам. Вернувшись в Россію он взялся за организаціонную и пропагандистскую работу. В Самарѣ его арестовали и перевезли в Петербург в Дом Предв. Заключенія.

По процессу 193-х он был приговорен к 10 годам каторги, а в 1889 году вышел на поселеніе в Якутскую область гдѣ прожил нѣсколько лѣт.

ГЛАВА VI.

ЭПОХА ТЕРРОРА.

ВСѢ процессы пропагандистов 1877—78 гг., знаменуютъ конецъ этого перваго періода революціоннаго движенія въ Россіи, являясь въ то же время его апоѳеозомъ.

Русское правительство, желая идти по стопамъ французской Второй Имперіи, умѣвшей такъ хорошо играть краснымъ призракомъ, рѣшило, чтобы разборъ перваго большого дѣла, — такъ называемаго процесса „50-ти", — происходилъ публично: оно надѣялось, что устрашенные привилегированные классы тѣснѣе сомкнутся вокругъ трона и оставятъ всякія завиральныя идеи. Но разсчетъ оказался ошибочнымъ. Даже тѣ, которые враждебно относились къ революціонерамъ, были поражены ихъ изумительной готовностью къ самопожертвованію.

„Да это святые!" — восклицали всѣ, кому удалось присутствовать на этомъ памятномъ судѣ.

Въ слѣдующемъ году громадный процессъ „193-хъ" только усилилъ это впечатлѣніе.

И дѣйствительно, все, что есть благороднаго и высокаго въ природѣ человѣка, казалось было сосредоточено въ этой горсти героической молодежи. Восторженно преданные своей великой идеѣ, они хотѣли принести въ жертву не только свою жизнь, будущность, положеніе, но и самую душу свою. Они хотѣли освободиться отъ всякихъ привязанностей, чтобы отдаться своему дѣлу всецѣло, беззавѣтно. Ригоризмъ былъ возведенъ въ догматъ, и былъ даже періодъ, когда молодые люди обоего пола придерживались въ своихъ отношеніяхъ самаго строгаго аскетизма.

Пропагандисты ничего не хотѣли для себя. Они были чистѣйшимъ олицетвореніемъ самоотверженности. Но это были люди слишкомъ неподходящіе для предстоявшей страшной борьбы. Типъ пропагандиста семидесятыхъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются скорѣй религіозными, чѣмъ революціонными движеніями. Соціализмъ былъ его вѣрой, народъ — его божествомъ. Не взирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня-завтра произойдетъ революція, подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе Страшнаго суда. Неумолимая дѣйствительность нанесла жестокій ударъ этой восторженной вѣрѣ, показавши ему его бога, каковъ онъ есть, а не какимъ онъ рисовался его воображенію. Попрежнему онъ готовъ былъ на жертвы; но ему недоставало уже ни прежняго неудержимаго пыла, не прежней жажды борьбы. Послѣ перваго разочарованія онъ потерялъ всякую надежду на побѣду, и, если еще желалъ вѣнца, то это былъ вѣнецъ изъ терніевъ, а не изъ лавровъ. Подобно христіанину первыхъ вѣковъ, онъ шелъ на муки съ ясностью во взорѣ и выносилъ ихъ съ полнымъ спокойствіемъ духа, — даже съ наслажденіемъ, такъ какъ зналъ, что страдаетъ за свою вѣру. Онъ былъ полонъ любви и ни къ кому не питалъ ненависти, не исключая даже своихъ палачей.

Таковъ пропагандистъ 1872—1875 годовъ. Въ немъ было слишкомъ много идеализма, чтобы онъ могъ устоять въ предстоящей трудной и жестокой борьбѣ. Онъ долженъ былъ измѣниться — или исчезнуть.

И уже началъ вырабатываться иной типъ революціонера, готовый занять его мѣсто. На горизонтѣ обрисовывалась сумрачная фигура, озаренная точно адскимъ пламенемъ, которая, съ гордо поднятымъ челомъ и взоромъ, дышавшимъ вызовомъ и местью, стала пролагать свой путь среди устрашенной толпы, чтобы вступить твердымъ шагомъ на арену исторіи.

То былъ террористъ.

Степ. Халтурин. П. Войнаральскій. Сергѣй Ковалик. Димитрій Рогачев. Ник. Желваков.

1876 и 1877 годы были самыми мрачными и тяжелыми для русскихъ соціалистовъ. Движеніе „въ народъ" обошлось страшно дорого. Цѣлое поколѣніе было безпощадно скошено деспотизмомъ, въ припадкѣ овладѣвшаго имъ безумнаго страха. Тюрьмы были переполнены заключенными. Такъ какъ старыхъ не хватало, то строились новыя. Но каковы были результаты этихъ жертвъ? Онп были ничтожны въ сравненіи съ затраченными усиліями.

Чего можно было ждать отъ небольшого числа крестьянъ и рабочихъ, усвоившихъ идеи соціализма? Прошлое было мрачно, будущее — темно и безнадежно.

Но движеніе не могло остановиться. Революціонная молодежь, возбужденная, сгоравшая жаждой дѣятельности, искала только иного пути для осуществленія тѣхъ же цѣлей. Но найти его было не легко при условіяхъ русской жизни. Продолжительны и опасны были поиски, и много жертвъ пало по дорогѣ, такъ какъ это было точно исканіе выхода изъ темной пещеры, изрытой пропастями и обвалами, гдѣ каждый шагъ впередъ покупается цѣной нѣсколькихъ жизней, и только стоны павшихъ братьевъ указываютъ путь оставшимся въ живыхъ.

Хожденіе „въ народъ" было изумительнымъ по своему героизму опытомъ могущества слова. Теперь надлежало испытать противоположный путь — путь дѣла.

„Мы потерпѣли неудачу, потому что были пустыми болтунами, неспособными на настоящее дѣло". Таковъ былъ горькій упрекъ, который дѣлали себѣ люди, пережившіе великое движеніе, передъ лицомъ новаго революціоннаго поколѣнія, явившагося на смѣну. Призывъ: къ дѣлу! сталъ столь же всеобщимъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ кликъ: въ народъ!

Но какое-же дѣло предпринять?

Побуждаемые безкорыстнымъ желаніемъ дѣлать все для народа и только для народа, революціонеры прежде всего направили свои попытки на возбужденіе движенія среди крестьянства. Первые кружки такъ называемыхъ „бунтарей", цѣлью которыхъ было немедленное возстаніе, относятся еще къ 1875 году.

Но „бунты" не вызываются искусственно: они приходятъ сами собой. Только попытка Стефановича, удачно воспользовавшагося возбужденіемъ умовъ на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и стремленій, имѣла по крайней мѣрѣ хоть временный успѣхъ. Но и тутъ заговоръ былъ обнаруженъ гораздо раньше, чѣмъ дѣло дошло до возстанія. Въ другихъ случаяхъ результаты были еще плачевнѣе.

Въ городахъ то же стремленіе вызвать бунтъ приняло иную форму; революціонеры впервые дѣлаютъ попытку выйти на площадь.

Годы 1876, 1877 и первые мѣсяцы 1878 были періодомъ болѣе и менѣе значительныхъ демонстрацій, какъ похороны Чернышева и Падлевскаго, демонстрація на Казанской площади, имѣвшая такой трагическій исходъ и, наконецъ, одесская демонстрація въ день осужденія Ковальскаго, бывшая настоящимъ сраженіемъ, съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ, и сотнями арестовъ на другой день. Не трудно было понять, что по этому пути далеко не уйдешь. Силы революціонеровъ и правительства были такъ страшно не равны, что подобныя демонстраціи не могли привести ни къ чему, кромѣ добровольнаго принесенія въ жертву цвѣта русской молодежи.

Въ Россіи городская революція или даже сколько-нибудь значительное возстаніе представляетъ совершенно исключительныя трудности. Въ нашихъ городахъ сосредоточена лишь очень ничтожная доля всего населенія страны, да и три четверти этихъ городовъ —не болѣе, какъ большія села, отстоящія другъ отъ друга на сотни верстъ. Города въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ 40—50 тысячами жителей, заключаютъ въ себѣ какихъ-нибудь четыре процента населенія, т. е. около четырехъ милліоновъ. И правительству, располагающему военными силами цѣлаго государства, нѣтъ ничего легче, какъ превратить пять или шесть главныхъ городовъ Россіи, гдѣ только и мыслимо какое-нибудь движеніе, въ настоящіе военные лагери, что и было сдѣлано.

Это соображеніе всегда нужно имѣть въ виду, чтобы понять причины всего, что произошло дальше.

Демонстраціи всякаго рода были оставлены: съ 1878 года онѣ окончательно исчезаютъ.

Но уже и за этотъ періодъ въ типѣ революціонера произошла значительная перемѣна. Онъ уже пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ пять лѣтъ тому назадъ. Онъ не успѣлъ еще заявить о себѣ какимъ-либо подвигомъ, достойнымъ истиннаго бойца, но постоянно размышляя въ этомъ направленіи, вѣчно твердя себѣ одно и то же,— что пуля дѣйствительнѣе словъ, питая изо дня въ день въ своей душѣ кровавые замыслы, онъ не могъ не поддаться вліянію собственныхъ словъ и мыслей, не могъ не окраситься отъ нихъ, не затвердѣть, не могъ не революціонизироваться самъ: таково свойство человѣка. А правительство дѣлало тѣмъ временемъ все отъ него зависѣвшее, чтобы ускорить процессъ этого превращенія недавняго еще мечтателя въ человѣка дѣла.

Аресты производились по малѣйшему подозрѣнію. Какого-нибудь адреса, письма отъ пріятеля, ушедшаго „въ народъ", показанія, вымученнаго отъ двѣнадцатилѣтняго мальчугана, который отъ испуга не зналъ, что отвѣчать на допросѣ, было достаточно, чтобы бросить человѣка въ тюрьму и томить его годы въ ужасномъ одиночномъ заключеніи. Стоитъ только припомнить, что за время предварительнаго слѣдствія по дѣлу „193-хъ", которое тянулось четыре года, число самоубійствъ, случаевъ умопомѣшательства и смерти между политическими заключенными достигло громадной цифры 75. Приговоры суда особаго присутствія, который былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, были безобразно жестоки. Люди приговаривались на десять, двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ за нѣсколько революціонныхъ разговоровъ съ кучкой рабочихъ, за прочитанную или данную для прочтенія книжку. Такимъ образомъ, то самое, что дѣлается совершенно свободно въ любомъ западно-европейскомъ государствѣ, у насъ наказывалось наравнѣ съ убійствомъ. Но, не удовлетворяясь этими звѣрствами, облеченными въ юридическую форму, правительство еще болѣе увеличивало страданія политическихъ заключенныхъ путемъ подлыхъ секретныхъ предписаній. Отъ времени до времени, при помощи способовъ, которые умѣютъ находить только заключенные, отъ этихъ заживо погребенныхъ людей получались на волю письма, кое-какъ нацарапанныя на клочкѣ оберточной бумаги, сообщавшія о гнусныхъ и безсмысленныхъ жестокостяхъ, которымъ подвергали ихъ тюремщики, чтобы выслужиться передъ начальствомъ. И эти письма переходили изъ рукъ въ руки, извѣстія передавались изъ устъ въ уста, вызывая у всѣхъ слезы жалости и негодованія и поселяя въ душѣ людей самыхъ мягкихъ мысли крови, ненависти, мести.

Первыя кровавыя дѣла начались за годъ или за два до наступленія настоящаго террора. То были пока отдѣльные факты, безъ всякаго серьезнаго политическаго значенія; но они ясно доказывали, что усилія правительства начали уже приносить свои плоды, и что „млеко любви" соціалистовъ прошлаго поколѣнія превращалось мало по малу въ желчь ненависти. Вытекая изъ чувства мести, нападенія направлялись вначалѣ на ближайшихъ враговъ — шпіоновъ, и въ разныхъ частяхъ Россіи ихъ было убито около полу-дюжины.

Было однако, несомнѣнно, что эти первыя попытки должны были повести къ дальнѣйшимъ. Ужъ если тратить время на убійство какого-нибудь шпіона, то почему же оставлять безнаказаннымъ жандарма, поощряющаго его гнусное ремесло, или прокурора, который пользуется его донесеніями для арестовъ, или, наконецъ, шефа жандармовъ, который руководитъ всѣмъ? А дальше приходилось подумать о томъ, властью котораго дѣйствуетъ вся эта орда. Логика вещей должна была заставить революціонеровъ пройти одну за другой всѣ эти ступени, и они не могли не пройти ихъ, такъ какъ русскій человѣкъ можетъ грѣшить недостаткомъ чего угодно, только не мужества быть послѣдовательнымъ до конца.

Случилось, однако, обстоятельство первостепенной важности, давшее такой сильный толчокъ движенію, что этотъ переходъ, на который при иныхъ условіяхъ потребовались бы, можетъ быть, годы, былъ совершенъ почти сразу.

24 января 1878 года раздался выстрѣлъ Вѣры Засуличъ.

ВѢРА ИВАНОВНА ЗАСУЛИЧ.

Имя **Засулич** стало сразу синонимом героизма. На другой день послѣ произнесенія судебнаго приговора по процессу 193-х раздался рѣшительный выстрѣл, который послужил как бы сигналом боевой аттаки: выстрѣл Вѣры Засулич в петербургскаго градоначальника, генерала Трепова. Она явилась к нему в качествѣ просительницы, подала ему бумагу и в тот момент, когда он принимал ее, выстрѣлила в него из револьвера, причем опасно ранила его; затѣм она бросила оружіе на пол и дала спокойно себя взять. Причиной своего поступка она об'яснила жестокое обращеніе в тюрьмѣ с лично ей неизвѣстным студентом Боголюбовым. 13 іюля 1877 г. Трепов, явившись в петербургскую тюрьму, грубо набросился на политическаго заключеннаго Боголюбова и приказал подвергнуть его тѣлесному наказанію. В тюрьмѣ начались волненія; многіе заключенные в наказаніе за это были схвачены в своих камерах, избиты и посажены в карцер; причем нѣкоторые попали в такіе карцеры, из которых не выносились экскременты, и гдѣ температура достигала до 30 гр. Извѣстіе об этом проникло даже в русскія газеты, хотя в самой скромной формѣ: женевская же пресса открыто и громко взывала к мести. В своем тайном докладѣ Трепов сознается, что велѣл наказать Боголюбова тѣлесно; однако он утверждает, что тѣлесное наказаніе было допущено им на законном основаніи, ибо приговор над Боголюбовым уже вошел в законную силу, причем Боголюбов не был потомственным дворянином, а сыном причетника.

1 апрѣля 1878 г. произошло судебное разбирательство дѣла Засулич, и даже перед судом присяжных, потому что сам гр. Пален лично поручился царю за соотвѣтствующій приговор. Но сам прокурор оказался настолько под вліяніем благопріятнаго для Засулич общественнаго мнѣнія, что прежде всего стал оправдываться, почему он не смотрит на Трепова, как на обвиняемаго, хотя „вполнѣ вѣрит» высказанным молодой дѣвушкой мотивам. Защитник Александров назвал рѣчь прокурора „благородной и умѣренной" и самым эффектным образом ходатайствовал лишь о смягченіи наказанія для обвиняемой. Вѣра Засулич еще шестнадцатилѣтней дѣвушкой знала Нечаева, когда тот не был еще революціонером, и разрѣшила ему пользоваться ея адресом для своей переписки. За это она подверглась 2-х лѣтнему предварительному тюремному заключенію; затѣм она была выпущена из тюрьмы, но выслана административным порядком в Крестцы (Новгородск. губ.), откуда переведена в Тверь, потом в Солигалич, потом в Харьков, причем ее то сажали в тюрьму, то выпускали, без всякаго суда. Наконец, она покинула Харьков, не обратив на себя ничьего вниманія, и явилась в Петербург. Здѣсь она узнала о происшествіи с Боголюбовым и рѣшилась отомстить за возмутительное обращеніе с заключенными, которое она не раз испытала на самой себѣ. Против этой біографіи Засулич, набросанной ея защитником, Трепов не мог ничего возразить. Он утверждал только, что она еще 16-ти лѣтним ребенком уже была в революціонных сношеніях с Нечаевым, что она уже тогда была нигилисткой и лицемѣркой, остригла волосы, носила кожаный пояс и служила секретарем в Серпуховѣ, а сестра ея — так была даже женой сосланнаго на каторгу нигилиста. Когда присяжным был поставлен вопрос, виновна ли Вѣра Засулич в нанесеніи огнестрѣльной раны генералу Трепову, случилось нѣчто совершенно неожиданное: они отвѣтили отрицательно на этот вопрос; обвиняемая была оправдана. Раздались шумные знаки одобренія; говорят даже, что аплодировали чиновники министерства юстиціи и другія высокопоставленныя лица. По приказанію предсѣдателя, Вѣра Засулич была освобождена; но на улицѣ, у выхода из суда, ее уже ожидали жандармы; здѣсь произошла схватка с полиціей, так как собравшаяся толпа не хотѣла выдать только что оправданнаго человѣка полицейскому произволу; в это время Засулич удалось сѣсть в приготовленную карету и исчезнуть, а через нѣкоторое время бѣжать в Швейцарію.

На общественное мнѣніе этот процесс произвел совершенно

обратное впечатлѣніе. Симпатіи к молодой дѣвушкѣ были всеобщи. На ея судьбѣ было ясно видно, до какой степени должны были раздражать общество произвольныя преслѣдованія. Послѣдующая дѣятельность революціонеров стала для всѣх понятной. Еще выше поднялось уваженіе к Засулич, когда стало извѣстно, что ею не руководили ни личные интересы, ни личная месть, и что она дѣйствовала не по порученію какой-либо партіи, а выступила по своей личной инициативѣ, как мстительница за акт произвола. Этот выстрѣл, раздавшийся в такое возбужденное время, когда всѣ и без того были до крайности озлоблены на правительство, нашел широкій отголосок в обществѣ и произвел огромное впечатлѣніе, как протест, во имя человѣческаго достоинства против жестокости и притѣсненій.

На революціонеров этот процесс произвел опьяняющее дѣйствіе. Для них Вѣра Засулич стала героиней, „современной Шарлотой Кордэ", одобреніе, которое встрѣтил совершенный ею поступок, заставило исчезнуть много сомнѣній относительно даннаго средства борьбы, много старых „предразсудков" относительно убійства и вызвало цѣлый ряд их.

Послѣ бѣгства заграницу В. И. Засулич жила долго в Швейцаріи и принимала очень дѣятельное участіе в заграничном революціонном издательствѣ, принадлежала к образовавшейся там „Группѣ освобожденія труда" (Плеханов, Аксельрод, Засулич и др.). В 1905 году послѣ амнистіи 22 октября Вѣра Засулич вернулась в Россію.

Послѣ этого случая подобных дѣл не отдавали на суд присяжных. Правительство ссылало и без суда, в так называемую административную ссылку. Поэтому и начались вооруженныя сопротивленія при обысках и арестах.

Соціалистическая организація «Земля и Воля» выдѣляет из себя новую организацію, „Народную Волю", поставившею своею цѣлью вооруженную борьбу.

Сначала „народники" думали, что можно бороться мирными средствами, но потом они поняли, что только сила может идти против силы.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКІЕ АКТЫ.

Народовольцы организовали ряд покушеній.

Первым было покушеніе Соловьева на царя в апрѣлѣ 1879 года. В том же году хотѣли взорвать царскій поѣзд и сдѣлали ряд подкопов, но план не удался. Слѣдующее покушеніе было 5-го февраля 1880 г., когда был устроен во дворцѣ взрыв рабочим Халтуриным, проникшим во дворец под видом столяра. Народовольцев было немного, но их смѣлость произвела сильное впечатлѣніе. Правительство думало пойти на уступки. Был назначен Лорис-Меликов. Он хотѣл успокоить общество обѣщаніем реформ, а между тѣм, с другой стороны, продолжались казни. Были казнены, напр., Лозинскій и Розовскій, казнь которых описал Лев Толстой в запрещенной цензурой главѣ „Воскресенія". Розовскій, 17-лѣтній мальчик, погиб только за то, что не хотѣл сказать, кто ему дал найденныя у него прокламаціи.

Наконец, организовалось покушеніе 1-го марта 1881 г.

Всѣ вожаки заговора были казнены публично на Семеновском плацу. Это была послѣдняя публичная казнь в Россіи.

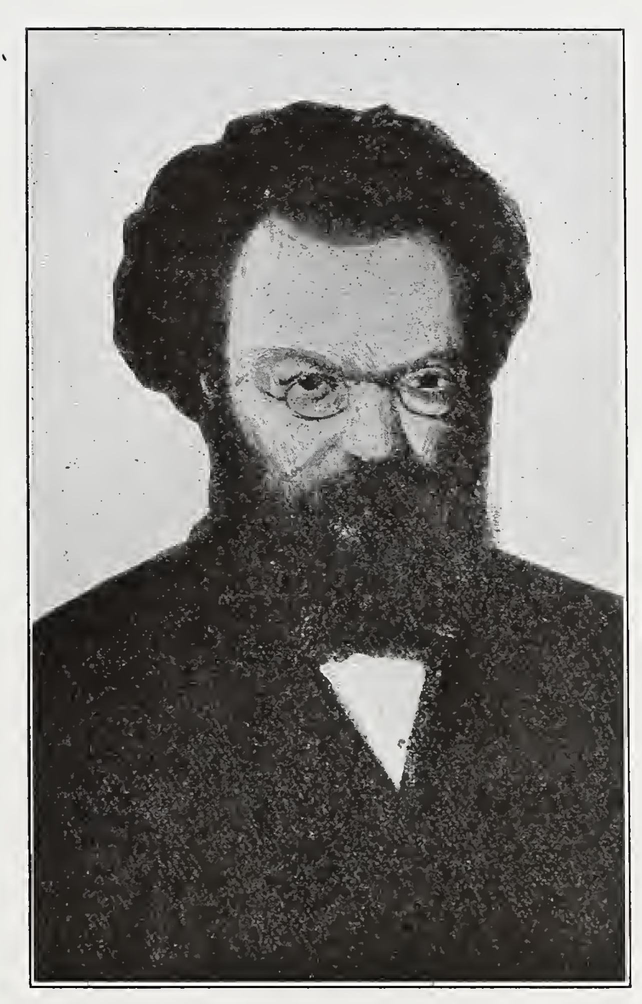
Тогда впервые погибла на эшафотѣ женщина, Софья Перовская. Тогда же погибли геніальный организатор Желябов, юноша Рысаков, рабочій Тимофей Михайлов, Кибальчич, техник-ученый, который дѣлал бомбы. Не была казнена только хозяйка квартиры революціонеров, Геся Гельфман, потому что она ждала ребенка, но ребенка от нея отобрали, как только он родился, а сама она умерла в тюрьмѣ.

Одним из послѣдних дѣл „Народной Воли" было еще убійство жестокаго одесскаго прокурора Стрѣльникова, за которое был повѣшен юный Желваков и извѣстный по взрыву в Зимнем дворцѣ Халтурин. Остальные народовольцы были заключены сначала в Алексѣевскій равелин Петропавловской крѣпости, а потом в Шлиссельбургскую крѣпость и даже там продолжали отстаивать себя, требуя свободы труда, общенія и научной дѣятельности. Среди них были: Морозов, Фроленко, Вѣра Фигнер, Людмила Волкенштейн, Поливанов и др.

Немногіе из них дожили до свободы, большинство умерло в крѣпости, нѣкоторые добровольно покончили с собой, не будучи в силах перенесть мученій от тюремщиков.

Вѣра Засулич.

Сергѣй Михайлович Кравчинскій.
(Степняк).

С. М. КРАВЧИНСКІЙ.

Кравчинскій, Сергѣй Михайлович, окончил курс в Александровском военном училищѣ в 1869 году и перешел в Михайловское Артиллерійское училище.

В молодости он усиленно работал над своим умственным развитіем, над теоретической подготовкой к революціонной дѣятельности. По окончаніи курса в Артиллерійском училищѣ, будучи произведен в офицеры, Кравчинскій уѣхал служить в какую то батарею, но уѣхал туда с твердым рѣшеніем бросить военную службу, и если пробыл на ней около года, то только для того, чтобы скопить немного денег из своего офицерскаго жалованья, затѣм вернулся в Петербург. Его никогда не могла удовлетворить систематическая, коллективная общественная дѣятельность, и он всегда стремился к единоличному, героическому участію в общественной борьбѣ. За границей он бросался во всѣ революціонныя предпріятія, участвовал в герцеговинском возстаніи, в одной итальянской революціонной экспедиціи, а незадолго до своей смерти высказывал желаніе ѣхать сражаться в возставшую турецкую Арменію.

В 1871 г., послѣ его выхода в отставку, он уже казался нѣсколько иным человѣком. Он жил тогда в Лѣсном Институтѣ, куда записался студентом, и хотя попрежнему был завален книгами и много читал, но уже менѣе походил на мрачнаго заговорщика, погруженнаго в свои собственные революціонные планы.

В кружкѣ Чайковцев, куда он вступил осенью 1871 г., он встрѣтил не мало выдающихся людей, к которым глубоко и искренно привязался.

Ко времени вступленія Кравчинскаго в кружок чайковцев, у послѣдняго уже были установлены сношенія с петербургскими рабочими, и Кравчинскій стал читать им лекціи по русской исторіи и политической экономіи. Заводскіе рабочіе тогда были много развитѣе фабричных.

Скоро нѣкоторые энергичные и дѣятельные петербургскіе рабочіе стали уходить в свои деревни для пропаганды, мотивируя свой уход необходимостью поднять крестьянскій народ, без котораго ничего нельзя сдѣлать.

Первым из кружка чайковцев, ушедшим в безпредѣльное и таинственно-заманчивое народное море, был Кравчинскій. Надо замѣтить, что такое рѣшеніе было в то время своего рода сожженіем кораблей, отреченіем от многаго очень привычнаго и дорогого, переходом к очень трудной и тяжелой роли. Только огромное революціонное одушевленіе, связанное с представленіем о завѣтных трудовых идеалах, скрытых в народных массах, дѣлало эту задачу выполнимой. Идти в народ значило тогда выйти из университета, бросить книги, разстаться с городской жизнью и надѣть на плечи сермягу, — а вмѣстѣ с нею войти цѣликом в шкуру чернорабочаго или фабричнаго.

К осени всѣ члены кружка снова съѣхались в Петербург; вернулся туда также и Кравчинскій, чтобы принять участіе в общих совѣщаніях.

Тогда же стали заводиться в Петербургѣ и др. мѣстах особыя интеллигентныя мастерскія — сапожныя, слесарныя, кузнечныя, для выработки пропагандистов и обученія их ремеслу.

Кравчинскій вмѣстѣ с Дмитріем Рогачевым ушли одни из первых, преобразовавшись на этот раз в пильщиков. Они уѣхали в Тверскую губернію, гдѣ стали странствовать по деревням, нанимаясь на работу и ведя революціонную пропаганду.

Скоро их арестовали и отправили с двумя сотскими в ближайшій уѣздный город. Вездѣ, гдѣ они останавливались по дорогѣ, они продолжали вести свою революціонную пропаганду; и вот под вліяніем этой пропаганды, во время ночевки в какой то деревнѣ, один парень отодвинул засов у двери деревенской каталажки, куда их заперли, и помог им таким образом бѣжать.

Спасшись на этот раз — и уже на всю жизнь — от русских тюрем, Кравчинскій поѣхал в Москву, а затѣм побывал в Одессѣ, гдѣ в первый раз встрѣтился с Рохловским; побывал он также в

Нижнем и в Казани, откуда пришел пѣшком, с обозом, снова в Москву, гдѣ собрались тогда уцѣлѣвшіе от петербургскаго погрома члены кружка чайковцев.

Послѣ цѣлаго ряда погромов и массовых арестов, которыми закончилось бурное лѣто 1874 г., немногіе оставшіеся еще на свободѣ члены кружка чайковцев почувствовали свое одиночество. Почувствовал его и Кравчинскій.

Между 1876 и 1878 годами Кравчинскій нѣсколько раз ѣздил заграницу и возвращался обратно в Россію. В 1876 году он попал в Герцеговину, гдѣ писал какія-то прокламаціи к возставшим славянам. В 1877 г. он близко сошелся с итальянскими соціалистами, особенно с Малатестой и Кафіеро, и присоединился к беневентинской вооруженной экспедиціи. Небольшой отряд вооруженных итальянских соціалистов овладѣл тогда одною или двумя деревенскими коммунами и учредили там временный соціалистическій порядок. Попытка эта имѣла, конечно, чисто демонстративное значеніе. Инсургенты были схвачены итальянскими властями и посажены в тюрьму, а в том числѣ и Кравчинскій. В тюрьмѣ он просидѣл до смерти Виктора-Эмануила, которая случилась в слѣдующем - же 1878 г. и повлекла за собой амнистію.

Весною 1878 г. Кравчинскій был уже в Петербургѣ. В Россіи возникла тогда знаменитая организація „Земля и Воля", положившая начало народовольческому движенію; одним из учредителем этой организаціи был Кравчинскій. Он перевез через границу часть типографіи и был одним из его редакторов. Наконец 4 авг. того же 1878 г. он, как извѣстно, выступил мстителем за погибших товарищей и убил шефа жандармов, генерала Мезенцева.

Поводом к этому убійству послужил приговор по процессу 193-х. В этом процессѣ судились всѣ арестованные в 1873 и 1874 г.г., по обвиненію в пропагандѣ среди рабочих и крестьян. Всѣх арестованных пропагандистов было тогда около 1000 человѣк, но из них суду было предано только 193. Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось около 4-х лѣт.

Между тѣм число погибших за эти 4 года в одиночном заключеніи от болѣзней, сумашествія и самоубійства доходило до 80 человѣк. Среди революціонеров стала даже возникать тогда теорія цѣлесообразности вооруженнаго сопротивленія при арестах: так велика казалась им вѣроятность умереть безплодно в тюрьмѣ даже при сравнительно ничтожных обвиненіях. С другой стороны, 4-х лѣтнія неистовства правительства принесли свои неизбѣжные результаты и рѣзко измѣнили настроеніе революціонной партіи. Начались насильственные революціонные акты и на югѣ Россіи, в Одессѣ, идея вооруженнаго сопротивленія нашла в это время свое первое практическое примѣненіе при арестѣ Ковальскаго.

Кравчинскій вышел на встрѣчу Мезенцеву во время его обычной утренней прогулки по Михайловской площади, в компаніи с полковником Макаровым, и нанес ему смертельный удар стилетом; затѣм он бросился в пролетку, запряженную тѣм самым Варваром, на котором уже спасся раньше Кропоткин, и был увезен товарищем-кучером Адріаном Михайловым; третій участник этого дѣла А. И. Баранников выстрѣлил в подп. Макарова, когда тот бросился вслѣд за Кравчинским. Спасшись удачно от преслѣдованія, он упорно желал остаться в Петербургѣ, несмотря на то, что в Петербургѣ много труда выпроводить его заграницу под каким-то нарочно сотогда была поставлена на ноги вся полиція. Товарищам стоило зданным предлогом.

Вся дальнѣйшая революціонная дѣятельность Кравчинскаго, в період его заграничной жизни, носила преимущественно литературный характер.

11-го (23-го) декабря 1895 г. Кравчинскій погиб совершенно неожиданно на 43-м году своей жизни; он жил на западных окраинах Лондона среди еще незастроенных пустырей. В роковой день он отправился на квартиру Волховскаго, по направленію к рельсовому пути, но, погруженный в какія-то думы и слишком поздно замѣтил налетѣвшій на него поѣзд. Его ударило в голову и смерть была мгновенна.

Е. К. БРЕШКОВСКАЯ.

Брешковская, Екатерина Константиновна (урожденная Вериго), дворянка Мглинскаго уѣзда, Черниговской губ., родилась в 1848 году. В 1873 году участвовала в так называемой „Кіевской Коммунѣ", жила как пропагандистка в народѣ. Брешковская была арестована в 1874 году, просидѣла в Петербургѣ почти 4 года до суда и была приговорена по знаменитому процессу 193-х к 4 годам каторги. На Карѣ она недолго пробыла и с мая 79 года водворена на поселеніе в Забайкальской области.

Лѣтом 1881 года по Сибири прошла сенсаціонная вѣсть о замѣчательном побѣгѣ из Баргузина Брешковской, Тютчева, Линева и Шамарина. Бѣглецы двигались вперед, преодолѣвая невѣроятныя трудности: им приходилось перебираться через горныя рѣчки вброд, взбираться и спускаться по крутым скалам, прорубать себѣ тропинки в первобытной чащѣ. Погоня однако скоро настигла их и арестовала всѣх. Брешковская, как поселка, была вторично осуждена на 5 лѣт каторги приговором баргузинскаго полиц. управленія. С 3 іюня 1884 года она снова вышла на поселеніе в Заб. обл.; жила долго в Читѣ, гдѣ имѣла большое вліяніе на молодежь. С 3 іюня 1898 года жила в Россіи под надзором; скрылась скоро из Минска и переѣхала заграницу. В Америкѣ она прочитала ряд лекцій о сибирской ссылкѣ и собрала при этом значительныя суммы на революціонное дѣло. Необыкновенно энергичная, она умѣла об'единять и сплачивать разрозненные элементы революціи. Ея организаторской дѣятельности не мало обязано возрожденіе партіи соц. революціонеров в началѣ 90-х годов.

Богданович, Юрій Николаевич, дворянин Псковской губерніи, родился в 1850 г. По окончаніи курса в землемѣрно-таксаторских классах в г. Псковѣ, Б. вступил в 1869 г. на службу, в качествѣ землемѣра. В 1871 году был вольнослушателем Медико-Хирургической Академіи, откуда вышел вслѣдствіе требованій революціоннаго дѣла. В 1874 г., во время голода в Самарской губ., Богданович обошел голодавшія мѣстности и под впечатлѣніем видѣнных им бѣдствій рѣшил посвятить себя народному дѣлу.

Для того, чтобы стать ближе к народу, он в теченіи 1874 года изучал кузнечное мастерство в кузницѣ, устроенной братом его, и затѣм дважды принимал участіе в съѣздах представителей революціоннаго движенія, происходивших в Москвѣ и в Петербургѣ. Для осуществленія выработанной на послѣднем из означенных с'ѣздов, так называемой „народнической программы", Богданович ѣздил в Самару и Саратов и в 1879 г. вернулся в Петербург, но послѣ покушенія Соловьева, боясь ареста, уѣхал в провинцію и возвратился в Петербург лишь осенью того же года. Здѣсь он узнал о новой программѣ, принятой на липецком с'ѣздѣ. В 1880 году, получив приглашеніе „исполнительнаго комитета" принять участіе в приготовленіи к цареубійству, Богданович поселился в домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, гдѣ под именем крестьянина Кобозева, нанял сырную лавку, из которой был выведен подкоп под полотно улицы".

Послѣ 1-го марта, вслѣдствіе разгрома партіи «Н. Воли», рѣшили заняться широкой организаціей побѣгов из Сбири. Лѣтом 1881 года Богланович вмѣстѣ с Иваном Калюжиным проѣхал Сибирь до Канска и завязал обширныя сношенія, но, вернувшись назад, был арестован в Москвѣ 10 марта 1882 года. Через год он вмѣстѣ с Грачевским, Савеліем Златопольским, Буцевичем, Клименко и Теланловым были приговорены по дѣлу 17-ти к смертной казни. Приговор особаго присутствія сената состоялся 3—5 апр. 1883 года, но только через 7 недѣль — 28 мая осужденным было об'явлено о их помилованіи и о замѣнѣ смертной казни безсрочной каторгой. Богданович, Златопольскій и Грачевскій были переведены в Алексѣевскій равелин, а оттуда в августѣ 1884 г. в Шлиссельбургскій Крѣпость. Ю. Н. Богданович умер в Шл. Кр. от чахотки в концѣ іюля 1888 года.

Л. А. ВОЛКЕНШТЕЙ.

Волкенштейн, Людмила Александровна, урожденная Александрова, родилась в Кіевѣ 18 сентября 1867 года, в богатой дворянской семьѣ; отец ея был военным в отставкѣ. По смерти отца, мать Л. А. увлекшись строительной горячкой и спекуляціей на дома, раззорилась. Л. А. училась в Кіевской женской гимназіи, но срѣзавшись на экзаменѣ в одном из старших классов, бросила гимназію, не получив диплома.

Вскорѣ послѣ этого она вышла замуж за студента Александра Ал. Волкенштейна, причастнаго в это время немного к дѣятельности кіевских пропагандистов. Он даже попал в число обвиняемых по процессу 193-х, но был оправдан и впослѣдствіи совершенно отдалился от революціонных дѣл.

В декабрѣ 1878 года по инициативѣ Гр. Гольденберга в кіевском кружкѣ обсуждалась мысль об убійствѣ харьковскаго губернатора Крапоткина, виновника тяжелых условій заключенія политических каторжан в двух централках Харьковской губ. и избіеніе студентов в Харьковѣ. Принять косвенное участіе в этом анктѣ согласились: Зубковскій и Л. А. Волкенштейн, которые и устроили в Харьковѣ конспиративную квартиру в половинѣ январѣ 1879 года.

Крапоткин был смертельно ранен Гольденбергом 9 февраля, и сейчас же послѣ этого конспиративная квартира была ликвидирована и Волкенштейн вернулась обратно в Кіев. Собственно этим люціонном движеніи. В том же 1879 г., осенье, она уѣхала загра-единственным случаем и ограничилось ея близкое участіе в рево ницу и вернулась оттуда в августѣ 1883 года, но почему то полиція обратила вниманіе на ея болгарскій паспорт, и в октябрѣ ее арестовали. Ее предали суду и присоединили к дѣлу Фигнер и др., хотя обвиненіе против нея ничѣм не было связано с дѣлами других участников этого процесса.

Несмотря на сравнительную незначительность обвиненія суд приговорил ее наравнѣ с В. Н. Фигнер и 6 другими к смертной казни, которая впрочем была замѣнена 15-ти лѣтней каторгой. При перевозкѣ в Шлиссельбургскую крѣпость Л. А. были надѣты наручники.

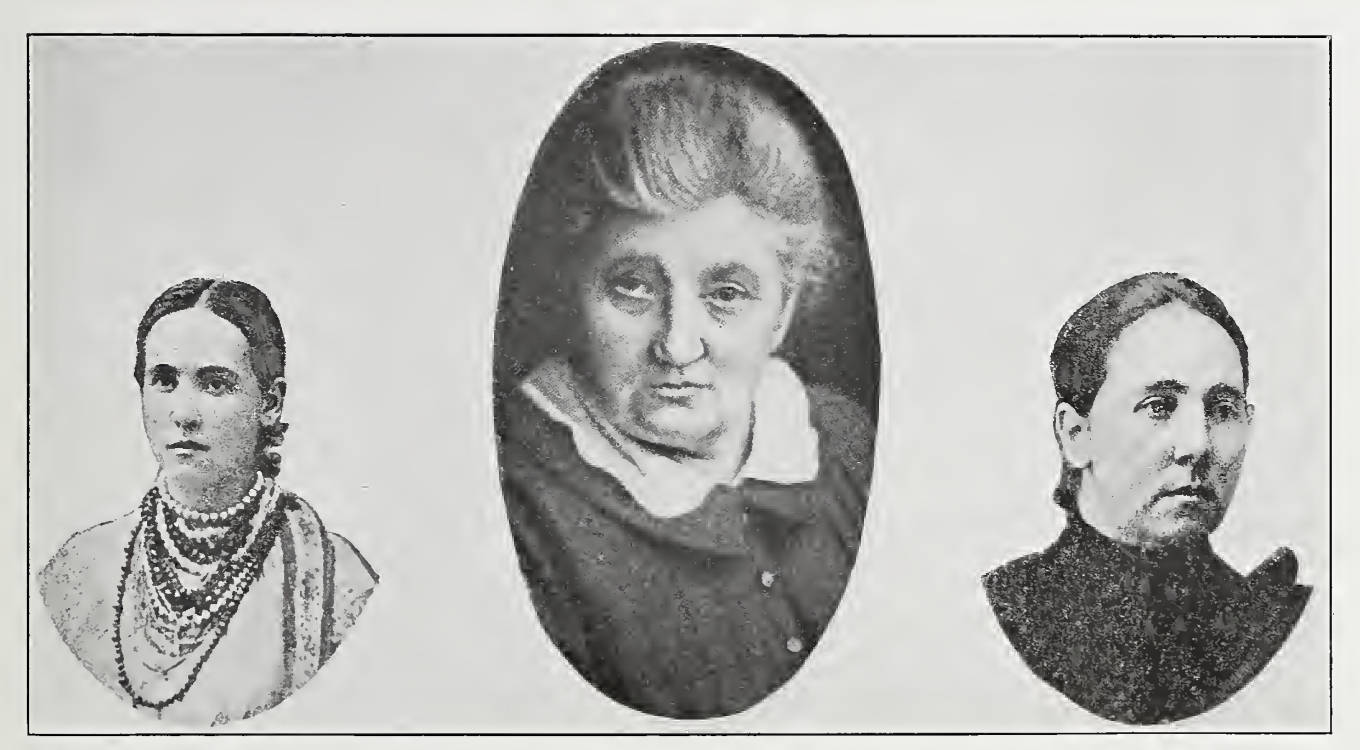
Тринадцать лѣт прожила Л. А. в Шлисс. Кр. и не смотря на всю тяжесть заключенія, на массу пережитаго горя за себя и еще больше за других, она вышла оттуда в ноябрѣ 1906 года, по коронаціонному манифесту, совершенно здоровой.

Вѣроятно за постоянную репутацію „бунтарьки" у Департамента полиціи ее назначили на Сахалин, а так как пароход туда из Одессы уходил только весной, то часть зимы ее продержали в Петропавловской крѣпости в тяжелом одиночном режимѣ.

На Сахалинѣ Л. А. пробыла лѣт 5. Туда вскорѣ пріѣхал к ней ея муж доктор, занявшій мѣсто окружного врача Корсаковскаго округа, и сын студент естественнаго фак. В 1902 году Л. А. переселилась с мужем в Владивосток.

Когда послѣ октябрьскаго манифеста и военнаго погрома в Владивостокѣ настал революціонный період, сопровождавшійся полным отпаденіем войск от правительства, Л. А. Волкенштейн, ходившая, как и все мѣстное общество, на всѣ митинги, попыталась в роковой день 10 января 1906 года уговаривать публику не ходить к коменданту Селиванову, но рѣчь ея встрѣтила рѣзкій отпор всей возбужденной массы народа, участвовавшей в митингѣ.

Но когда вся толпа пошла, и она не отстала от толпы. Она шла рядом с мужем и со своей хорошей знакомой с Сахалина—Семевской. Шальная пуля пулемета попала ей в лоб и убила на мѣстѣ.

Л. Волкенштейн (в молодости), Екатерина Брешковская. Людмила Волкенштейн.

ГЛАВА VII.

УБІЙСТВО АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО.

Еще с осени 1880 года, в виду неудач предшествующих покушеній на царя, Исполнительный Комитет организовал спеціальную комиссію из техников, для выработки наиболѣе вѣрных планов цареубійства. В этой комиссіи принимал участіе Кибальчич, Исаев, Грачевскій, Суханов и др.

Большинство комиссіи, как и большинство членов Исполнительнаго Комитета, стояли за подкоп под одну из петербургских улиц, по которой царь имѣл обыкновеніе проѣзжать. На этой идеѣ остановились.

В концѣ декабря 1880 г. на Малой Садовой была нанята сырая лавка. За рытье подкопа, кромѣ Юрія Богдановича и Якимовой, бывших хозяев сырной лавки, принялись, Гриневицкій, Колоткевич, Баранников, Желябов, Саблин, Ланганс, Грачевскій Фроленко, Суханов, Кибальчич и др. В технической комиссіи, а еще болѣе в средѣ самого Исполнительнаго Комитета, раздавались голоса за совершеніе покушеній с помощью метательных снарядов.

К концу февраля 1881 г., партія понесла крупныя потери. Были арестованы Колоткевич, Баранников, Клѣточников, Морозов. До правительства дошло извѣстіе о готовящемся подкопѣ под какую то улицу, о проектах народовольцев напасть на царя с бомбами.

Исполнительный Комитет стал торопиться с приготовленіями к цареубійству. Для этого с 20 февраля устроили спеціальную конспиративную квартиру на Тѣлежной улицѣ; ея хозяева были Саблин и Геся Гельфман.

На этой квартирѣ Кибальчич читал «лекціи» метальщикам, между ними Гриневицкому и Рысакову, о метательных снарядах, их устройствѣ, силѣ дѣйствія, условіях, при которых они должны разрываться и т. д.

26-го февраля, в четверг, на квартиру Гриневицкаго собрались Желябов, Перовская, Рысаков, Т. Михайлов. Это было одно из послѣдних собраній для обсужденія предстоящаго через нѣсколько дней нападенія на царя.

В воскресенье, 1-го марта, рано утром, на конспиративную квартиру Саблина и Гельфман явились метальщики: Гриневицкій, Рысаков, Т. Михайлов, Емельянов. Послѣ них пришла Перовская и принесла с собою два снаряда, завязанных в узелок. Она сообщила об арестѣ Желябова и сказала, что, несмотря на работу в теченіе всей ночи, не успѣли приготовить «предположеннаго прежде количества снарядов".

Вскорѣ пришел Кибальчич и принес еще два дополнительных снаряда. Затѣм пришла Вѣра Фигнер.

Перовская об'яснила своим товарищам по дѣлу, план нападенія на царя. Если не для Гриневецкаго и Саблина, то для Рысакова было новостью извѣстіе о подконѣ. Перовская сказала, что на Малой Садовой (Богданович, Якимова) ,,уже ждут царя". Она указала, гдѣ должны стать метальщики, условилась с ними в сигналах.

К 12 часам Рысаков и Емельянов должны были стоять на углу Невской и Малой Садовой, а Михайлов и Гриневицкій — на противоположном концѣ этой улицы.

Было рѣшено: если царь поѣдет по Малой Садовой, то взорвать его посредством мины, заложенной под этой улицей; в случаѣ же, если не произойдет взрыва мины, или если взрыв не вполнѣ достигнет своей цѣли, тогда метальщики, стоявшіе на обѣих концах улицы, должны были поспѣшить к мѣсту дѣйствія и покончить с царем бомбами.

Перовская поставила Гриневицкаго в концѣ Малой Садовой, как наиболѣе опытнаго и выработаннаго революціонера, который,

в случаѣ если бы взрыв мины не произошел почему-либо, должен был взять на себя иниціативу покушенія и тѣм дать другим метальщикам сигнал для дальнѣйшаго нападенія на царя.

В 12½ часа Александр II измѣнил свой обычный путь в манеж через Малую Садовую и поѣхал по пустым улицам, куда полиція не успѣла еще стянуть весь, обычный в таких случаях, состав сыщиков.

Когда Перовская узнала, что царь благополучно проѣхал уже в манеж, минуя Малую Садовую, она условленным сигналом дала метальщикам знать, что надо идти на Екатерининскій канал и там снова ждать проѣзда царя.

Александр II с часа до двух занимался смотром своей гвардіи, а затѣм, побывавши в Михайловском дворцѣ, поѣхал домой по Екатерининскому каналу, но.... тут его ждал Гриневицкій с товарищами.

Прежде чѣм отправиться на канал, Перовская, Рысаков и Гриневицкій сидѣли в кондитерской Андреева, помѣщавшейся на Невском против Гостиннаго двора и ждали момента, когда пора будет выходить. Один только Гриневицкій мог спокойно съѣсть поданную ему порцію. Из кондитерской они вышли врозь и опять встрѣтились на каналѣ.

Перовская, для которой не достало снаряда, осталась на улицѣ для того, чтобы слѣдить за ходом всего дѣла. Она прошла по Екатерининскому каналу, осмотрѣла, какія позиціи заняли метальщики, и молча, условленными знаками, дала им послѣднія указанія. Потом через Казанскій мост она перешла на другую сторону Екатерининскаго канала и оттуда, с замираньем сердца, смотрѣла в том направленіи, гдѣ стояли Гриневицкій и его товарищи. Александр II скоро поровнялся с первым метальщиком — Рысаковым. Шагах в 30 от него стоял, прислонившись к рѣшеткѣ канала Гриневицкій, а недалеко от Гриневицкаго — Емельянов.

Было 2 ч. 15 мин., когда Рысаков бросил бомбу под ноги лошадей царскаго экипажа. Бомба разорвалась. Казак, сидѣвшій на козлах, конвойный, один прохожій упали, тяжело и смертельно раненные. Карета была во многих мѣстах превращена в щепки. Александр II уцѣлѣл. Он вышел из кареты и прежде всего спросил: „схвачен ли преступник?".

В сторонѣ, казаки и полицейскіе уже держали Рысакова и из кармана его вынули револьвер и кинжал.

— „Слава Богу, я уцѣлѣл", сказал Александр II одному из казаков.

— „Не знаю, слава ли еще Богу!" отвѣтил ему Рысаков.

Рысаков видѣл, как с разных сторон приближаются к Александру II другіе метальщики, и впереди их Гриневицкій, а там, за каналом, стоит с своими друзьями Софья Перовская.

Александр II нѣсколько отдалился от окружавшей его толпы и пошел было вперед, к саням... Но тут, на встрѣчу к нему, приближался Гриневицкій. Он в трех шагах поднял бомбу и изо всей силы бросил ее о землю между собой и царем...

Раздался новый оглушительный удар. В воздухѣ поднялись клубы дыма, снѣг, клочья платья... Нѣсколько мгновеній нельзя было ничего разсмотрѣть.

Когда дым разсѣялся, увидѣли такую картину.

На землѣ лежало много раненых. Прислонившись спиной к рѣшеткѣ канала, упершись руками в панель, без шинели и без фуражки, полусидѣл Александр II... Он был весь в крови и с трудом дышал... Ноги его были раздроблены, кровь сильно струилась с них, тѣло висѣло кусками, лицо было в крови....

На мѣстѣ взрыва лежал смертельно раненым и Гриневицкій. Его, вмѣстѣ с другими ранеными, отнесли в ближайшій придворный госпиталь.

Имя Гриневицкаго правительство узнало уже послѣ того, как кончился процесс по дѣлу 1-го марта...

Послѣ страшных мученій Гриневицкій умер в 10½ часов вечера 1-го марта 1881 года. Нѣсколько раньше его — в 3 ч. 35 м. — умер Александр II.

Скоро над арестованными цареубійцами состоялся суд....

3-го апрѣля, в 9 ч. 30 м. утра, на Семеновскому плацу, при громадном стеченіи народа, Желябов, Перовская, Кибальчич, Рысаков и Михайлов были повѣшены!....

Тимофей Михайлов. Николай Рысаков. Николай Кибальчич.

Н. Саблин Грачевскій. Игнатій Гриневицкій. Геся Гельфман. Суханов.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ.

Краткія біографическія свѣдѣнія в хронологическомъ порядкѣ их процессов.

Долгушин — в 1874 году осужден на 10 лѣт каторги. Бѣжал из каторги и дал пощечину смотрителю тюрьмы, когда стали бить политических. За это ему прибавили 15 лѣт каторги.

Ширяев, Степан Григорьевич, народоволец, член Липецкаго с'ѣзда, участник подкопа под Московско-Курскую жел. дор., арестован в декабрѣ 1879 г., осужден в ноябрѣ 1880 г., по процессу 16-ти народовольцев. В 82 г. он положил на стол всѣ свои книги и бросился изо всѣх сил вниз головой об пол. Смерть его была моментальна.

Терентьева, Людмила, ар. 2 мая 1881 г. Работала в типографіи партіи Народной Воли. Осуждена в 1882 г. по народовольческому процессу. В том же году ее случайно отравили в Трубецком бастіонѣ.

Баранников, Александр Иванович, народоволец, участник в покушеніи на жизнь Мезенцева, выстрѣлом своим в жандармскаго полковника помогшій скрыться Степняку-Кравчинскому; член Липецкаго с'ѣзда, ар. в январѣ 1881 г., осужден в февралѣ 1882 г. по процессу 21-го. Умер от чахотки 8 августа 1883 г.

В своем послѣднем письмѣ из тюрьмы он пишет:

«...С глубокой вѣрой в свое святое дѣло, с твердым убѣжденіем в его торжество, с полным сознаніем, что по мѣрѣ слабых своих сил служил ему, схожу со сцены.

«Вы переживаете великую минуту; воспользуйтесь же всѣми ея послѣдствіями. Власть правительства опирается на меньшее число искренних преверженцев. Оно успѣло возбудить ненависть во всѣх. Еще одно усиліе — и оно перестанет существовать.

«Готовы ли вы? Обладаете ли вы достаточными силами? Помните, что **тогда выступят на сцену права народа распоряжаться своими судьбами....**

Тетерка, Макар, ар. в 81 г., осужден по народовольческому процессу в 82 г. В ноябрѣ 79 г. вмѣстѣ с Желябовым участвовал под Александровском в покушеніи на жизнь Александра. Кромѣ того, был хозяином конспиративной квартиры, гдѣ печаталась «Рабочая Газета».

Теллалов, Петр Абрамович, один из очень извѣстных народовольцев, ар. в декабрѣ 1881 г., осужден по процессу 17-ти в 1883 г. Умер в Алексѣевском равелинѣ в 84 г., 30 лѣт.

Клѣточников, Николай Васильевич, служившій чиновником в III отдѣленіи и передававшій свѣдѣнія о дѣятельности III отд. Исполнительному Комитету Народной Воли. Судился по народовольческому процессу 1882 г. Умер в 1883 г.

Ланганс Мартын, народоволец; арестован в 1881 г., осужден по народовольческому процессу в 1882 г. Извѣстный пропагандист в началѣ 70-ых гг., участник процесса 193-х и потом член партіи Народной Воли, один из участников подкопа под Малой Садовой. Умер в 84 году.

Колоткевич, Николай Николаевич, участник одесскаго покушенія на жизнь Александра II в 79 г. и один из инціаторов военной организаціи партіи Народной Воли, ар. 26 янв. 81 г., судился по народовольческому процессу в 82 г. Умер в 84 г.

Михайлов Александр Дмитріевич, член партіи Народной Воли, участник Липецкаго с'ѣзда, один из дѣятельных организаторов покушенія на жизнь Мезенцева, участник в дѣлѣ Соловьева, в московском подкопѣ 79 г., арестован 28 ноября 1880 г., судился по народовольческому процессу 1882 г. На судѣ произнес замѣчательную рѣчь. Умер в 84 г. но неизвѣстно гдѣ, по нѣкоторым свѣдѣніям, в Алексѣевском равелинѣ.

Оболешин арестован в 1878 г., судился по процессу Веймара в 80 г. под фамиліей «Сабурова», осужден на вѣчныя каторжныя работы. Куда он дѣлся неизвѣстно. Он был одним из дѣятельных организаторов «Земли и Воли».

Неизвѣстно, куда пропал **Шевич**, сидѣвшій в Алексѣевском равелинѣ вмѣстѣ с Нечаевым.

По процессу 193-х осужден **Мышкин Ипполит**, арестованн. в 1875 г. в Якутской области при попыткѣ освободить Чернышевскаго. На судѣ произнес свою знаменитую рѣчь. Был осужден на 10 лѣт каторжных работ. Сидѣл с 1878-80 г. в одной из центральных тюрем в Харьковской губ. В 1881 г., когда его перевозили на Кару, он в Иркутскѣ при похоронах Дмоховскаго произнес надгробную рѣчь, и за нее ему прибавили административным порядком еще 15 лѣт каторжных работ. — Послѣ неудачнаго побѣга его перевели с Кары в Алексѣевскій равелин, а оттуда в Шлиссельбургскую крѣпость. 24 декабря 1884 г. он дал пощечину доктору, и в началѣ 85 г. его казнили.

В 1887 г. арестован **Малавскій** Владимір, за организацію возстанія в Чигиринском уѣздѣ. Кіевской соединенной палатой осужден на поселеніе. Послѣ кассаціи приговора ему было назначено 20 лѣт каторги. За побѣг из Красноярской тюрьмы Малавскому прибавили нѣсколько лѣт каторги. — Умер он весной 1885 г. от чахотки в Шлиссельбургской крѣпости.

В 1879 г. арестован **Минаков**, Евгеній Иванович, осужден в том же году одесским военным судом на каторжныя работы за покушеніе на убійство шпіона Гоштофта. В 1883 г. его перевезли с Кары в Алексѣевскій равелин, в 84 г. в Шлиссельбургскую крѣпость. Разстрѣлян в Шлиссельбургской крѣпости в 1884 г. 6 сентября.

В 1880 г. судился в Одессѣ **Геллис**, Меер, арестованный в 1879 г. во время тотлебенскаго генерал-губернаторства за разбрасываніе прокламацій; в 1880 г. приговорен к каторжным работам. В 1882 г. без всяких причин был переведен с Кары в Алексѣевскій равелин, а потом в Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умер в 1886 г.

В 1880 г. по кіевскому процессу военно-окружным судом осуждены **Юрковскій, Игнатій Иванов, Д. Буцинскій, М. Попов, М. Клименко**, и другіе. (Клименко в 1881 г. бѣжал из Сибири и снова судился в 1883 г. — см. ниже).

Юрковскій, Өеодор Николаевич, обвинялся в участіи в подкопѣ под Херсонское казначейство в 1879 г. Арестован в 1880 г. и тогда же осужден на каторгу на 15 лѣт. За побѣг ему было еще прибавлено, — всего ему приходилось сидѣть 35 лѣт. Умер 5 сентября 1896 г., 46 лѣт.

Иванов, Игнатій Кириллович, арестован в Кіевѣ в 1879 г. по динамитному дѣлу, в тюрьмѣ послѣ суда сошел с ума. Был помѣщен в Казанскій дом умалишеных и еще больным перевезен в Шлиссельбургскую крѣпость. Там умер в 1885 г., 28 лѣт.

Попов, Михаил Родіонович, арестован в Кіевѣ в 1879 г. по дѣлу той же динамитной мастерской. Осужден в каторжныя работы. В 1882 г. переведен с Кары.

Михаил Попов. Мартын Ланганс. Николай Морозов.

Буцинскій, Димитрій Тимофеевич, арестован в 1879 г., осужден в каторжныя работы на 20 лѣт за участіе в заговорѣ убить харьковскаго губернатора князя Кропоткина. В 1882 г. перевезен с Кары. Умер в 1891 г., 37 лѣт.

В том же 1880 г. по народовольческому процессу 16-ти в ноябрѣ 1880 г. осуждены **Кобылянскій, Ширяев** и др.

Кобылянскій, Людвиг Александрович, арестован в августѣ 1879 г., осужден в 1880 г. по обвиненію в участіи в убійствѣ князя Кропоткина. В 1882 переведен с Кары в Петропавловскую крѣпость. Умер в 1886 в Шлиссельбургской крѣпости.

В 1881 г. по Кіевскому процессу осужден **Щедрин,** Николай, арестованный в Кіевѣ в январѣ 1881 г., приговорен военно-окружным судом к безсрочным каторжным работам за участіе в «Южно-русском рабочем союзѣ». Когда он был в Иркутской тюрьмѣ, при нем смотритель оскорбил политических женщин. Щедрин за это дал ему пощечину. Его судили, приговорили к смертной казни, но отмѣнили ее. В 1882 году увезли с Кары; в 1886 г. сошел с ума, но только в 1896 г. переведен в Казань в дом умалишенных.

В 1878 г. по процессу 193-х осужден **Мышкин, Ипполит Никитич,** извѣстный пропагандист в началѣ 70-х гг., арестованный в 1875

В 1882 г. по народовольческому процессу 20-ти также осуждены: **Тригони, Исаев, Фроленко, Морозов, Арончик, Якимова и Лебедева.**

Тригони, Михаил Николаевич, арестован 27 февраля 1881 г. У него на квертирѣ был взят Желябав. Обвинялся в участіи в подкопѣ под Малой Садовой и как видный дѣятель Народной Воли. Сослан на 20 лѣт в каторжныя работы. Переведен из Алексѣевскаго равелина в Шлиссельбургскую крѣпость в 1884 г.

Морозов, Николай Александрович, участвовал в хожденіи в народ в 1873—75 г.г., был арестован, просидѣл около 3 лѣт в тюрьмѣ, по процессу 193-х оправдан. Был членом «Земли Воли» и редактором «Листков Земли и Воли», а потом одним из видных дѣятелей партіи Народной Воли. Участвовал в московском подкопѣ, был одним из редакторов Народной Воли. Арестован в февралѣ 1881 г., осужден в 1882 г. Сослан в каторжныя работы без срока, в 1884 г. переведен из Алексѣевскаго ревелина в Шлиссельбургскую крѣпость.

Фроленко, Михаил, член Липецкаго с'ѣзда, участвовал в 1878 г. под видом ключника тюрьмы в устройствѣ побѣга из кіевской тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго. В 1879 г. участвовал в покушеніи на жизнь Александра II в устройствѣ подкопа на Одесской жел. дор., в качествѣ стрѣлочника. Видный дѣятель партіи Народной Воли, арестован в мартѣ 1881 г., осужден на каторжныя работы без срока. В 1884 г. переведен в Шлиссельбургскую крѣпость из Алексѣевскаго равелина.

Исаев, Григорій, видный дѣятель партіи Народной Воли, участвовал в качествѣ техника в устройствѣ московскаго подкопа и взрыва Зимняго дворца, устроил динамитную мастерскую. Арестован 1 апрѣля 1881 г., обвинялся, между прочим, по дѣлу 1-го марта 1881 г., осужден в 1882 г. на вѣчныя каторжныя работы. В 1884 г. переведен из Алексѣевскаго равелина в Шлиссельбургскую крѣпость. Умер в 1886 г.

Арончик, Айзик, обвинялся в принадлежности к партіи Народной Воли, в участіи в московском подкопѣ в 1879 г., в сношеніи в 1880 г. с Петропавловской крѣпостью и т. д. Арестован в 1881 г., осужден в 1882 г. Нѣсколько послѣдних лѣт пролежал в параличѣ в состояніи полнаго психическаго разстройства. В 1884 г. переведен из Алексѣевскаго равелина в Шлиссельбургскую крѣпость. Умер в 1888 г.

НАРОДОВОЛЬЧЕСКІЙ ПРОЦЕСС 17-ТИ.

Грачевскій, Михаил Федорович, привлекался ранѣе по процессу 193-х, сослан в Архангельскую губернію, откуда бѣжал. Был видным дѣятелем и техником партіи Нар. Воли, хозяином ея типографіи и организатором динамитной мастерской, участвовал в дѣлѣ 1-го марта 1881 г. Арестован в 1882 г., осужден в 1883 г. к вѣчной каторгѣ. В 1887 г., 37 лѣт, сжег себя в Шлиссельбургской крѣпости.

Богданович, Юрій Николаевич. (См. стр. 77).

Златопольскій, Савелій Соломонович, обвинялся в принадлежности к организаціи Нар. Воли, осужден в 1883 г. к безсрочной каторгѣ. Умер в Шлиссельбургской крѣпости от скоротечной чахотки.

Клименко Михаил по процессу Юрковскаго был сослан в Сибирь в 1880 г., оттуда скоро бѣжал. Арестован в 1882 г., судился за участіе с Вѣрой Фигнер и Халтуриным и Желваковым в убійствѣ прокурора Стрѣльникова. Осужден на вѣчную каторгу. В 1884 году повѣсился в Шлиссельбургской крѣпости.

Буцевич, Алексѣй Викентьевич, офицер, арестован в 1882 г. за сношеніе с членами Нар. Воли. Осужден к безсрочной каторгѣ. Умер 34 лѣт, от чахотки в Шлиссельбургской крѣпости.

Рогачев, Николай Михайлович (См. стр. 65).

НАРОДОВОЛЬЧЕСКІЙ ПРОЦЕСС 14-ТИ.

Фигнер (Филиппова), Вѣра Николаевна, участвовала в партіи «Земля и Воля», в одесском покушеніи 1879 г., в дѣлѣ 1-го марта 1881 г., в убійствѣ Стрѣльникова в 1882 г. и в военной организаціи партіи Нар. Воли. Осуждена в 1884 г. к безсрочной каторгѣ.

Ашенбренер, Михаил Юльевич, подполковник, осужден за участіе в военной революц. организаціи на безсрочную каторгу. По манифесту 1896 г. ее замѣнили 20 годами каторги.

Волкенштейн Людмила, урожд. Александрова (См. стр. 78).

Похитонов Николай, штабс-капитан, осужден на безсрочную каторгу. Сошел с ума в 1895 г.

Штромберг барон, Александр Павлович, лейтенант флота, в 1881 г. сослан в Вост. Сибирь, откуда, по доносу Дегаева, вернули в 1883 г. в Петербург для новаго дѣла. За принадлежность к военной организаціи повѣшен.

Ювачев Иван, прапорщик, осужден на 15 лѣт каторги. Сошел с ума и в 1887 г. выпущен из Шлиссельбургской крѣпости.

Тиханович Александр, подпоручик, будучи на караулѣ, освободил из Кіевск. тюрьмы политическаго Иванова. Приговорен к безсрочной каторгѣ. Уже во время суда был не нормален. В Алексѣевском равелинѣ сошел с ума и все таки переведен в Шлиссельбургскую крѣпость.

Иванов Василій за пропаганду среди рабочих, принадлежащих к партіи Нар. Воли и за побѣг из Кіевской тюрьмы осужден на вѣчную каторгу. По манифесту ему назначено 20 лѣт каторги.

Немоловскій Аппполон за участіе в типографіи «Нар. Воли» осужден на 20 лѣт каторги. Умер 27 лѣт в Шлиссельбургской крѣпости

Суровцев Дмитрій в 1878 г. за пропаганду выслан в Холмогоры, оттуда бѣжал. В 1882 г. за устройство типографіи Нар. Воли присужден к каторгѣ на 15 лѣт.

Караулов Василій за участіе в партіи «Нар. Воля приговорен к 4-лѣтней каторгѣ. В 1888 г. освобожден и сослан в Енисейск. губ.

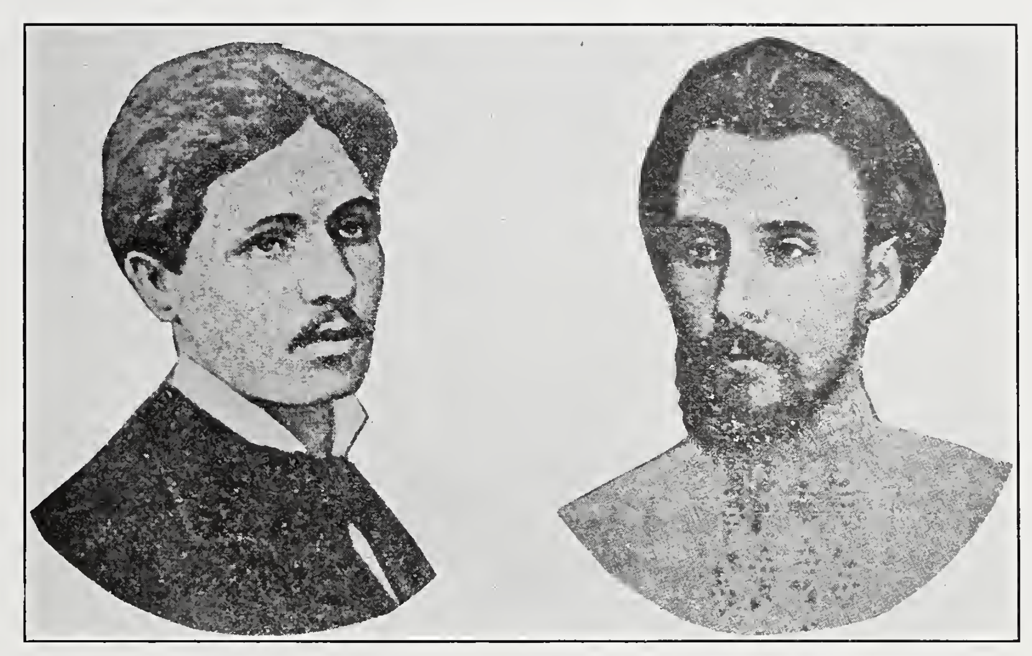
Шебалин Михаил за устройство типографіи «Нар. Воли в Кіевѣ приговорен к каторгѣ. В 1896 году освобожден и выслан в Якутскую область.

Мартынов, рабочій, под именем Борисевич, за вооруженное сопротивленіе присужден к каторгѣ на 15 лѣт.

Панкратов, Василій, рабочій, за вооруженное сопротивленіе и принадлежность к Нар. Волѣ, приговорен к 15 годам каторги. Освобожден в 1897 г. и выслан в Якутскую область.

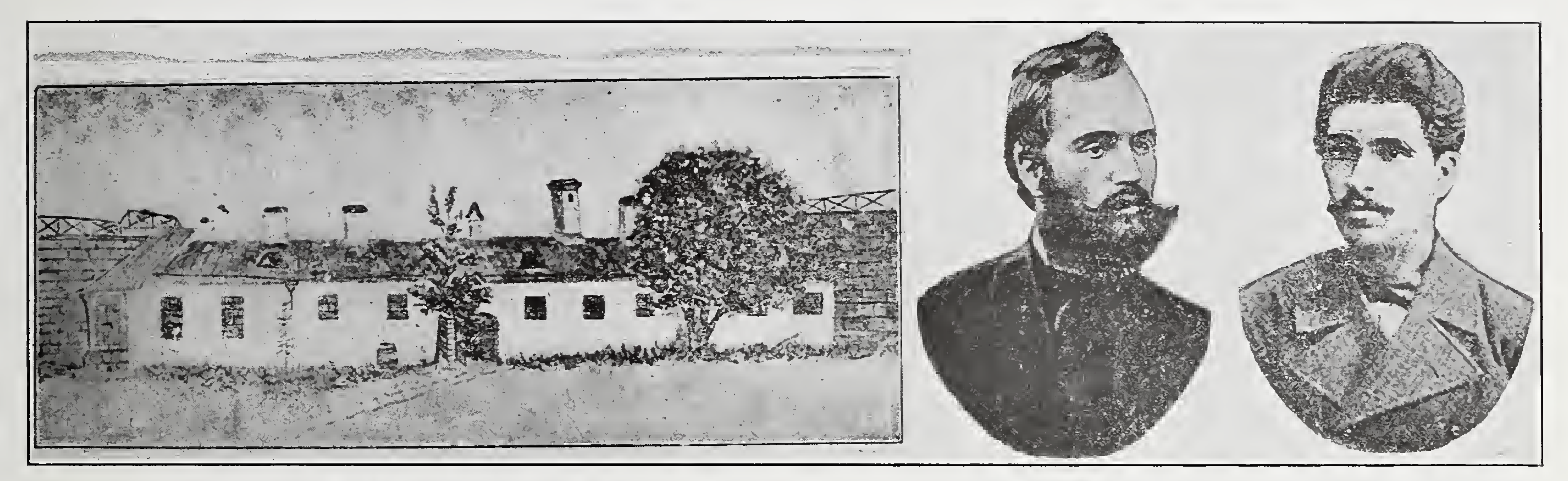
Манучаров Иван, бывшій студент, по дѣлу чернопередѣльческой типографіи приговорен на 10 лѣт к каторгѣ. В 1895 г. перевезен на Сахалин.

Без суда в 1885 г. Логовской Михаил, бывшій офицер, заключен в Шлиссельбургскую крѣпость. В 1883 г. сослан в Сибирь на 4 года. В 1883 г. будучи в ссылкѣ, сорвал погоны у конвойнаго офицера. Он скрылся из мѣста ссылки, но в 1884 году опять задержан в Петербургѣ. Его посадили на 5 лѣт в Шлиссельбургскую крѣпость, а по окончаніи срока, ему прибавили еще 5 лѣт. Наконец, в 1895 г. он был сослан в Степное генерал-губернаторство.

Андрей Прѣсняков. Александр Квятковскій.

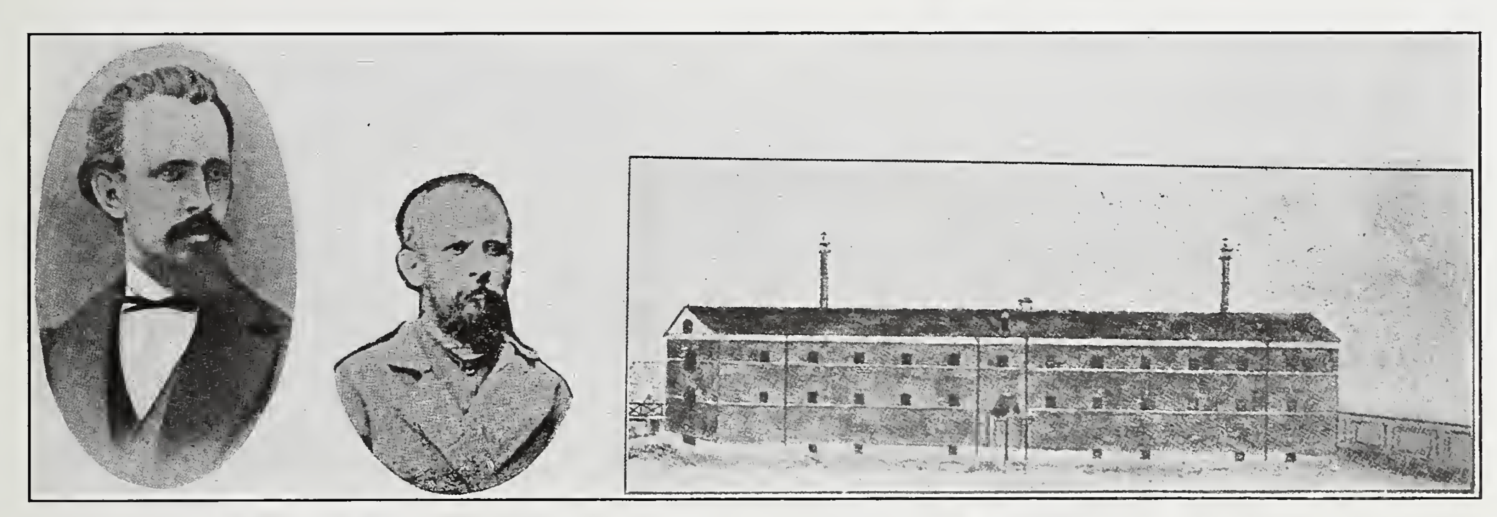
(По процессу 16 террористов).
Казнены 4 ноября 1880 г. в Петропавловской крѣпости.

Старая Шлиссельбургская тюрьма.

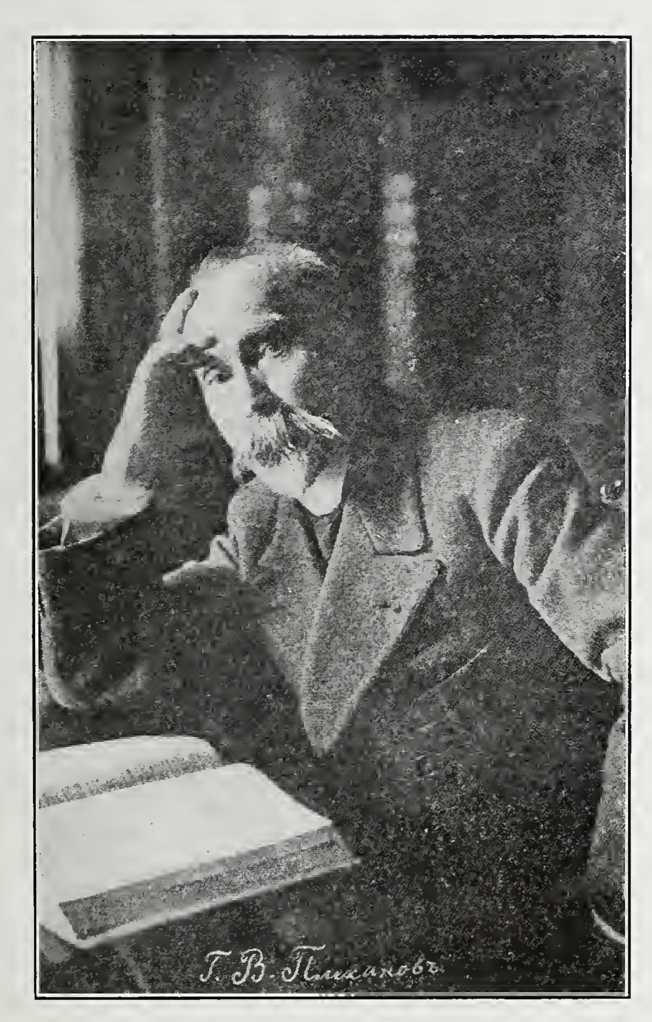
Александр Михайлов.

Александр Баранников.

Ипполит Мышкин.

Новая Шлиссельбургская тюрьма.

Григорій Валентинович Плеханов.

Дѣятель партіи «Земля и Воля», затѣм «Чернаго Передѣла». В 1883 году организовал заграницей группу «Освобожденіе Труда». Один из основателей Русской Соц.-Демократической Рабочей Партіи.

Николай Константинович Михайловскій.

Выдающійся критик, публицист и соціолог (1842—1904); представитель в легальной литературѣ революціоннаго народничества; сторонник политической свободы и борьбы за нее.

ГЛАВА VIII.

ЭПОХА АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯГО.

Исполнительный комитет „Народной Воли" написал Александру III письмо, заявлявшее, что если царь созовет депутатов от всего народа и даст им свободно выбрать желательную форму правленія, террористическая дѣятельность будет прекращена.

Главным руководителем внутренней политики при Александрѣ III был К. П. Побѣдоносцев, обер-прокурор Святѣйшаго Синода. Этот жестокій, лицемѣрный святоша поставил своею цѣлью поработить и усыпить, изуродовать самую душу народа, душу каждаго еще с дѣтских лѣт. Православная церковь была превращена в казенно-полицейское учрежденіе для насажденія „благонадежности" и сыска за всякими „смутьянами". Жестоко преслѣдовались всѣ сектанты и иновѣрцы, всѣ, кто хотѣл мыслить по-своему, по совѣсти (молокане, духоборцы, штундисты, Лев Толстой и его послѣдователи). В народѣ насаждались церковно-приходскія школы, а школы земскія и частныя, особенно для взрослых, всячески стѣснялись. Средняя и высшая школы под руководством знаменитых министров „народнаго затменія" гр. Д. А. Толстого и Делянова тоже были под надзором. Все преподаваніе клонилось к тому, чтобы забивать голову зубрежкой (древніе мертвые языки). „Кухаркиных дѣтей" старались не пускать в гимназіи. Реформы 60-х годов были искажены „поправками"; земства и городскія думы ограничены в правах и поставлены под надзор чиновников, избирательные законы для этих учрежденій измѣнены так, что усилены были в земствѣ—дворяне-помѣщики, в городах — купцы богатые. В деревнях посадили судьями „земских начальников" из недоучившихся дворян, они могли простым распоряженіем подвергать крестьян наказанію.

Изданы были особыя „положенія" об усиленной и чрезвычайной охранѣ, которыя предоставили правительству право ссылать „неблагонадежных" без суда, по одному подозрѣнію. Политическіе сотнями ссылались „административно" в сѣверныя губерніи и в Сибирь, гдѣ терпѣли голод, холод, нужду, жили в пустынѣ без книг, без души живой кругом; многіе кончали с собой с отчаянія или спивались и теряли образ человѣческій; выживали только самые сильные, закаленные в борьбѣ.

Тяжело жилось политическим в русских застѣнках. Кромѣ перечисленных в прошлой главѣ мученников в Шлисс. тюрьмѣ, там томились еще осужденные по Варшавскому процессу 1886 года: Л. Варынскій и Л. Янович, члены польской партіи «Пролетаріат». Первый осужден к 16-лѣтней каторгѣ, но чрез три года умер от чахотки.

Их товарищи по «Пролетаріату» Петр Бардовскій и Станислав Куницкій и четверо других были казнены.

Между шлиссельбургцами, осужденными по процессу 21-го (Лопатин, Стародворскій, Иванов, Антонов, и Конашевич) послѣдній еще в 1889 г. сошел с ума, но только в 1896 г. переведен в Казанскій дом умалишенных.

В этой же крѣпости были повѣшены в 1887 г. участники покушенія на жизнь Александра III — Генералов, Андреюшкин, Шевырев, Осипанов и Ульянов. Другіе два участника Новорусскій и Лукашевич томились там в ожиданіи каторги. Такой же участи ждали там Б. Оржих, осужденный по дѣлу тайной типографіи и Софія Гинсбург за участіе в покушеніи на жизнь Александра III. Послѣдняя в том же году покончила жизнь самоубійством.

В Якутскѣ ссыльные, протестовавшіе против их отправки из города в дальные „улусы", гдѣ условія жизни были невыносимо тяжелы, были окружены войсками и разстрѣляны, а потом тѣх, кто остался цѣл, еще судили за „бунт". Троих из них повѣсили, а остальных послали на каторгу. Один из казненных Л. М. Коган-Бернштейн был ранен в ноги и не мог встать, его понесли к висѣлицѣ на кровати.

Много страданій испытывали политическіе каторжные и ссыльные, особенно женщины. Н. Сигида, например, была подвергнута тѣлесному наказанію, и потрясенныя этим М. Ковальская, М. Калюжная и Н. Смирницкая, — отравились.

Правительству Александра III очень хотѣлось возстановить крѣпостное право, но зная, что крестьяне этого не допустят, оно старалось их притѣснить податями и произволом, а о дворянах всячески заботились, чтобы они не раззорялись от бездѣлья и дурного хозяйничанья в своих имѣніях. Дворянскій банк помог дворянам существовать, а Крестьянскій банк, будто в помощь крестьянам основанный, только раззорял их платежами. „Заботы" правительства о переселеніи безземельных крестьян в Сибирь тоже мало помогали, т. к. всѣм этим дѣлом завѣдывали чиновники-взяточники, переселившіеся крестьяне попадали „на новых мѣстах" почти в нищенское положеніе.

Правительство знало, что народ его ненавидит, и старалось, чтобы отвести гнѣв народный, направить темных крестьян на „инородцев" (поляков, армян, евреев). Всѣ народности были лишены своих прав, украинцам и литовцам не давали возможности печатать на родном языкѣ, полякам не позволяли обучать родному языку дѣтей даже просто на дому, не пускали их на службу, стѣсняли во владѣніи землей. Особенно преслѣдовало правительство беззащитных евреев. Им было запрещено жить вездѣ, кромѣ Западнаго края („черты осѣдлости"), и там только „в городах и мѣстечках".

Такое правительство не могло довести Россію до добра. В 1890—92 г.г. наступил страшный голод в разоренной поборами деревнѣ. Правительство долго скрывало размѣры голода, называя его „недородом", препятствуя земству и частным лицам помогать крестьянам. Но бѣда была слишком велика; чиновники не могли и не хотѣли со всѣм справиться, особенно, когда вслѣд за голодом началась эпидемія холеры и тифа.

Когда начался голод и эпидеміи, русская интеллигенція пошла на помощь деревнѣ. Темное крестьянство сначала не повѣрило в эту помощь, а во время холеры громило докторов, «разносящих» заразу, но скоро поняло, гдѣ его друзья, гдѣ враги. Произошло сближеніе между интеллигенціей и народом, отрѣзанными друг от друга полицейскими рогатками. Раз допустив медицинскую и продовольственную помощь деревнѣ, правительство Александра III было вынуждено допустить и попытки земства в области народнаго образованія и широкое обсужденіе вопросов экономических и культурных в печати. Жизнь толкала в дальнѣйшем интеллигенцію к борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи.

Под знаменем идеи политической и соціальной реформы в интересах трудящихся работали Н. К. Михайловскій и его товарищи в журналах „Отечественныя Записки" и „Русское Богатство". Множество ученых, учителей, статистиков, экономистов, земских служащих, знакомясь с жизнью и долею народа, строили планы ея преобразованія. Особое вліяніе на общественное движеніе 90-х годах оказало развитіе в Россіи крупной капиталистической промышленности и рабочаго движенія. Правительство вынужденое развить промышленность, чтобы не отстать от других европейских государств, старалось привлечь на свою сторону капиталистов щедрыми субсидіями, чтобы они не требовали свободы, а рабочих „фабричным законодательством" (облегченіе женскаго и дѣтскаго труда, сокращеніем рабочаго времени, вознагражденіем за увѣчья, надзор «фабричной инспекціи» за гигіеной труда и пр.). Главным покровителем промышленности и техническаго образованія был умный и хитрый министр финансов С. Ю. Витте, противник реформ. Промышленники и купцы дѣйствительно оказались (на первое время) опорою правительству, но именно для того, чтобы их вѣрнѣе держать при себѣ, приходилось помогать им в утѣсненіи рабочих, так как интересы этих двух классов общества так же рѣзко противоположны, как интересы помѣщиков и трудового крестьянства. Фабричные законы были недостаточны и плохо соблюдались фабрикантами. Между тѣм, рабочіе, болѣе сознательные по самым условіям своего труда и городской жизни, сплоченные самим процессом производства в товарищество, давно уже (с 70-х годов) боролись за свои права стачками и пред'явленіем экономических требованій хозяевам. В 90-х годах рабочее движеніе значительно растет и принимает опредѣленно соціалистическій характер. Во главѣ образу-

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ УЗНИКИ.

Станислав Куницкій. (казнен) Николай Стародворскій. Лейт. Буцевич. (ум. от чахотки). Михаил Новорусскій. Ник. Похитонов. (сошел с ума). Петр Антонов. Петр Бардовскій. (казнен).

ющейся к этому времени социал - демократической партіи становятся старые борцы народники, не присоединившіеся в свое время к «Народной Волѣ» и образовавшіе в концѣ 70-х годов партію „Черный передѣл" (Г В. Плеханов, Вѣра Засулич, Л. Дейч и др.). Эта партія пыталась продолжать мирную пропаганду соціализма в народѣ и не признавала политическаго террора. „Черный передѣл" не пользовался особенным вліяніем и скоро распался, вожди его вошли в состав новой группы „Освобожденіе труда". Разочаровавшись в крестьянствѣ, как в соціалистической силѣ, организаторы группы „Освобожденіе труда" переносят свои главныя надежды на фабрично-заводских рабочих. Они принимают и проповѣдуют ученіе большинства западно-европейских соціалистов, ученіе Карла Маркса, согласно которому в обществѣ идет непримиримая „классовая борьба" между капиталистами и рабочими, и единственным исходом из этой борьбы является достиженіе соціализма. Для того, чтобы бороться за соціализм, рабочій класс должен с'организоваться в политическую партію.

Очередной задачей явилась борьба с самодержавіем за политическую и гражданскую свободу (демократію), но эта борьба может быть успѣшна только тогда, когда разовьется крупная промышленость и окрѣпнет рабочая соціалистическая партія, толкающая на борьбу с правительством другіе классы (буржуазію, крестьян и пр.). Ученіе Маркса раздѣлялось и прежними русскими соціалистами — „народниками", но они надѣялись, что соціалистической силой в Россіи будут крестьяне и противились (вначалѣ) развитію капитализма, которое сопровождается обезземеленіем крестьян и обрекает их на тяжлую эксплоатацію на фабрикѣ. Народники надѣялись, что Россія, благодаря земельной общинѣ и мірским привычкам крестьянства сможет совершить у себя скорѣе соціалистическую революцію, минуя капитализм. Когда жизнь начала разбивать эти мечты, народники обратились к агитаціи и среди рабочих, а затѣм признали, что первою задачею должна быть борьба за политическую свободу, в которой видная роль отводилась именно рабочим. Однако, мнѣнія „марксистов" казались „народникам" 80—90 г.г. несправедливым забвеніем интересов и нужд крестьянства и между этими двумя теченіями в 90-х годах начались большіе теоретическіе споры, отразившіеся затѣм практически в организаціи двух соціалистических партій: „марксистской" (соціал-демократической) и „народнической" (соціалистов-революціонеров).

Это произошло уже в царствованіе Николая II.

ГЛАВА IV.

ЭПОХА НИКОЛАЯ ВТОРОГО..

НИКОЛАЙ II вступил на престол послѣ смерти своего отца, Александра III, отяжелѣвшаго от пьянства и разгула. Напрасно общество надѣялось на реформы. Перемѣнилось только имя царя, но самодержавіе по прежнему продолжало душить народ. На адрес тверских земских дѣятелей, в котором они упоминали о конституціи, Николай рѣзко назвал их «мечтанія безсмысленными». Перед коронаціей в рѣчи к волостным старшинам он приказал им забыть о прирѣзкѣ земли. Послѣ первой рабочей стачки в Ярославлѣ он послал «царскій поцѣлуй» солдатам, разстрѣливавшим рабочих за мирную демонстрацію. Его манифест по поводу коронаціи не отмѣнил тѣлесных наказаній для крестьян и лишенных прав.

Коронація Николая II ознаменовалась потрясающим событіем на Ходынском полѣ. Рвы, ямы и колодцы не были засыпаны, и вслѣдствіе давки погибло много темнаго народа.

По прежнему передовое общество продолжало роптать. Печать становилась смѣлѣе. Споры марксистов и народников вызывали жгучіе вопросы о будущем Россіи. По всей странѣ росло рабочее движеніе, крестьянство волновалось и т. д.

Первым открытым столкновеніем были студенческія волненія 1899 г. Студенты требовали права собираться на сходки для обсужденія своих нужд, организоваться в кружки и общества, выбирать себѣ старост и свободно заниматься народной наукой, а не поддѣльной „благонадежной", по указанію правительства. На эту борьбу за свободу школы правительство отвѣтило исключеніями, арестами и высылками. Множество молодежи было избито нагайками и шашками во время уличных демонстрацій. Изданы были жестокія „временныя правила" о сдачѣ в солдаты всѣх студентов, увольняемых за „безпорядки".

В том же году были изданы в нарушеніе автономіи Финляндіи особые законы, подчинившіе свободных финляндцев во всем указам русских чиновников. Руководителем угнетенія Финляндіи был „статс-секретарь по финляндским дѣлам" Вячеслав фон-Плеве, бывшій главный слѣдователь по дѣлам „народовольцев", организатор всего политическаго сыска. В Финляндіи началось революціонное движеніе. Финляндская „партія активнаго сопротивленія" вошла в соглашеніе с русскими революціонерами — образовались соціалистическія революціонныя организаціи и среди поляков, литовцев, евреев, грузин, армян и др. Один из много раз исключенных за „безпорядки" студентов, Петр Карпович, убил министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова (14 февраля 1901 г.). Карпович принадлежал к организовавшейся перед тѣм партіи соціалистов-революціонеров, продолжавшей идейную традицію „Народной Воли". Выстрѣл Карповича, предпринятый им еще по личному почину, послужил для этой партіи таким же толчком к возобновленію „террора" (покушеній), как выстрѣл Соловьева для народовольцев.

4 марта 1901 года произошла на Казанской площади в Петербургѣ большая демонстрація учащихся, интеллигенціи и рабочих против „временных правил" о студентах-солдатах, закончившаяся жестоким избіеніем участников.

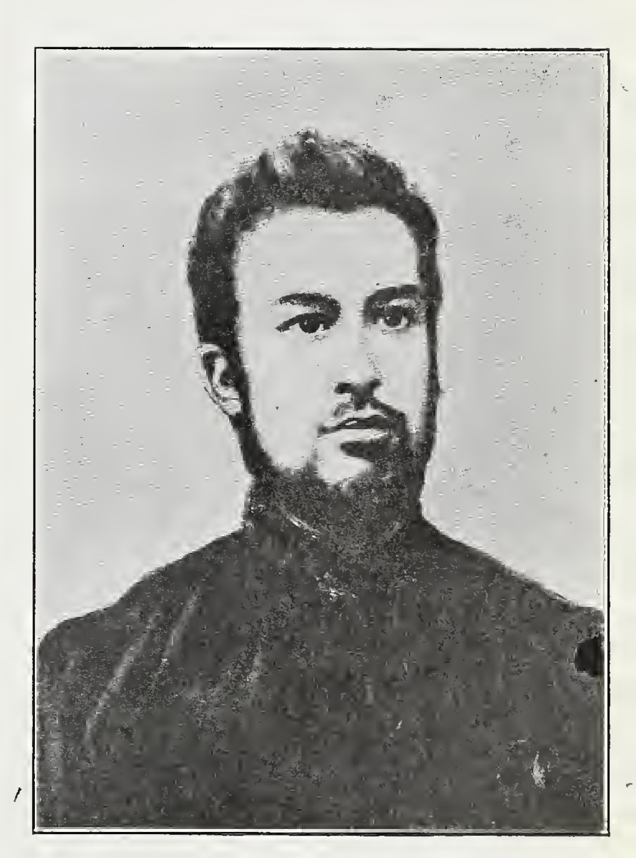
В 1902 году началось крестьянское „аграрное" движеніе в Полтавской и Харьковской губерніях, быстро распространившееся по всей Россіи. Изнуренные поборами, притѣсненіем и малоземельем крестьяне нападали на помѣщичьи экономіи, жгли их, уничтожали имущество, посѣвы и пр., иногда убивали помѣщиков. Правительство само поняло серьезныя причины крестьянскаго движенія, организовав для улучшенія положенія крестьян „Комитеты о сельско-хозяйственной промышленности" из земских дѣятелей, агрономов и пр. Но как только передовые люди в этих комитетах заговорили о свободѣ и настоящей помощи крастьянам, комитеты закрыли и смѣльчаков выслали. Усилились и рабочія стачки, сопровождавшіяся уличными демонстраціями и пред'явленіем политических требованій.

Вѣра Фигнер.

Степан Балмашев.

Потр Карпович.

Руководителем всѣх истязаній и разстрѣлов в это время был министр внутренних дѣл Сипягин, человѣк без всякой чести и совѣсти, грубый обжора и развратник, темными путями пробравшійся к власти. 2 апрѣля 1902 года Сипягин был убит членом боевой организаціи соціалистов-революціонеров Степаном Балмашевым. Балмашев был повѣшен, но убійство сильно подняло общественное настроеніе.

С. В. БАЛМАШЕВ.

С. В. Балмашев родился 3-го апрѣля 1881 года в г. Пинегѣ, Архангельской губ., гдѣ жил в ссылкѣ его отец

Воспитаніем мальчика руководил отец, семидесятник по убѣжденіям, который старался создать из своего сына живую душу, способную отозваться на всякое явленіе. В 1899 г. Балмашев поступил в Казанскій университет, откуда переходит в Кіевскій. — Здѣсь он организует „Поволжское землячество" — „будущій подпольный университет для подготовки активных дѣятелей в русскія политическія партіи".

Кромѣ того, 23-го января 1901 года Балмашев был арестован в стѣнах университета за раздачу прокламацій группы „Рабочее Знамя" — „К студентам - солдатам" и за пощечину нанесенную шпіонившему педелю. Он был препровожден в Лукьяновскую тюрьму, откуда был выпущен в апрѣлѣ мѣсяцѣ и отправлен в г. Рославль, Смоленской губ. для несенія военной службы.

В сентябрѣ 1901 года Балмашев снова поступает в Кіевскій Университет и вскорѣ организует „Кіевскій Союз Соціалистов". Этот „Союз" слился формально с Кіевским Комитетом Партіи Соціалистов-Революціонеров. Эта группа превратилась в центральный боевой орган — Боевую Организацію Партіи Соц.-Революціонеров.

В сентябрѣ мѣсяцѣ этой организаціей был вынесен первый приговор министрам Сипягину и Побѣдоносцеву.

Балмашев блестяще выполнил, взятое им на себя трудное дѣло 2-го апрѣля — исполненіе смертнаго приговора над министром Сипягиным.

Умер Балмашев 3 мая в 5 ч. утра так же мужественно, как жил. Долго уговаривал его Дурново подать прошеніе о помилованіи, но безуспѣшно. Балмашев сказал: «Я вижу, что вам труднѣе меня повѣсить, чѣм мнѣ умереть. Мнѣ никаких милостей от вас не надо. Одного только прошу, чтобы дали веревку покрѣпче. — Вы даже вѣшать не умѣете, как слѣдует".

Г. А. ГЕРШУНИ.

Гершуни, Григорій Андреевич, мѣщанин г. Шавли, в 1904 году предстал перед Петербургским Окружным Судом по обвиненію в том, что он был одним из главных дѣятелей Боевой Организаціи и руководил дѣлом убійства Сипягина, Богдановича и покушенія на жизнь Оболенскаго. Дѣло разбиралось при закрытых дверях.

Прежде, чѣм сдѣлаться революціонером, Гершуни долго занимался легальной дѣятельностью. Он считал главной цѣлью своей жизни — служить народу. Он вѣрил в народ, любил его и хотѣл посвятить ему всѣ свои силы. Он говорил: „Я вѣрю: великія дѣла правды и справедливости совершит этот народ". И Гершуни занялся просвѣщеніем народа: устраивал народныя чтенія, работал в школах. Но чѣм глубже он входил в дѣло, чѣм больше он сталкивался с народными нуждами, тѣм ему яснѣе рисовалась картина печальной жизни. Чтобы придти на помощь страдающему народу, он оставил свое прежнее занятіе фармацевта, перемѣнил фамилію и поступил в партію Соціалистов-Революціонеров.

Убѣдившись и здѣсь, что мирным путем ничего нельзя сдѣлать с правительством, широко пользующимся бѣлым террором, Гершуни из мирнаго дѣятеля, постепенно сдѣлался террористом. Все это он разсказывал в своей рѣчи на судѣ и прибавил: „В дѣятельности своей я руководствовался только сознаніем своего долга и интересами трудового народа, и долг свой перед ним я считаю честно выполненным, ни в чем себя не упрекаю и вѣрю, что и он, поняв, не упрекнет меня.

Гершуни осудили и приговорили к смертной казни, которая была замѣнена ему 5 марта 1904 г. безсрочной каторгой.

Вскорѣ послѣ манифеста 17 октября 1905 г., правительство, под давленіем общественнаго негодованія, рѣшило упразднить Шлиссельбургскую государственную тюрьму, в которой держали Гершуни, и в январѣ 1906 года всѣ оставшіеся там террористы (Гершуни, Карпович, Сазонов, Сикорскій и Мельников) были перевезены в Московскую Бутырскую тюрьму, а оттуда в Акатуйскую каторжную тюрьму. Там начальство скоро стало вводить строгости, поэтому был выработан единственный в своем родѣ способ побѣга для Гершуни. Рѣшено было вынести его из тюрьмы в бочкѣ с капустой,

При помощи товарища, который прополз туда через заранѣе подготовленый подкоп и пролом, Гершуни вскорѣ очутился в лѣсу, гдѣ за горой ждала телѣга с лошадьми.

Через 4 дня он был в Владивостокѣ, гдѣ застал уже агентскую телеграмму о своем побѣгѣ. С первым же пароходом товарищи отправили его в Японію. Ему пришлось пролежать сутки под свертками канатов и брезентов без пищи, конечно, пока можно было открыто показаться па пароходѣ. Еще через сутки он был в полной безопасности.

Из Нагаски Гр. Ан. проѣхал в Токіо, гдѣ японскіе соціалисты устроили ему торжественный пріем и проводы на пароход в Іокогаму, откуда он отправился через Америку в Европу.

Побѣг Гершуни вызвал страшную тревогу в правительственных сферах, но борец за русскую свободу скоро скончался.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И 9-ОЕ ЯНВАРЯ.

В 1903 г. разыгралась грандіозная стачка рабочих политическаго характера. Не прекращались и движенія аграрное и студенческое (учебныя заведенія почти бездѣйствовали). Общество было охвачено единодушным духом протеста. В то же время повсюду „легальная" печать было совершенно задавлена цензурой. Правительство пыталось отвести народное движеніе на евреев, организовав из уличной черни ужасные погромы в Кишиневѣ и Гомелѣ и попытавшись свалить вину на всѣ эти звѣрства на самих евреев, будто бы раздражавших населеніе „ростовщической" эксплоатаціей, „религіозным изувѣрством" и революціонной пропагандой.

На Кавказѣ правительство натравило друг на друга армян и татар, расхищало церковныя имущества армянской церкви, лишило всѣх прав мусульман и т. д.

Царскіе любимцы из помѣщиков и чиновников расхищали земли мирных кочевых племен степнаго края (башкир, киргизов). Ставшій в 1902 г. на мѣсто Сипягина министром, гонитель Финляндіи, Вячеслав, фон-Плеве задумал смягчить общество „маленькой побѣдоносной войной". Война была затѣяна на Дальнем Востокѣ. Уже в 1898—1900 г. русское правительство, под предлогом защиты иностранцев от изувѣрства китайцев-патріотов, вмѣшалось в китайскія дѣла, совмѣстно с другими европейскими правительствами, поживившимися на счет Китая разными земельными пріобрѣтеніями. Россія получила при этих дѣлежах Квантунскій полуостров у Желтаго моря с крѣпостью Порт-Артуром. Квантунскій полуостров был отрѣзан от русских владѣній китайскими землями (Манчжуріей), и для того, чтобы соединить его желѣзной дорогой с Россіей, правительство выхлопотало себѣ право провести эту дорогу через Манчжурію. Сановники начали раскупать земли в „новых мѣстах" и наживаться в выгодных спекуляціях. В концѣ концов Россія начала считать Манчжурію совсѣм своей землей, и стала вмѣшиваться в дѣла Кореи.

В 1904 году началась русско-японская война. Народу она была совсѣм непонятна, гнали солдат зачѣм-то за тысячи верст, общество волновалось, понимая, что царь и министры хотят обезсилить его угрозой внѣшняго врага.

Оказалось, что у японцев войско вооружено и снабжено гораздо лучше нашего, да и солдат японскій знал, за что воюет. Уже к лѣту 1904 г. выяснилось, что война будет неудачною, войска, несмотря на геройство, терпят пораженія, флот был весь уничтожен, Порт-Артур осажден и истощен до крайности. Когда в іюлѣ 1904 г. Плеве был убит бомбой, брошенной соціал-революціонером Егором Сазоновым, общество властно потребовало реформ. За мѣсяц до до этого в Финляндіи был убит генерал-губернатор Бобриков, главный помощник Плеве по угнетенію Финляндіи.

Новый министр князь Святополк-Мирскій об'явил „довѣріе" к обществу основой своей дѣятельности. Была дана значительная

свобода обсужденія политических вопросов в печати. Наступила так называемая „весна" русской революціи. В ноябрѣ собрался съѣзд земских дѣятелей, выработавшій постановленіе о необходимости конституціи.

Правительство старалось заглушить движеніе, уступки смѣнялись репрессіями. В январѣ 1905 г. в Петербургѣ поднялось сильное движеніе среди рабочих. Центром его были рабочіе клубы и общества, организованные священником Георгіем Гапоном. Гапон первоначально был оплотом правительства и хотѣл повторить попытку Зубатова, но сам увлекся движеніем. В средѣ „гапоновских клубов" оживилась и дѣятельность соціалистических партій. Была составлена питиція Николаю II о необходимости экономических требованіях, политической свободѣ и созывѣ народных представителей.

Рабочіе понесли ее 9-го января к Зимнему дворцу, вмѣстѣ с иконами и царским портретом, но были встрѣчены войсками и безпощадно разстрѣляны („русское кровавое воскресенье"). Дядя царя, Владимир Александрович, был главным руководителем разстрѣлов 9 января.

Этот поступок окончательно подорвал авторитет «царя» в глазах рабочих; с тѣх пор идеи демократической республики и соціализма получили преобладающее вліяніе в их кругу. 4-го февраля 1905 года был убит в Москвѣ бомбою дядя царя, великій князь Сергѣй Александрович, московскій генерал-губернатор — главный виновник „Ходынки", извѣстный развратник и жестокій истязатель „политических".

И. П. КАЛЯЕВ.

Каляев, Иван Платонович, родился 24 іюня 1877 года в Варшавѣ и в 1888 году поступил в 1-ю варшавскую, Апухтинскую гимназію. В 1895 г. он окончил гимназію, вынося из нея уже окрѣпшую ненависть к самодержавному строю. К революціонному движенію он не примыкал еще непосредственно, стараясь разобраться в марксизмѣ. Осенью 1898 г. он перешел на юридическій факультет С.-Петербургскаго университета. Но весной 1899 г. вспыхнули большіе студенческіе безпорядки и И. П., принадлежа к партіи крайних, принял в них живое и видное участіе. Он писал и печатал прокламаціи, агитировал в столовой и в университетѣ, говорил рѣчи и, наконец, вошел в образовавшійся в концѣ марта — 3-й Организаціонный Комитет. Кончилось все это арестом. Послѣ трех мѣсячнаго тюремнаго заключенія он был выслан на 2 года под надзор полиціи в Екатеринослав и там впервые принял участіе в активной революціонной работѣ, примкнув к мѣстному комитету соціалдемократической партіи. В иограничном городѣ Мысковицах, был арестован прусскими властями. При нем нашли нѣсколько брошюр и номеров „Искры". Это было довольно, чтобы выдать его Россіи и запереть в Варшавскую цитадель. Этот арест был поворотным пунктом в его жизни.

В 1903 г. он уже в полном распоряженіи Центральнаго Комитета.

4-го февраля 1905 года И. П. совершил свой героическій подвиг — бросил бомбу в карету вел. кн. Сергѣя. 5-го апрѣля суд Особ. пр. Сената приговорил его к смертной казни.

Выслушав приговор, Каляев сказал:

„Я счастлив вашим приговором; надѣюсь, что вы рѣшитесь исполнить его надо мною так же открыто и всенародно, как и я исполнил приговор Партіи Соціалистов - Революціонеров.

10-го мая в 3 часа ночи казнь приведена в исполненіе тайно в стѣнах Шлиссельбургской крѣпости.

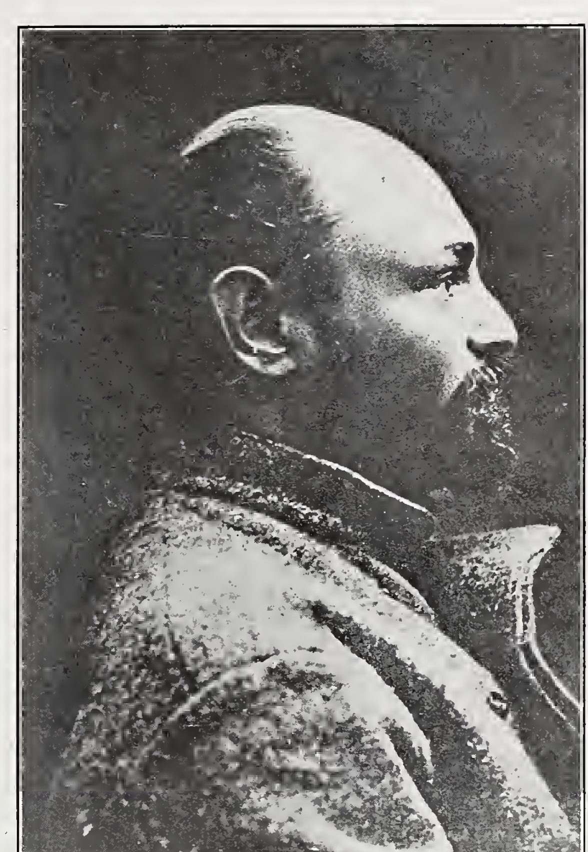
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ 1905 Г.

Весною 1905 года нанесены были окончательныя пораженія нашим войскам в Японіи (разгром флота адмирала Рождественскаго у Цусимы). Матросам во флотѣ жилось тяжело и они начали волноваться. В іюнѣ 1905 г. броненосец «Потемкин-Таврическій» поднял красное знамя и пытался увлечь за собою весь флот. На других кораблях были бунты матросов, которых судили жестокими военными судами.

Правительство уже в февралѣ обѣщало привлечь выборных к управленію государством, но закон о выборах разрабатывался

Егор Сазонов.

Григорій Гершуни.

Иван Каляев.

тайком, в канцеляріях и совѣщаніях высших сановников. В іюнѣ государь принял земскую депутацію, во главѣ с проф. кн. С. Н. Трубецким, требовавшую конституціи. Наконец 6-го августа был опубликован манифест о созывѣ Государственной Думы, никого однако не удовлетворившій Дума об'являлась учрежденіем совѣщательным (т. е. могла только обсуждать законы, а не принимать их окончательно), депутаты избирались отдѣльно крестьянами, горожанами и землевладѣльцами, и то лишь самыми богатыми, не прямо, а через выборщиков (двухстепенные выборы). Для крестьян же выборы были даже четырехстепенные (от 10-ти дворов в волостной сход, от волостных сходов — в уѣзд, от уѣзда — в губернію и наконец — в Думу). Правда, крестьян было в Думу предложено избрать много, но это лишь потому, что правительство считало их темными и надѣялось на их „монархическія" чувства. В августѣ 1905 года была дарована автономія университетам, но студенты продолжали волноваться, требуя обезпеченія своих прав и общих реформ.

Как только был заключен (в сентябрѣ 1905 г.) мир с Японіей (Россія потеряла всѣ «дальневосточныя» пріобрѣтенія и половину острова Сахалина). вспыхнула революція. Она началась с грандіозной желѣзнодорожной забастовки в октябрѣ 1905 года, к желѣзнодорожникам присоединились всѣ заводскіе рабочіе, студенты и даже гимназисты и люди интеллигентных профессій. В университетах начали собираться громадные митинги. Забастовка распространилась и на Финляндію. В Петербургѣ собрался Совѣт Рабочих Депутатов с представителями соціалистических партій. Интеллигенція организовалась в профессіональные союзы, об'единившіеся в Союз Союзов, пославшій в Совѣт также своего представителя.

По совѣту министра финансов Витте, заключившаго только что мир с японцами, царь издал манифест 17-го октября 1905 г. Манифест этот: 1) об'яснил „неприкосновенность личности" (отмѣну произвольных обысков, арестов, разстрѣлов, высылок и пр.), свободу совѣсти, слова, собраній и союзов, 2) обѣщал расширить круг избирателей в Государственную Думу и поручить ей самой разработку вопроса о введеніи „общаго" избирательнаго права; 3) дал Думѣ права законодательнаго учрежденія и право контроля над правительством

Через нѣсколько дней была об'явлена „амнистія" всѣм участникам в революціонном движеніи октябрьских дней, а также „прежним политическим преступникам", однако далеко не всѣм. Эта амнистія освободила народовольцев-шлиссельбуржцев, каким удалось дожить до 1905 года. Террористы 1900—05 г.г. (Гершуни, Карпович, Сазонов и др) были перевезены из Шлиссельбурга на сибирскую каторгу

Когда же русскіе граждане захотѣли на самом дѣлѣ воспользоваться свободою собраній и собираться на митингѣ, их сейчас же стали разгонять полиція, войска, казаки; в первый же день послѣ манифеста во всѣх больших городах оказались убитые и раненые при таких разгонах. З свободныя рѣчи и статьи также начали арестовывать и карать по прежним законам, придравшись к тому, что „неблагодарные" за царскую милость русскіе люди продолжают и послѣ амнистіи революціонную дѣятельность. Чтобы оправдать свою дѣятельность и доказать, будто сам народ не хочет свободы, правительство организовало темных людей в „черныя сотни", которыя избивали собравшихся на митинги. Черносотенцы эти были всякіе чиновники и полиція, шпіоны, подкупленные правительством, дворники, богатые купцы и невѣжественные хулиганы, подкупленные деньгами и водкой. Правительство поощрило их организаціи (Напримѣр «Союз Русскаго Народа»), организовало из них процессіи с иконами и царскими портретами, с пѣніем „Боже, царя храни", выдавало им денежныя субсидіи и оружіе. Черносотенцы нападали на беззащитных „инородцев", устраивали погромы евреев и интеллигенціи, убійства отдѣльных друзей народа. Они сами стрѣляли из окон домов, а потом набрасывались на интеллигенцію будто бы за эти выстрѣлы, натравливали темный народ на „смутьянов". Ужасные погромы произошли в Кіевѣ, в Одессѣ, в Вологдѣ, Томскѣ, Твери, Севастополѣ и др. городах. Когда соціалистическія партіи и вообще мирные граждане пытались сорганизоваться в дружины для самообороны от хулиганов, их обвиняли

в попыткѣ насильственных возстаній, отнимали оружіе, передавали военному суду, разстрѣливали или избивали в участках.

Таким образом все, что правительство давало одной рукой, оно отнимало другой. Но манифестом хитрый Витте внес рознь в об'единенное перед тѣм чувством протеста и негодованія русскаго общества. Образовались разныя политическія партіи, каждая из которых настаивала на своем, движеніе было ослаблено. „Правыя" партіи, состоявшія главным образом из дворян-помѣщиков, богатыхп куцов, промышленников, чиновников и т. д. боялись дальнѣйшаго развитія революціи, они требовали „порядка" и возстановленія „тведрой власти", не хотѣли всеобщаго избирательнаго права, а только выборов с перевѣсом в пользу богатых, не признавали равноправія и независимости других народов, кромѣ „державнаго" русскаго, выражали желаніе, чтобы свобода была ограничена „законом". Манифест 17-го октября их вполнѣ удовлетворял, и они всѣ об'единились (кромѣ крайних, черносотенцев) в „Союз 17-го октября" („октябристы") для поддержки правительства и скорѣйкаго созыва Думы. Они вообще не признавали, что народ завоевал свободу, а считали, что ее дала царская милость, и подчинились во всем царю. Особенно боялись они рабочих и крестьян, их самодѣятельности, и потому были против всяких широких соціальных и экономических реформ (передачи земли народу, 8-мичасоваго рабочаго дня и проч), надѣясь, что все устроится маленькими иодачками народу. Большинство интеллигенціи (профессора, инженеры, адвокаты, писатели, передовые помѣщики-земцы и промышленники) об'единились в партію конституціоналистов-демократов, или народной свободы (кадетов). Эта партія стояла за дальнѣйшее расширеніе прав народа (всеобщее избирательное право, равенство, „свободы", равноправіе всѣх народностей, автономія Польши, Финляндіи) и даже за конституціонную монархію высказывалась только потому, что считала идею республики еще непонятной крестьянам, вѣрующим в царя.

Как люди образованные, „кадеты" видѣли, что революція не может ограничиться политическими (государственными) преобразованіями, что нужны коренныя реформы соціальныя, высказались за широкое рабочее законодательство и земельную реформу, на началах надѣленія крестьян землею частью в собственность, частью во временное владѣніе из „государственнаго фонда", образованнаго принудительным отчужденіем помѣщичьих земель и конфискаціей земель казенных, удѣльных, „кабинетских", монастырских и пр.

Но всѣ эти реформы они откладывали до созыва Государственной Думы, которая, мол, скажет царю всю правду и добьется расширенія народных прав и благосостоянія. Кадеты все рисовали себѣ слишком в мирном и розовом свѣтѣ; они не знали всей невыносимой тяжести народной жизни и слишком вѣрили в желаніе царскаго правительства помочь народу.

Правительству и зажиточным классам казалось, что „кадеты" — смутьяны, что они хотят дать народу слишком много воли, и рабочим и крестьянам они казались „барами", которые все хотят учит да няньчить народ, а настоящей воли, по своему жизнь устроить ему не дают.

Народу кадеты мало вѣрили, считая его «темным» и «незрѣлым", а правительству слишком вѣрили. Оттого среди самих „кадетов" скоро начались раздоры, богатые помѣщики и промышленники из их же партіи, боясь революціи, тянули „вправо", готовы были продать свободу за свои богатства и преимущества, а люди идейные (ученые, интеллигенція) больше «влѣво», настаивали на полнотѣ народных прав и свободы, да все же не совсѣм влѣво, потому что все народ „воспитывать" хотѣли и повисли в воздухѣ.

Наконец партіи „лѣвыя" соціалистическія говорили, что завоеваніе свободы только первый шаг в борьбѣ за полное преобразованіе общества на началах труда и равенства, они говорили, что правительство обманывает народ подачками (как и при Александрѣ II) и не надо его уговорам поддаваться, надо, не дожидаясь созыва Государственной Думы и не признавая ее законным представительством народа, продолжать революціонную, насильственную борьбу, пока царское самодержавіе не будет окончательно свергнуто; власть тогда перейдет в руки народа, осуществится настоящая свобода и равенство, соберется немедленно Учредительное Собраніе,

которое установит в Россіи демократическую, федеративную (союзную из равноправных націй и областей) республику, передаст народу землю, расширит права рабочих и пр. За этими партіями шла передовая, сознательная часть рабочих и крестьян и они имѣли настоящую опору в массѣ. Но они преувеличили свои силы; масса рабочих и крестьян была еще темна и придавлена рабством былым и бѣдностью и не ясно разбирала, гдѣ друзья, гдѣ враги народа. Поэтому, когда Совѣт Рабочих Депутатов и Союз Союзов, гдѣ большинство руководителей принадлежало к этим партіям, стали призывать народ к новым забастовкам в знак протеста против всѣх звѣрств правительства и черносотенцев, За ними пошли только небольшія группы рабочих. Забастовки не удались, не удалось и осуществленіе на заводах 8-часового рабочаго дня „явочным порядком". Болѣе удачно прошла только забастовка служащих почты и телеграфа, выдвинувших профессіональныя требованія. Во время этой забастовки многіе „умѣренные" обыватели старались замѣнить служащих своими силами, позорно „ломая" стачку. Весь ноябрь и декабрь мѣсяц прошел в отчаянной борьбѣ народа с властью. Когда Совѣт Рабочих Депутатов и соціалистическія партіи выпустили в началѣ декабря „манифест" к народу, призывавшій не давать царскому правительству податей и солдат, брать вклады из сберегательных касс и организоваться помимо правительства, Совѣт был арестован. Рабочіе не могли защитить своих представителей, потому что всѣ предшествующія выступленія уже ослабили их организаціи; лучшіе люди были захвачены, отправлены в тюрьму и в ссылку.

Революціонное движеніе, правда, охватило всю Россію, но велось она разрозненно, вспышками и в провинціи конечно еще менѣе многочисленными передовыми отрядами, чѣм в столицѣ.

Среди самих соціалистов были большіе споры и разногласія; соціал-демократы обращали вниманіе главным образом на рабочее городское движеніе и не считались с крестьянским, соціал-революціонеры, напротив, работали больше в деревнѣ, и всѣ надежды возлагали на крестьянскую революцію. Соціал-демократы возлагали надежды на об'единенное и одновременное вооруженное возстаніе и были против „террора" (убійства отдѣльных угнетателей народа), а соціал-революціонеры усиленно практиковали такой террор, считая, что он расшатывает авторитет власти и раскачивает сонное общество. Обѣ партіи расходились по многим вопросам и слишком спорили между собою, а также и с кадетами, и лѣвыми (республиканцами) не соціалистами.

Разумѣется, и «кадеты» грѣшили тѣм-же, стараясь, чтобы правительство их не смѣшало с „насильниками" и „бунтовщиками"-революціонерами и дало им возможность открытаго, „легальнаго" существованія".

По всей Россіи шла героическая борьба за свободу; настоящая война между народом и царскою властью. В разных мѣстах народ захватывал власть в свои руки, провозглашая маленькія „республики", которыя скоро уничтожались войсками и полиціей. Правительство покрыло свою страну висѣлицами, разстрѣливало рабочих и крестьян, истязало революціонеров в тюрьмах, жестоко усмиряло возстанія рабочих, крестьян и войска.

Особенное негодованіе в обществѣ вызвало истязаніе молодой дѣвушки-революціонерки Маріи Спиридоновой. Схваченая жандармами послѣ совершеннаго ею, по порученію партіей соціалистов-революціонеров, убійства одного царскаго чиновника, истязателя крестьян, Спиридонова подверглась таким ужасным оскорбленіям и пыткам в камерѣ тюрьмы, что даже умѣренныя газеты требовали суда над ея палачами. Но правительство осудило Спиридонову на каторгу, а палачей ея „покрыло". Они были скоро убиты революціонерами.

Против правительства подымались часто и люди не-партійные, возмущенные обманным характером манифеста. Таков, например, был „красный адмирал", лейтенант Петр Шмидт, организовавшій грандіозное возстаніе судов Черноморскаго флота под лозунгом Учредительнаго Собранія и довольно долго сопротивлявшійся правительственному флоту со своей революціонной эскадрой, в концѣ концов побѣжденный и разстрѣлянный с 4-мя товарищами-матросами. Звѣрства правительства вызвали единодушный протест против смертной казни, всѣ требовали ея отмѣны.

Марія Спиридонова.

Лейтенант Петр Шмидт.

Зинанда Коноплянникова.

Между тѣм всѣ организованные революціонными, соціалистическими партіями возстанія и убійства народных палачей были как раз напротив вынужденным отвѣтом соціалистов на правительственныя безобразія. Повторялось то же, что при Александрѣ II; люди полные любви и мира шли на кровавую борьбу, потому, что не было других средств, только теперь это уже была не кучка, а большая масса борцов. Но чѣм болѣе свирѣпствовало правительство, тѣм болѣе падало жертв. Правительство систематически озлобляло своих врагов, повергло всю страну в хаос разрушенія, так что уже и сами соціалисты не могли справиться с стихійным негодованіем крестьянской и рабочей массы и отдѣльных горячих голов из мѣстных организацій, прорывавшихся к безудержным убійствам и возстаніям. Попытка организованнаго всенароднаго возстанія в декабрѣ 1905 года не удалась; только в Москвѣ дошло дѣло до настоящих баррикад и упорнаго уличнаго боя, продолжавшагося около двух недѣль. Правительство усмирило московское возстаніе с помощью гвардіи. Гвардейскіе солдаты были нарочно лучше снабжены пищей, водкой и пр., и развращены монархической агитаціей. Семеновскій полк под командой Мина и Римана помог жестокому генерал-губернатору Москвы Дубасову раздавить декабрьское возстаніе, а потом двинулся по желѣзным дорогам с знаменитыми «карательными экспедиціями», уничтожая на пути всякаго „подозрительнаго". Экспедиціи эти разгромили желѣзнодорожников и обезпечили правительство от угрозы желѣзнодорожной забастовки, которая была очень важным орудіем в руках революціонеров. Такія же кровавыя экспедиціи разыгрались в Сибири (ген. Ренненкампф и Меллер-Закомельскій), на Кавказѣ (Алиханов), на югѣ Россіи (Карангозов), в Польшѣ, в Прибалтійском краѣ (Орлов) и др. мѣстах. Справедливо говорили тогда, что правительство „завоевало" всѣ эти области, как будто какія-то вражескія страны.

Руководители экспедиціей были почти всѣ убиты потом революціонерами, но масса была запугана. Всѣ зажиточные классы боявшіеся крестьянскаго движенія, русскіе „зубры"-помѣщики, польскіе паны и нѣмецкіе бароны в борьбѣ своей с крестьянством готовы были поддержать это озвѣрѣвшее правительство, лишь бы сберечь свои имущества. Уже началась вражда „общества" к революціонерам. Немногіе честные, идейные люди протестовали, но правительство зажимало им рот.

На печать сыпались аресты, штрафы, конфискаціи, закрытія газет и журналов. Редакторы и писатели непрерывно попадали под суды, в крѣпость. Тюрьмы и каторга были полны. Собранія и союзы закрыты и разогнаны.

Однако повернуть все назад правительство было уже не в силах. Соціалистическія партіи вышли из подполья и политическіе идеалы стали предметом открытаго обсужденія.

З. В. КОНОПЛЯННИКОВА.

Коноплянникова, Зинаида Васильевна, род. в 1879 году в Петербургѣ. Окончив ремесленное училище и учительскую семинарію, она приступила к учительской дѣятельности. В 1903 году она стала работать среди рабочих и скоро была арестована. За отказ от каких-либо показаній, ее из предварилки перевели в Петропавловскую крѣпость, а затѣм по болѣзни обратно в дом предварительнаго заключенія, гдѣ ее содержали год. Чрез недѣлю послѣ этого она опять была арестована, через 9 мѣсяцев снова выпущена на свободу, и она отправилась в Швейцарію. Скоро она вернулась в Россію и примкнула к боевой организаціи, и затѣм была опять арестована и предана суду за убійство ген. Мина.

На судѣ она, между прочим, сказала:

«Я убила Мина, как убійцу возставших борцов за свободу, как убійцу тѣх невинных, кровью которых орошены улицы Москвы. Я убила Мина, как командира, воспитывающаго крестьян-солдат в духѣ активной непріязни к народному освободительному движенію....

.....Николай II, подобно Іоанну Грозному, окружил себя опричниками. Мины московскіе, Орловы прибалтійскіе, Треповы - погромщики окружают его престол. Убивая одного из опричников Николая Романова, я этим хочу напомнить ему, что, как падают подпорки его престола, так может пасть и самый престол.... Террор партіи вынужден правительствам. Как «выходец» из народа (происхожденія я не мудренаго: отец солдат, мать-крестьянка), я спрошу

вас языком того же народа: а кто вам дал право держать нас в невѣжествѣ, в нищетѣ, в тюрьмах, ссылать в ссылки и на каторги, вѣшать и разстрѣливать?........ Теперь идет новое, народное право... Вы об'явили этому грядущему праву борьбу не на живот, а на смерть. С гибелью своего безчеловѣчнаго права, погибнете и вы, питающіеся им, как шакалы падалью......».

Затѣм она в своей рѣчи подробно об'ясняет, что побудило ее сдѣлаться революціонеркой, как она пришла к заключенію, что ничего нельзя создать новаго, не разрушив стараго; ярко рисует положеніе **Россіи в думскую эпоху**, послѣдствія японской войны, правительственныя репрессіи. Править, говорит она, — с россійской точки зрѣнія, значит, грабить, жечь, убивать. Исторія россійскаго народа, — это одна кровавая лѣтопись. «Вы меня, заканчивает она, — приговорите к смертной казни. Гдѣ бы мнѣ ни пришлось умереть— на висѣлицѣ-ли, в каторгѣ-ли, я умру с одной мыслью: прости, мой народ! я так мало могла тебѣ дать, — только одну жизнь. Умру же я с полной вѣрой в то, что наступят........

..................тѣ дни недалекіе,
Когда трон, пошатнувшись, падет,
И над русской равниной широкою
Ярко солнце свободы взойдет.......

Суд заранѣе рѣшил приговорить ее к смертной казни через повѣшеніе.

Коноплянникова, улыбаясь, выслушала приговор и от подачи всяких жалоб отказалась.

Командующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, великій князь Николай Николаевич, этот приговор поспѣшил утвердить.

И приговор был приведен в исполненіе 29-го августа в Шлиссельбургской крѣпости.

Приговоренная шла весело на мѣсто казни. Спокойно сама надѣла петлю, затянула и отбросила скамейку.

Голос секретаря, читавшаго приговор, задрожал, руки затряслись. Один конвойный не выдержал и упал в обморок.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Новые временные законы о свободѣ совѣсти (17 апрѣля 1905), печати и собраній (4 марта 1906), как бы они ни были ограничены, стѣсняли произвол власти и главное давали возможность проявляться открытой критикѣ и разнообразію мнѣній. Общество жило, шевелилось, приходилось его карать за мысли и дѣянія, но уже затруднена была возможность прекратить проявленіе общественной самодѣятельности. Надо было выполнить обѣщаніе о расширеніи избирательных прав.

Указом 11-го декабря 1905 г. правительству пришлось значительно понизить избирательный ценз городских жителей, предоставив право голоса не только платящим налоги, но и всѣм имѣющим квартиру на свое имя.

Фабричный и интеллигентный пролетаріат, живущій по углам и комнатам, таким образом все же не получил этих прав; для рабочих было организовано отдѣльное представительство с трехстепенными выборами (уполномоченные от заводов, выборщики, депутаты), причем однако непремѣнное избраніе депутатов-рабочих обезпечено не было.

Лѣвыя партіи, надѣявшіяся еще на революціонное движеніе, рѣшили „бойкотировать" Думу. Жизнь скоро показала, что они переоцѣнили свои силы, крестьянство в Думу вѣрило и приняло дѣятельное участіе в выборах.

Между тѣм, отказавшись от выставленія своих кандидатов в Думу и не желая остаться в сторонѣ от выборов, соціалисты были вынуждены активно им противодѣйствовать и вообще продолжать чисто революціонную дѣятельность, которая уже не встрѣчала сочувствія среди широких масс и чрезвычайно ослабляла силы соціалистических партій, подвергая их репрессіям правительства. Литературная и публично-словесная защита лѣвых идей каралась по законам о печати и собраніях („призывы к ниспроверженію существующаго строя", „оскорбленіе величества".

Были созданы особыя „обязательныя постановленія" губернаторов и градоначальников, дававшія им право без суда штрафовать, заключать на срок под арест, высылать и т. п. лиц, виновных

в этих дѣяніях, судебная же власть могла „пріостановить" подслѣдственную газету до окончательнаго рѣшенія суда. С помощью этих средств правительство брало „измором" враждебныя ему изданія, у которых не хватало денег на штрафы и подставных редакторов „для отсидки".

Такая борьба и продолжалась непрерывно до самой войны 1914 года. Особенно тяжело приходилось от нея дешевым рабочим и крестьянским газетам. Также стѣснялись рабочіе клубы, профессіональные союзы, кооперативы, общества и тому подобное. Вся жизнь превратилась в неустанныя стачки за клочек народной свободы. Между тѣм общество было распылено на мелкія партіи и группы, враждовавшіе между собою.

Соціал-демократы уже давно раскололись по вопросу о принципах организаціи партіи на „**большевиков**" и „**меньшевиков**"; меньшевики теперь стояли за выборы в Думу и болѣе **мирную** тактику, большевики — за бойкот и энергичную подготовку **вооруженнаго возстанія.**

Соціалисты-революціонеры попали в очень тяжелое положеніе из-за своей террористической тактики: они не могли от нея отказаться, раз политическая свобода не была прочно завоевана, но террор распылился, стал массовым явленіем, партія не одобряла злоупотребленій этим серьезным средством борьбы, вносящим анархію и разжигавших кровожадные инстинкты масс, но не в силах была их остановить.

Группа литераторов и общественных дѣятелей, симпатизировавших основным принципам партіи соціал-революціонеров, но не раздѣлявших всѣх ея крайних выводов и пріемов борьбы, пыталась сорганизоваться в „партію народных соціалистов" („н-с", „эн-эсы"), отвергнувшую террор, не настаивавшую на республикѣ и пред'явившую менѣе рѣшительную программу земельных реформ.

Но правительству и эта программа была нежелательна, оно запретило партіи „н-с.", которая только внесла раскол в ряды народников, оставшись безсильной и малочисленной.

С другой стороны, увлекающаяся идеей террора и соціализма молодежь из той же партіи соціалистов-революціонеров, призывала к убійствам фабрикантов и помѣщиков и немедленному захвату всѣх фабрик, заводов, земли и денежных сумм рабочими и крестьянами („**максималисты**", т. е. требующіе наибольшаго). Появилась и партія **анархистов**, стремившаяся к совершенной отмѣнѣ государства, замѣнѣ его „вольным союзом общин", и потому уничтоженію частной собственности (коммунизма), средством для этого признавался непрерывный бунт и захват имуществ, причем в темной массѣ идеи анархистов были поняты, как простой призыв к грабежам и еще болѣе озлобили „умѣренных".

Между всѣми этими партіями дѣйствительно были большія теоретическія, идейныя разногласія и споры — обсужденія этих вопросов на страницах печати, в собраніях и т. д. были очень нужны и полезны, но к сожалѣнію каждая партія относилась к другим крайне нетерпимо, считая свою точку зрѣнія единственно правильной. Вмѣсто товарищеских споров об отдаленных цѣлях, которыя могли бы не мѣшать об'единенному дѣйствію партій, стремившихся к коренному преобразованію, против общаго могучаго врага, создавался организаціонный разброд, вражда и жестокая „полемика", преувеличивавшая до крайности „непримиримость" разногласій, стремившаяся всегда втоптать в грязь противника, уличить его в „умѣренности", измѣнѣ дѣлу революціи и тому подобном. Нѣкоторое об'единеніе пытались ввести союзы, наиболѣе замѣчательным из которых был Всероссійскій Крестьянскій Союз, почти полностью принявшій программу соціал-революціонеров.

Дума должна было собраться 27-го апрѣля 1906 г. В февралѣ правительство издало подробное „положеніе" о Думѣ, чрезвычайно стѣснившее круг ея дѣятельности и поставившее над нею Государственный Совѣт из назначенных и выборных от богатых членов, который должен был пересматривать всѣ рѣшенія Думы (Верхняя палата).

За нѣсколько дней до открытія Думы правительство, уже знавшее через своих шпіонов, что, несмотря на всѣ помѣхи полиціи свободѣ выборов, аресту неблагонадежных кандидатов и т. п., противники правительства выбраны в большинствѣ (и в том числѣ

от крестьян, на которых они так „надѣялись"), издало „основные законы", которые Дума не имѣла права передѣлывать.

Это было сдѣлано с тою цѣлью, чтобы Дума не вздумала проектировать коренного преобразованія Россіи (не превратилась в Учредительное Собраніе), а занималась бы только тѣми мелкими текущими дѣлами, какіе ей хотѣло навязать правительство.

В „основных" законах говорилось и о верховной власти царя, который, несмотря на то, что Россія стала явно конституціонной монархіей, попрежнему именовался „Самодержцем", и о Государственном Совѣтѣ, и о министрах, которых назначал и увольнял царь, не считаясь с мнѣніем Думы (т. е. не было отвѣтственности министров, какая требовалась даже „кадетами"), и об из'ятіи из вѣдѣнія Думы вопросов о порядках в арміи и флотѣ, о расходах на придворную жизнь и подачки царя из народных денег и т. п.

В Думѣ большинство составилось из убѣжденных и послѣдовательных „кадетов". Рядом с ними слѣва стояла „Трудовая Группа", об'единившая в себѣ депутатов - крестьян, требовавших коренных демократических реформ и передачи земли народу; позже образовалась еще небольшая группа соціал-демократов. „Правых" было в Думѣ совсѣм немного, и то это были либо безпартійные, сѣрые крестьяне, либо умѣренные либералы-земцы из бар - стариков.

Дума единодушно требовала амнистіи на первом же засѣданіи, в „адресѣ" государю она говорила и о свободах и равноправіи граждан без исключенія женщин, о всеобщем избирательном правѣ, уничтоженіи смертной казни, земельной реформѣ на основѣ принудительнаго отчужденія земли в пользу трудящихся, рабочем законодательствѣ, реформах в арміи и флотѣ,, переложеніи налогов на богатых, требовали суда над палачами свободы и черносотенцами, прекращенія произвола властей, обысков, арестов и пр.

Дума работала довольно единодушно и выработала много проектов коренных преобразованій, но правительство не обращало на нее никакого вниманія. Царь не принял лично предсѣдателя Думы, проф. Муромцева, с адресом. Министр Горемыкин, старый чиновник-холоп царя, отвѣтил на адрес Думы, что она мѣшается не в свое дѣло, в „основные законы", что собственность на землю священна и неприкосновенна, что правительство чинит суд и расправы „по существующим законам", усмиряя бунтовщиков. Во время засѣданій Думы продолжались аресты, высылки и казни (Дума даже вынуждена была освистать и выгнать военнаго прокурора Павлова, скоро убитаго революціонерами, когда он явился оправдывать палачество).

Во время засѣданій Думы был устроен еврейскій погром в Бѣлостокѣ, созданный переодѣтыми сыщиками, и виновники его, несмотря на разслѣдованіе Думы, остались безнаказаны. Черносотенцы продолжали безчинствовать, и в „Правительственном Вѣстникѣ" печатались сфабрикованные „союзами русских людей" вѣрноподданческія телеграммы царю с просьбами обуздать и разогнать крамольную, инородческую Думу, править землею попрежнему.

Особенно же рѣзко разошлось царское правительство и Дума по вопросу о землѣ. Правительство опубликовало сообщеніе к народу, причем составило его так, что выходило, будто и Дума так хачет, и этим думало поссорить Думу с крестьянством. Депутаты выработали свое воззваніе - отчет о работѣ и обѣщаніе передать землю народу, тогда правительство распустило Думу и назначило созыв новой по выборам только на 20-е февраля 1907 г.

Депутаты собрались в г. Выборгѣ и выработали воззваніе к народу о неплатежѣ податей и невыдачѣ рекрут. Но воззваніе не имѣло успѣха, да и сами депутаты - кадеты не старались осуществить его требованія в жизни. Революціонныя партіи пытались поднять возстанія моряков в Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, вспыхивали кое-гдѣ рабочія и крестьянскія волненія, но все было быстро подавлено.

Через нѣсколько дней послѣ закрытія Думы был убит черносотенцами в Финляндіи кадетскій депутат профессор-экономист Герценштейн, главный защитник проектов Думы о передачи земли крестьянам, особенно рѣзко споривший с министрами. Финляндскій

суд раскрыл убійц, видных членов „союза русскаго народа", но правительство сумѣло „затушить" дѣло.

Во главѣ правительства стал министр Столыпин, человѣк не особенно умный, но властный, жестокій и хитрый. Он установил особые „военно-полевые" суды для революціонеров, которые могли всѣх заподозрѣнных приговаривать и вѣшать в нѣсколько часов. „Суды" сейчас же пошли в ход, и погибло множество невинных.

Л. Н. Толстой, не мог мириться с узаконенным злодѣяніем правительства, и в воплѣ „Не могу молчать!" просил „намыленную веревку" на свою старческую шею.

Россія покрылась висѣлицами. Революціонеры не сдавались, ими было убито нѣсколько видных палачей; „максималисты" взорвали дачу Столыпина, но он остался жив.

Вообще революціонное движеніе приняло безпорядочный характер. Особенно много зла принесли так называемыя „экспропріаціи", т. е. захваты вооруженной силой денежных сумм. Первыя крупныя экспропріаціи, совершенныя тѣми же максималистами (напр. в Московском банкѣ и в Фонарном переулкѣ, в Петербургѣ, из перевозившихся в казначейство денег и др.), еще имѣли оправданіе, т. к. деньги были обращены на революціонное движеніе. Но сейчас же начались просто массовые грабежи частных, и притом, даже очень ничтожных сумм, просто в пользу грабителей. Революція смѣшалась с уголовщиной, и наступил нравственный развал во всѣх организаціях.

Другим провленіем этого развала были постоянные доносы, выдававшіе товарищей по партіи; к движенію многіе примкнули несознательно, правительство запугивая одних и соблазняя других деньгами, проникало внутрь революціонных организацій и разрушало их. Началась (существовавшая и раньше) систематическая провокація, агенты охраны притворялись крайними революціонерами, подбивали горячую молодежь на покушенія и грабежи, а потом выдавали всѣх головой и получали награду. Судьба каждаго человѣка оказалась в руках невѣжественных и преступных сыщиков, которые даже правительству служили ради личных выгод и готовы были все продать за деньги.

Черносотенцы тоже старались заработать на крови своих жертв и устраивали поддѣльныя покушенія, выстрѣлы и т. п., вызывали погромы.

Осенью 1906 г. состоялось много политических процессов за „революцію", многіе были осуждены, Шлиссельбург и Сибирь снова наполнились жертвами произвола. Члены Совѣта Рабочих Депутатов были сосланы на поселеніе в Сибирь, так как не удалось доказать, что они призывали к возстанію. Перводумцы - „Выборжцы" приговорены к трехмѣсячному тюремному заключенію и лишены избирательных прав. В такой ужасной обстановкѣ прошли выборы во 2-ю Думу. Невѣроятными беззаконіями и нарушеніями свободы избирателей отдѣлалось правительство от нежелательных ему людей.

Для того, чтобы ослабить тягу крестьян к землѣ и перессорить их между собой, Столыпин издал „указ 9-го ноября 1906 г.", которым разрѣшалось всякому желающему члену сельской земельной общины „выдѣляться" из нея, вмѣстѣ с принадлежащим ему участком общинной земли, который закрѣплялся за ним в собственность, выходить „на отруба" или переселяться „на хутора". Выдѣлы не только поощрялись наградами „отрубникам" и устраивавшим их чиновникам, но прямо вынуждались начальством, община была об'явлена „крамольным" учрежденіем, передѣлы земли затруднялись, а гдѣ их давно не было, запрещались впредь, так что каждый получал в собственность тот участок земли, каким владѣл сейчас. Земля была пущена в продажу, заклад и проч. Особые чиновники - „землеустроители" должны были стараться о скорѣйшем выполненіи желаній правительства, которое надѣялось таким путем создать „сильных", хозяйственных мужиков, преданных царю-благодѣтелю и готовых всегда обуздать «смутьянов», требующих передѣла земли.

Много крестьян было раззорено этим законом, много внес он вражды и злобы в деревню, разстроил хозяйство и не поднял, а подорвал земледѣліе.

Вторая Дума вообще была очень разнородна по составу. Туда удалось пройти довольно большой групиѣ черносотенцев и озлобленных на революцію помѣщиков - „октябристов", кадетов же прошло гораздо меньше, чѣм в первую Думу, лучшія их силы были взяты по дѣлу о выборгском воззваніи, да вообще партія эта замѣтно „поправѣла", главную роль в ней стали играть уже не ученые „жрецы свободы", а зажиточные помѣщики и промышленники, напуганные революціей. Лѣвые приняли участіе в выборах в Думу и прошли в довольно большом количествѣ, особенно крестьян из Трудовой Группы и Крестьянскаго Союза, а также „с-д", „н-с" и „с-ры". Но между ними не было никакого единодушія, каждая группа стояла на своем, и не умѣли они уступать друг другу во имя общаго, главнаго дѣла, да и народ уже был „рядовой", — лучшіе люди были всѣ „из'яты".

Правительство рѣшило не церемониться с депутатами. Уже раньше оно их арестовывало, обыскивало, вопреки закону о „неприкосновенности", потребовало увольненія заподозрѣнных. Теперь оно воспользовалось попыткой кружка неопытной молодежи соціал-революціонеров, пытавшихся организовать покушеніе на царя Николая и схваченных полиціей в самом началѣ подготовленій (сама инціатива этого „заговора" выходила от агентов-провокаторов), чтобы бросить тѣнь на всю думскую фракцію депутатов соціал-революціонеров и заставить Думу вынести порицаніе террору (вся лѣвая, т. е. большинство, удалилась в знак протеста из этого засѣданія).

Еще болѣе скверную шутку сыграло правительство с соціал-демократами через агентов - провокаторов: оно уговорило солдат принести в помѣщеніе этой фракціи революціонный «наказ», арестовало их там, обвиняло фракцію в подготовкѣ военнаго заговора среди солдат и требовало у Думы выдачи всѣх 34-х депутатов соціал-демократов. Дума не согласилась и была распущена.

Немедленно вслѣд за ея роспуском был издан новый избирательный закон (в нарушеніе самих же правительством установленных „основных" законов). Этот закон (3-го іюня 1907 г.) лишил совершенно права голоса цѣлыя области (Восточную Сибирь, Степной край, Туркестан), сократил число депутатов от Польши, Кавказа и Западной Сибири до одного, а то и меньше на губернію, ввел обязательное представительство „русскаго населенія" на окраинах (в Польшѣ, Западном краѣ, Закавказьѣ), хотя бы там их было очень мало, одни чиновники и всячески ограничил права „инородцев". Обязательное представительство крестьян было уничтожено, усилено представительство помѣщиков и богатых, так что в городах „первая курія" из богатых посылала половину депутатов, а все остальное населеніе всего лишь половину.

Много еще других было в этом законѣ введено способов, чтобы создать „послушную" Думу, и все-таки выборы еще были не свободны, проходили под надзором и насиліями полиціи. Большинство этой 3-й Думы были помѣщики - черносотенцы и „октябристы". Дума „мирно" протянула свои пять лѣт и во всем потакала правительству. Она ограничила автономію Финляндіи, подчинив ее русским чиновникам, поддерживала «охранников», одобряла всякія безобразія, утвердила закон о разрушеніи общины и многое другое. Всѣ же законы о „свободах", напр. о свободѣ совѣсти, о сектантах, о страховых „больничных кассах" для рабочих и т. п., изуродовала так, чтобы они не дали возможности народу развить свою самостоятельность.

Однако и эта Дума иногда протестовала против дѣйствій правительства, оно ее распустило напримѣр на нѣсколько дней, когда Дума не утвердила правительственный законопроект о земствѣ для Западнаго края, спеціально созданный для усиленія „русской" власти над поляками, литовцами и евреями. Очень скандальныя засѣданія были в Думѣ тогда, когда раскрылось дѣло знаменитаго провокатора Евно Азева. Оказалось, что в Центральном Комитетѣ партіи соціалистов - революціонеров давно уже сидѣл агент правительства, который одной рукой организовал покушеніе и убійства на министров (Плеве, в. к. Сергѣя, заговор 1907 г.), а другой выдавал товарищей. Этот агент, Азев, был авантюрист, он обманывал и правительство и партію, но все же самый факт пребы-

ванія в „сотрудниках" правительства завѣдомаго террориста был ярким доказательством разложенія всей системы. Правда, послушная Дума удовлетворилась об'ясненіями правительства по этому дѣлу, а правительство поспѣшило сослать на поселеніе своего же бывшаго министра полиціи Лопухина, который был возмущен дѣйствіями Азева и выдал его предательство революціонерам. Скоро вслѣд за тѣм революціонер Петров (Воскресенскій), поступившій в „охрану" с цѣлью разрушенія ея продѣлок, взорвал начальника петербургской охраны, а в 1911 г. другой охранник-террорист, Богров убил самого Столыпина (в Кіевѣ, в театрѣ, в присутствіи царя).

Затѣм произошло жестокое избіеніе политических на Зерентуйской каторгѣ, во время котораго погиб Егор Сазонов. Молодежь возмутилась. Многіе студенты были исключены и сосланы. Нѣкоторые профессора, в знак протеста, покинули свои кафедры.

Учебныя заведенія были снова подчинены надзору полиціи, общества и сходки запрещены. В 1910 г. в университетах поднялись волненія послѣ смерти Льва Толстого, который пользовался уваженіем всего общества, как его учитель, а правительство запрещало служить по нем панихиду, как по отлученном от церкви. Толстого похоронили без обрядов церкви, и молодежь организовала в его память демонстрацію против смертной казни.

Царь Николай, проявившій себя жестоким самодуром, суевѣрный, окружал себя разными проходимцами, которые и вершали всѣ государственныя дѣла.

Из таких проходимцев особенно выдвинулся с 1903 года «старец» Григорій Распутин—Новых, бывшій сибирскій конокрад, безграмотный, развратный мужик. Этот«праведник» придумывал особыя «искушенія» в видѣ хожденія в баню с великосвѣтскими поклонницами, пьянствовал, распутствовал. Царь и царица Александра Федоровна, бывшая Алиса Гессенская, во всем ему вѣрили. Царица была горячей поклонницей Распутина. Двор был им превращен в сумасшедшій и развратный притон.

Мукам народа не было конца. 4 апрѣля 1912 г. произошла бойня над безоружными рабочими Ленских золотых пріисков за то, что они забастовали, чтоб добиться человѣческих прав. В общественном разслѣдованіи между другими принял горячее участіе и адвокат Александр Федорович **Керенскій.**

Вмѣсто наказанія палачей, виновность которых была обнаружена, правительство старалось предать суду рабочих за «нападеніе» на войска, а вожаков забастовки за революціонную агитацію.

По всюду возмущеніе и протест выразился волной забастовок.

Осенью того же года правительство составило четвертую Думу из угодных ему депутатов, между которыми оказалось много черносотенных священников. Социал-демократов попало меньше, а кадетов немного больше. Вождем лѣвых был соц.-революціонер А. Керенскій, об'единившій соціалистов и ярко выступившій против правительства.

В 1914 году правительство натравило темный народ на евреев, возбудив громкій процесс против еврея Бейлиса, приказчика кирпичнаго завода, котораго обвинили в том, что для «религіозных цѣлей» он близ Кіева убил крестьянскаго мальчика Андрея Ющинскаго. Вся Европа и русская интеллигенція запротестовала против этого гнуснаго процесса. Присяжные оправдали Бейлиса.

Осенью того же года заволновались рабочіе в столицах на почвѣ экономических и политических требованій. Дошло до баррикад и перестрѣлок. Запахло второй революціей, но в это время началась великая **европейская война**, давшая в результатѣ небывалый в исторіи политическій переворот.

ГЛАВА X.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И ПАДЕНІЕ ЦАРИЗМА.

ВОЙНА эта началась конфликтом между Австріей и Сербіей. находившимися под австрійской властью, в одно государство. Сербы стремились об'единиться со своими единоплеменниками, Хищная Австрія, в наказаніе за это, вздумала подчинить себѣ всю Сербію. Австрійскіе сербы, желая избавиться от тяжелаго ярма Габсбургов, принуждены были бороться против них террористическими актами.

В іюлѣ 1914 года, в Сараевѣ, столицѣ Босніи, бомбой была убита австрійская наслѣдная чета. Австрія обвинила Сербію в сношеніях с заговорщиками и потребовала от нея унизительных уступок. Слабая Сербія была вынуждена подчиниться, но Австрія все-таки придралась к мелочи и об'явила ей войну.

Русское правительство, испугавшись надвигающейся над Россіей грозы революціи и желая ее разсѣять, воспользовалась удобным случаем и выступила «на помощь» сербам. Германія присоединившись к Австріи, об'явила войну Россіи и одновременно напала на Францію.

Вот таким образом началась европейская война, в которую впослѣдствіи вступила Англія, Италія, Соединенные Штаты, а к Германіи и Австріи присоединились Турція и Румынія.

Эта война милліонам людей принесла неисчислимыя бѣды, но вмѣстѣ с тѣм темным людям она широко раскрыла глаза.

Россія подверглась нападенію сильнаго врага. Правительство, чтоб подавить внутреннее движеніе, под предлогом военнаго положенія и необходимости «единенія» для спасенія отечества, закрыло всѣ рабочіе клубы, общества, газеты, натравило населеніе на весь нѣмецкій народ, виновный будто во всѣх дѣяніях германскаго правительства, помѣщиков и капиталистов.

Даже соціалисты сначала поддались угару національизма. Разрыв с Германіей, союзницей русскаго царизма и реакціи, союз с республиканской Франціей и «демократической» Англіей, несчастное положеніе Сербіи, Бельгіи, а позже Польши, — все это казалось достойным жертв, усилій. Всѣ ждали в результатѣ внутренняго обновленія, демократизаціи самой Россіи.

Соціалисты в Думѣ потребовали амнистіи, свободы, равноправія для всѣх народностей Россіи, доказывая, что только такой акт правительства сможет сплотить страну, вызовет под'ем, жажду, защитить свое отечество.

Другіе говорили, что не только Германія, но и Россія и Франція и Англія также виноваты, что онѣ сами готовились к войнѣ с завоевательными цѣлями, но были застигнуты в расплох, и что нечего поэтому всю вину валить на ни в чем неповинный, порабощенный, нѣмецкій народ; что союзники, разгромив хищное германское правительство, не дадут своим народам свободы, а займут его мѣсто.

Соціалистическая партія требовала прекращенія войны путем возобновленія Интернаціонала и созыва соціалистическаго конгресса. Но многіе соціалисты, соглашаясь с этим, все таки находили, что прежде всего необходимо отразить натиск врагов, чтобы не попасть под чужеземную власть.

Оказалось, что царь и его двор тайно затѣял соглашеніе с нѣмецким кайзером и предают таким образом Россію.

Нельзя было ожидать от правительства защиты страны, так как оно выказало себя для этого неспособным. Министры и чиновники думали о тепленьких мѣстечках, о казенных подрядах для собственной наживы. Не имѣя аммуниціи отступали не только из завоеванных уже областей, но и из Польши, Литвы. Военный ми-

нистр Сухомлинов, штабный полковник Мясоѣдов, комендант крѣпости Ковно Григорьев оказались предателями. В завоеванной Галиціи безчинствовали черносотенные попы и чиновники, обирая населеніе, тѣсня евреев и принуждая уніатов-галичан отказываться от своей религіи и языка. В войсках за малѣйшее подозрѣніе в неблагонадежности разстрѣливали. Пограничное населеніе обвиняли в шпіонствѣ. Рабочіе за малѣйшую повинность ссылались на фронт. Началась хозяйственная разруха. Не хватило предметов первой необходимости. Желѣзныя дороги были завалены грузами придворных спекулянтов. Банки припрятали хлѣб и сахар для повышенія цѣны. Опасаясь общественной самостоятельности, революціонной пропаганды, правительство не разрѣшило организовать продовольствіе, стѣснило Земскій и Городской союзы в работѣ для больных и раненых, затруднило дѣятельность военно-промышленных комитетов, особенно рабочих групп.

Вот так правила в это время Россіей банда таких проходимцев и предателей, как министр Протопопов, Штюрмер и Бѣляев, митрополит Питирим, Манасевич-Мануилов и другія темныя личности во главѣ с Распутиным.

Еще осенью 1915 г., послѣ измѣны Сухомлинова, Дума очнулась. Образовался «прогрессивный блок», потребовавшій реформ. Черносотенцы, конечно, не примкнули к ним. Лѣвые депутаты не входя в блок, поддерживали требованія, но находили их недостаточными. Дума, составленная по закону 3 іюня, по их мнѣнію, не являлась голосом всей страны. Они указывали на то, что рѣшительное слово должна сказать страна, народ, демократія.

Так и случилось. Дума обличила всѣ безобразія правительства. Земскія, городскія, военнопромышленныя и даже дворянскія организаціи и Государственный Совѣт высказались за невозможность продолжать войну и хозяйство страны, пока во главѣ правительства такіе люди.

И в это самое время был убит Распутин и брошен в прорубь рѣки. Он пал от руки великосвѣтских заговорщиков (великих князей и их родственников). Всѣм стало ясно, что неисчислимыя бѣдствія народа вызвало прогнившее самодержавіе, царь с царицей и всѣ его прислужники.

Наступил момент, когда всѣ пришли к заключенію, что для спасенія Россіи необходим **государственный переворот.**

Когда в февралѣ 1917 г. рабочіе вышли на улицу с экономическими и политическими требованіями, Дума рѣшила их поддержать. Царь приказал распустить Думу 27 февраля и этим ускорил переворот.

Дума не подчинилась. Ее поддержали рабочіе и петроградскія войска. Им приказано было усмирить бунт, но они отказались и перешли на сторону народа. Дума стала центром революціи.

Быстро организовался в то время **Совѣт Рабочих Депутатов,** который по соглашенію с думским Временным Комитетом, из предсѣдателей всѣх фракцій, образовал **Временное Правительство** из депутатов Думы и общественных дѣятелей, в числѣ их и соціалиста Керенскаго.

Захватив власть, Временное Правительство заставило Николая II-го отречься от престола.

Таким образом, послѣ вѣковаго освободительнаго движенія, на алтарь котораго было принесено столько жертв, пало, наконец, русское самодержавіе, державшее столько вѣков под тяжелым игом многострадальный русскій народ.

ПЕРВОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Слева направо:
П. Н. Милюков, Князь Г. Е. Львов, А. Ф. Керенскій. Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, Проф. Мануйлов, А. И. Гучков, А. И. Шингарев, А. И. Терещенко. И. К. Годнев, В. Н. Львов, Ф. И. Родичев.

ТРЕТЬЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

1) А. Ф. Керенскій.
2) М. И. Терещенко.
3) А. М. Никитин.
4) А. В. Ливеровскій.
5) М. В. Бернацкій.
6) Н. М. Кишкин.
7) А. И. Коновалов.
8) С. Смирнов.
9) С. Н. Прокопович.
10) С. С. Маслов.
11) С. Третьяков.
12) В. М. Малянтович.
13) Ген. Верховской.
14) Ген. Вердеревскій.
15) Н. Гвоздев.
16) С. Салазкин.
17) А. Карташев.

ВТОРОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

1) А. Ф. Керенскій, 2) Князь Г. Е. Львов, 3) М. Терещенко, 4) А. Мануйлов, 5) П. Переверзев, 6) В. Чернов, 7) А. Пѣшехонов, 8) А. Шингарев, 9) А. Коновалов, 10) Н. Некрасов, 11) И. Церетелли, 12) М. Скобелев, 13) И. Годнев, 14) В. Львов, и 15) Князь Д. Шаховской.

ГЛАВА XI.

НИКОЛАЙ ЛЕНИН.

НИКОЛАЙ ЛЕНИН (Владимір Ильич Ульянов) род. 10 апрѣля 1870 года в городѣ Симбирскѣ. Отец его, родом крестьянин, был директором народных училищ.

По окончаніи гимназіи Вл. Ильич поступил на юридическій факультет Казанскаго Университета. Столичные университеты были для него закрыты, потому что его старшій брат Александр Ульянов был казнен в 1887 году за участіе в покушеніи на убійство Александра III. Через мѣсяц Владиміра Ильича исключили из университета за участіе в студенческом революціонном движеніи, но через четыре года он сдал экзамен за всѣ курсы.

Юридическая карьера не прельстила Ленина. Казнь брата вызвала в нем неудержимое стремленіе к революціонной дѣятельности.

Ленин не был народовольцем, но с глубоким уваженіем относился к этой плеядѣ революціонных дѣятелей. Он стал извѣстен, благодаря борьбѣ против революціоннаго народничества. Он говорил, что слѣдует повести дальше то дѣло, которое начал Желябов, что необходимо стать **революціонными марксистами**, дышать одной грудью с рабочим классом, с тѣм классом, который не может освободить себя, не освободивши весь мір.

Первая часть дѣятельности Ленина прошла среди интеллигенціи, в студенческих кружках. Затѣм он появился в Петроградѣ, гдѣ еще трудно было найти марксистов. Народники тогда владѣли умами всей интеллигенціи, а рабочій класс только начал пріобщаться к политической жизни.

Через два года Ленину в Петроградѣ удалось сплотить вокруг себя первые рабочіе кружки и первую группу интеллигентов-марксистов и под псевдонимом Ильина выступил с рядом блестящих статей по экономическим вопросам против вождя народников Н. К. Михайловскаго, и его имя сразу становится извѣстным.

Вслѣд затѣм он создает «Союз борьбы за освобожденіе рабочаго класса», которому отдался со всей присущей ему страстностью, несмотря на недружелюбное отношеніе к нему со стороны революціонной интеллигенціи.

Послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, Ленин был отправлен в ссылку, гдѣ между прочими научно-литературными трудами написал брошюру «Задача русских соц.-демократов».

— Мы не должны ждать, писал он в ней, с созданіем рабочей партіи в Россіи до тѣх пор, пока завоюем политическія свободы. Мы отстали от Европы на сто лѣт не для того, чтоб теперь дожидаться с организаціей рабочей партіи, пока наша буржуазія встанет у власти. Именно сейчас, под гнетом царизма, мы должны создавать самостоятельную классовую соціалистическую партію рабочих.

Аксельрод, один из группы «Освобжденія труда» в Швейцаріи, прочитав пересланную туда рукопись, сказал, что впервые послѣ Плеханова появляется вождь, **практик** рабочаго движенія, что Ленин —сила, которой обезпечена громадное будущее.

Отправившись послѣ ссылки заграницу, Ленин приступил вмѣстѣ с Мартовым и Потресовым к изданію газеты «Искра», в которой, между прочим, выступил со статьей «С чего начать». В ней он развил ближайшую программу рабочаго движенія и русской революціи. В ней заключалась квинт-эссенція нынѣшняго большевизма. В другой статьѣ «Что дѣлать» он болѣе подробно поставил и разрѣшил всѣ наболѣвшіе вопросы движенія тогдашной эпохи. Эта книга будила мысль, вызывала страстные споры, и в результатѣ получился раскол на два непримиримых лагеря: большевиков и меньшевиков. С рѣзкой критикой отнесся в ней Ленин к дѣятельности эс-эров, которых назвал «революціонными авантюристами» и представителями мелкой буржуазіи.

«Искра» занялась также и организаціонной работой для созданія рабочей партіи. Ленин с этой цѣлью образовал Организаціонный Комитет при газетѣ.

В 1903 году послѣ второго с'ѣзда партіи, Ленин поднял знамя

борьбы против Плеханова, Засулич, Дейча, Мартова и Аксельрода и рѣшил с ними разойтись.

«Искра» перешла к меньшевикам, и Ленин создал первую большевистскую газету «Вперед».

Лѣтом 1905 года был созван первый с'ѣзд большевиков, под именем — третій с'ѣзд Р. С. Д. Р. П., первый историческій с'ѣзд, который заложил фундамент нынѣшней коммунистической партіи.

Наканунѣ этого с'ѣзда Бебель пытался примирить оба соціалистических крыла, предложив третейскій суд, но с'ѣзд, прочитав письмо Бебеля, отвѣтил:

— Мы высоко уважаем тов. Бебеля, но по вопросу о том, как вести борьбу в нашей странѣ против царя и буржуазіи, позвольте нам имѣть свое мнѣніе.

В 1905 году первый Петроградскій Совѣт Рабочих Депутатов был создан меньшевиками, но когда рабочій класс почувствовал, что создавать Совѣты — означает бороться за власть, он стал большевистским.

Московское вооруженное возстаніе 1905 г., затѣянное вождями большевиков, не удалось. Плеханов осуждал за это большевиков, а Ленин старался изучить причины этой неудачи и пришел к заключенію, что Совѣты—организація, которая открывает новую страницу в исторіи международнаго пролетаріата и всего человѣчества.

Послѣ 1906 года, наступило затишье, мрачная эпоха контр-революціи. Ленин и другіе вожди переѣхали в Женеву, в Париж, гдѣ скоро стали выходить нелегальныя газеты «Пролетарій» и «Соціал-Демократ». Старые вожди ни во что больше не вѣрили.

И в это время Ленин жил, как нищій, хворал, недоѣдал, но был бодр, как никто. Он собрал тѣсный кружок борцов, которым говорил: не унывайте, черные дни пройдут, мутная волна схлынет, и мы будем опять на гребнѣ волны, рабочая революція возродится.

Насмѣшки сыпались на Ленина со всѣх сторон, но он не унывал; старые вожди, вродѣ Аксельрода, пѣли отходную революціи, а Ленин засѣл в библіотеку за своего любимаго Маркса и подвинул ученіе марксизма вперед, примѣнил его к условіям новой, чреватой богатѣйшими послѣдствіями, эпохи,

За два года он успѣл дать серьезный труд по философіи. Эта книга закладывала основы коммунизма.

В 1911 году рабочее движеніе начинает возрождаться. В Думѣ появилась рабочая фракція. Ленин нѣскольким пріѣхавшим рабочим давал уроки парламентаризма. Одному из них, Бадаеву, понадобилось посовѣтоваться с ним по поводу бюджета, обсудить какой то кадетской законопроэкт, а Ленин ему отвѣтил:

— Зачѣм тебѣ «бюджет», кадетскій «законопроэкт»? Ты, чай, рабочій, а Дума для зубров. Ты выйди и скажи на всю Россію попросту про рабочую жизнь. Обрисуй ужасы капиталистической каторги, зови рабочих на революцію и брось этой черной Думѣ в лицо «негодяи и эксплоататоры»! Ты внеси им «законопроэкт» такой, что через три года мы вас, черносотенных помѣщиков, повѣсим на фонарях. Вот это будет настоящій «законопроэкт»!

В 1912 году Ленин с товарищами переѣхал в Краков, гдѣ стали издавать газету «Правда» и «Звѣзда». Это были первыя ласточки грядущей коммунистической весны.

Об'явленная война и крах 2-го Интернаціонала рѣзко отразились на Ленинѣ. Он был поражен, когда узнал, что германскіе соціал-демократы голосовали за войну. Партія выпустила написанный Лениным манифест, который привел в ужас противников словами, что: «имперіалистическую войну надо превратить в гражданскую войну».

1915—1917 годы Ленин провел в Швейцаріи. Живя в Цюрихѣ, в квартирѣ сапожника, почти на чердакѣ, он старался каждому втолковать, что необходимо бороться против имперіалистической войни до тѣх пор, пока рабочій класс не уничтожит имперіалистов.

Послѣ паденія царизма Ленин выѣхал в Россію. Австрійское правительство арестовало его, он просидѣл 2 недѣли в кордегардіи, и, наконец, он с товарищами очутился в Петроградѣ, гдѣ скоро и был совершен величайшій историческій переворот.

Совѣтская Россія нашла в Ленинѣ не только своего пламеннаго пропагандиста, но и своего главнаго политическаго вождя, практика, организатора, главнаго теоретика, своего Карла Маркса.

Октябрьская революція и роль в ней коммунистической партіи есть на 9-десятых дѣло рук Николая Ленина,

ГЛАВА XII.

СВЕРЖЕНІЕ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Образовавшееся Временное Правительство не с'умѣло ни удовлетворить всѣм требованіям революціонной массы ни разбить эту массу пушками и штыками.

Начиная с февраля, когда, вслѣдствіе волненія среди рабочих и солдат, испуганная Государственная Дума поспѣшила захватить верховную власть, всѣ послѣдовавшія перемѣны совершались по требованію рабочих, солдат и крестьян. Они свергли министерство Милюкова. Совѣт Рабочих и Солдатских Депутатов об'явил міру россійскія условія мира с нѣмцами без контрибуціи, а в іюлѣ потребовали передачи власти Совѣту Рабочих и Солд. Депутатов, потому что Временное Правительство оказалось неспособным. Оно игнорировало требованія революціонной массы, которая была под вліяніем большевиков. Напрасно Временное Правительство различными репрессіями стремилось уничтожить это движеніе, сыпало на большевиков грязныя обвиненія в предательствѣ, шпіонствѣ и прогерманизмѣ. Арестованных большевиков пришлось освободить за отсутствіем доказательств.

Между тѣм сила и вліяніе большевиков с каждым днем разростались. Совѣт Рабочих и Солд. Депутатов требовал немедленнаго заключенія мира с нѣмцами, передачи земли земельным крестьянским комитетам и контроля рабочих над индустріей. Он требовал, главным образом, чтоб у власти до Учредительнаго Собранія стоял Совѣт без коалиціи с буржуями. Нѣкоторые в Совѣтѣ голосовали против такой резолюціи.

В то время, когда меньшевики и эс-эры занялись вопросами о компромиссѣ с буржуями, большевики старались привлекать на свою сторону широкія массы.

В іюлѣ большевиков многіе преслѣдовали, ненавидѣли, а в сентябрѣ к ним примкнули всѣ рабочіе, балтійскіе матросы и вся армія.

Временное Правительство, наперекор требованіям мира, в іюлѣ отдало приказ о наступленіи на Галицію, распустило назначенные крестьянскіе комитеты, когда тѣ лѣтом стали распредѣлять земельные участки, а членов арестовало.

Это вызвало огромные безпорядки, а Временное Правительство отвѣтило казацкими нагайками.

Армія была деморализована, вслѣдствіе недовѣрія к офицерам, и правительство пыталось разогнать солдатскіе комитеты и ввести в армію смертную казнь за неповиновеніе.

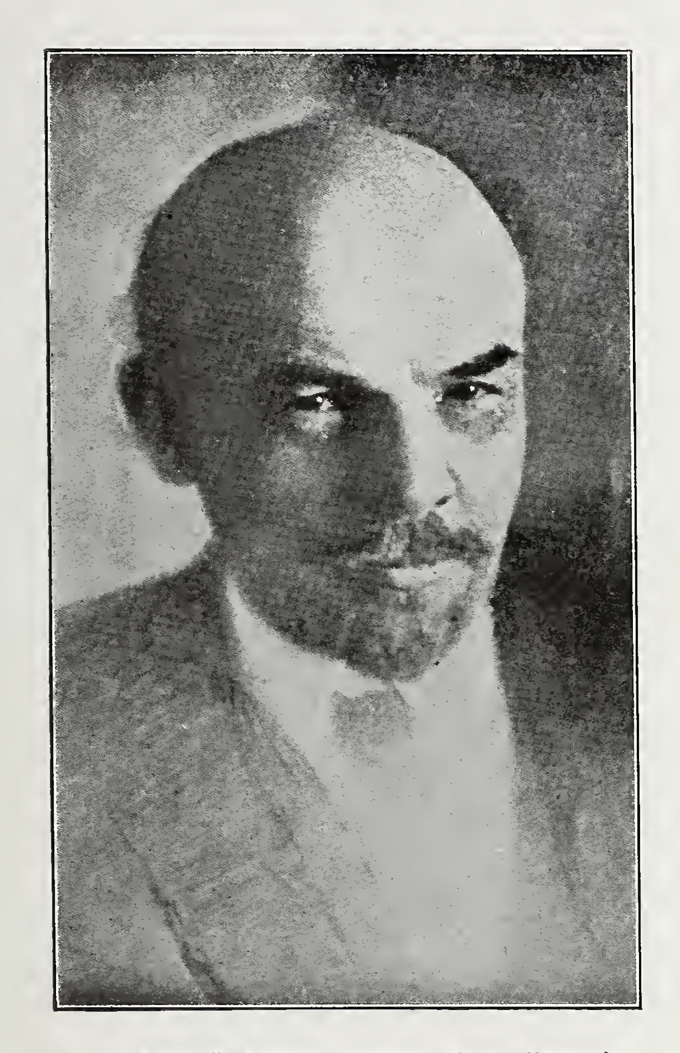
Индустрія была совершенно реорганизована в борьбѣ между фабрикантами и рабочими, но Временное Правительство, вмѣсто того, чтоб взять под свой контроль всѣ фабрики и использовать демократическіе рабочіе союзы, старалось, в лицѣ министра труда Скобелева, уничтожить фабрично-заводскіе комитеты.

Солдаты, вмѣсто того, чтоб наступать на Галицію, стали брататься с нѣмецкими солдатами, и довѣріе арміи к офицерам погибло безвозвратно.

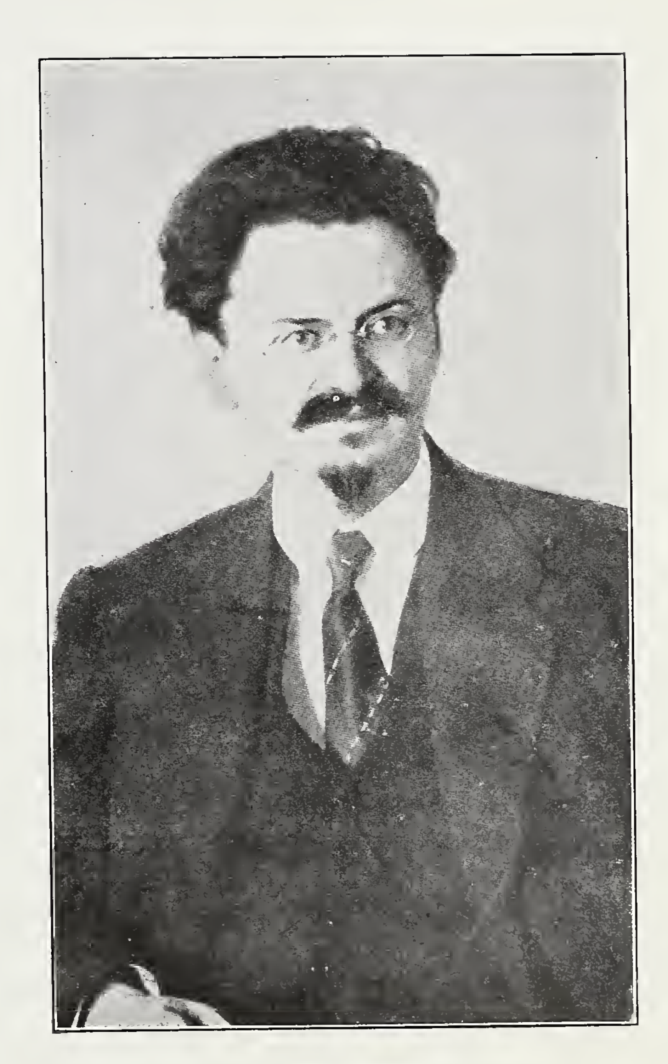
Затѣм послѣ паденія Риги поднял контр-революціонное возстаніе генерал Корнилов, который пошел на Петроград с цѣлью об'явить себя военным диктатором, и Керенскій, душа Временнаго Правительства, был замѣшан в эту затѣю.

Все это повело к тому, что народ потерял всякое довѣріе к Керенскому, а слѣд. и к Временному Правительству.

Центральный Исполнительный Комитет всѣх образовавшихся учрежденія контроля над Временным Правительством, но, опасаясь Совѣтов предложил созвать всероссійскій Конгресс в Петроградѣ для

НИКОЛАЙ ЛЕНИН (Владимiр Ильич Ульянов).
Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров.

Лев Троцкiй.
Комиссар по военным дѣлам.

вліянія большевиков, он пригласил в Совѣт и консервативныя организаціи. 5-го октября большинство голосовало за коалиціонное правительство с буржуазным элементом, и таким образом мечта о соціалистическом правительствѣ пропала.

Послѣ предложеннаго Леоном Троцким ранѣе на одном из митингов плана возстанія, большевики отказались поддерживать такое правительство и, в знак протеста, оставили зал Конгресса.

Оставшіеся кадеты, меньшевики и эс-эры, блѣдные, взволнованные кричали вслѣд уходившим большевикам: «вернитесь, безумцы»!

Чрез 3 недѣли вооруженные солдаты и матросы ворвались в зал Конгресса во время засѣданія с криками: «Расходись по домам! Нѣт больше Конгресса, по домам!»

Воздух наполнился слухами о большевистском возстаніи. Агитаторы на фабриках и заводах увѣряли, что контр-революціонное правительство намѣрено открыть фронт нѣмцам и погубить революцію. Николай Ленин выпустил в «Рабочем Пути» громкое воззваніе о вооруженном возстаніи. Реакціонныя газеты требовали безпощадную военную диктатуру для потопленія в крови крайне лѣвых элементов. Бурцев в своей газетѣ совѣтовал устроить патріотическое правительство из трех: Корнилова, Каледина и Керенскаго.

Сначала многіе вожди большевиков предпочитали ждать Учредительнаго Собранія, чѣм прибѣгнуть к возстанію, но сильный голос Ленина продолжал звать к вооруженному возстанію.

Между тѣм недовольство Временным Правительством, особенно Керенским, росло среди народа и арміи.

17-го октября Керенскій отмѣнил смертную казнь в арміи, но было уже поздно.

По приказу Л. Троцкаго, Сестрорѣцкій правительственный оружейный завод доставил нѣсколько тысяч ружей. Рабочіе Петрограда вооружились и сформировались в **красноармейскіе** полки. Правительство отдало приказ об арестѣ всякаго лица, возбуждающаго солдат к вооруженным манифестаціям. Умѣренныя партіи, в том числѣ эс-эры, призывали солдат к неповиновенію Совѣту. «Народный Трибун», орган Пуришкевича, призывал к погромам на евреев и Совѣты.

Между тѣм в помѣщеніе Совѣтов свозилось оружіе, красногвардейцы упражнялись. В Смольном Институтѣ шли митинги Совѣта.

Артиллерійскіе юнкера заняли Зимный Дворец. На улицах показались казачьи патрули и разставлены бронированные автомобили.

Совѣт потребовал присутствія их представителей в штабѣ, но ему отказали.

Полковые представители собрались в Смольном и организовали военно-революціонный комитет, который об'явил, что он больше не признает правительства.

В ночь на 24 октября, по приказу Керенскаго, закрыты типографіи большевистских газет, но через час солдаты от имени военно-революціоннаго комитета открыли их.

Из Кронштадта прибыли матросы. Правительство приказало развести мосты через Неву, но матросы их снова свели.

Во вторник 24 октября по всему Петрограду были расклеены прокламаціи военно-революціоннаго комитета, в которых говорилось о необходимости перехода власти к Совѣтам.

В Смольном выносились резолюціи об отставкѣ Временнаго Правительства.

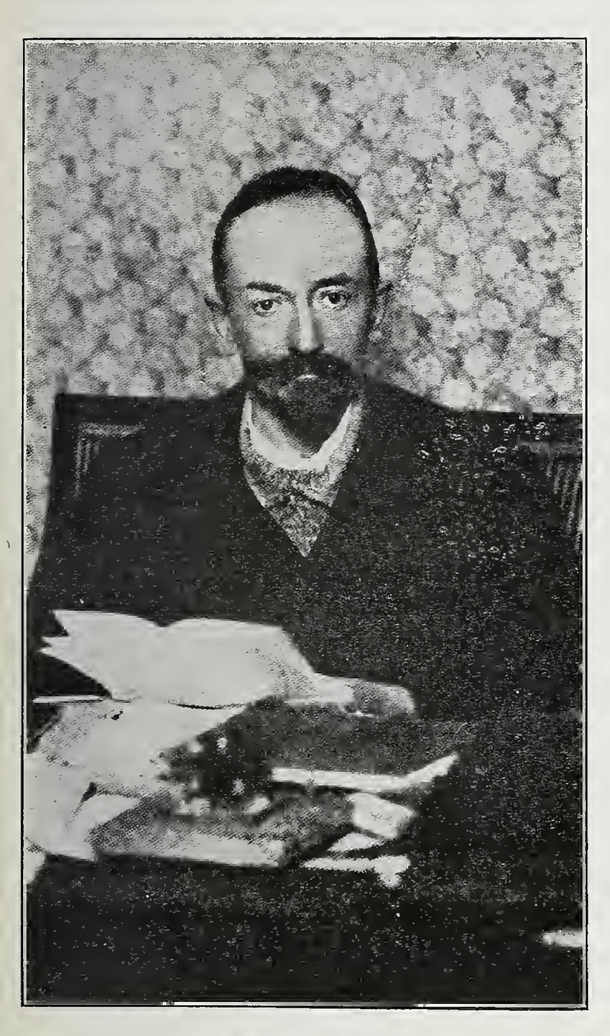
Керенскій рѣшил безпощадно подавить возстаніе большевиков. Вызванные им из Царскаго Села юнкера и казаки из боязни не рѣшились тронуться с мѣста.

Большевистскія войска заняли Государственный Банк, телефонную станцію.

Керенскій бѣжал, и Совѣты оказались у власти.

31 октября, послѣ того, как армія Керенскаго была разбита, Николай Ленин и Леон Троцкій выслали слѣдующую телеграмму:

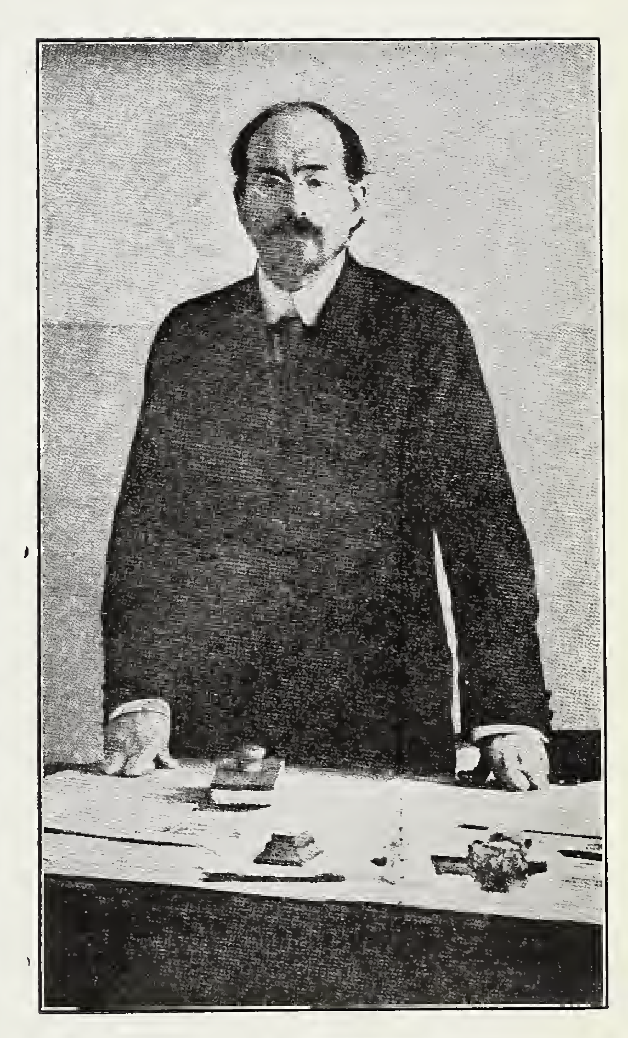
«Товарищи! Привѣт от первой рабочей республики в мірѣ! Мы призываем вас к оружію за интернаціональную соціальн. революцію».

Григорій Чичерин,
Комиссар по иностранным дѣлам.

Григорій Зиновьев,
Комиссар Петроградскаго Совѣта.

А. В. Луначарскій,
Комиссар Народнаго Образованія.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

В **основу** управленія образовавшейся Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики легло **народовластіе** через избранных комиссаров.

Совѣтское правительство с первых же шагов показало, что оно, согласно намѣченной задачѣ, идет навстрѣчу народным нуждам не словами, не обѣщаніями, **а дѣлом.**

В противоположность Временному Правительству, которое, не считаясь с тѣм, что народ измучен, обезсилен войной, продолжало посылать на фронт милліоны жертв, — Совѣтское правительство рѣшило прекратить братоубійственную войну и с этой цѣлью в Брест-Литовскѣ немедленно заключило мир с нѣмцами, не остановившись пред тѣм, что этим вооружит против себя всѣх союзников.

Послѣдніе, конечно, этим актом остались недовольны и подняли шум, что Совѣтское правительство заключило будто для каких-то тайных цѣлей сепаратный мир с врагом.

Но это было только дипломатической уловкой, так как Совѣтское Правительство в данном случаѣ руководилось одной только цѣлью. Оно стремилось скорѣе к миру, чтобы под его покровом взяться за строительство новой, лучшой жизни внутри страны, а затѣм пропагандировать совѣтскій строй и среди народов всего міра.

Именно послѣднее и взбудоражило союзников. Обвиненіе в сепаратном мирѣ с нѣмцами было только маской, под которой скрывалась боязнь, что идея совѣтизма может проникнуть и в капиталистическія страны.

Дѣло в том, что европейская война, затѣяна из-за міровых рынков капиталистами, которым не по душѣ были затѣи Совѣтскаго Правительства. Пока соціалисты занимались пропагандой **теоріи** соціализма, капиталисты мало безпокоились, но когда Совѣтское Правительство стало примѣнять теорію практически **к дѣлу**, когда оно стало національзировать банки, контролировать индустрію, труд, торговлю, руководить всей экономической жизнью страны, чтоб положить конец частной собственности, — міровой капитал пришел в ужас, увидя себя перед глубокой пропастью, в которую рисковал упасть.

Чтоб спасти капиталистическую систему от гибели, капиталисты забили тревогу. Их газеты в самых мрачных красках рисовали анархію в Россіи, «красную» опасность для всего міра, представляли большевиков, как чудовищных экспропріаторов, грабителей и разбойников.

Союзники, движимые чувством «демократизма», отказались признавать правительство «захватчиков», взялись романовскими средствами за искорененіе в своих странах крамолы и рѣшили во что бы то ни стало искоренить корень зла, совѣтизм в Россіи, при помощи «интервенціи» — одни открыто, а другіе под видом помощи «бѣдной» Россіи.

Союзникам очень хотѣлось учить рускій народ «уму-разуму», навязать ему свой «демократическій строй», но всѣ их старанія никаких плодов не принесли.

Скоро они поняли, что им необходимо убрать посланных вооруженных «учителей» из Мурманскаго побережья, юга Россіи и Дальняго Востока.

Мало того, союзники рѣшили достигнуть своей цѣли, если не мытьем, так катаньем. Они об'явили полную блокаду Россіи, чтоб взять совѣтизм измором.

Блокада принесла очень много бѣд и без того измученному многомилліонному русскому народу; но ни нужда, ни голод, ни отсутствіе медикаментов не отвлекали Совѣтскаго Правительства от разумной дѣятельности.

Под скрежет зубовный царя-голода, под грохот орудій, раздававшійся на окраинных фронтах шла кипучая, мирная работа внутри страны.

Устанавливали разумныя условія труда и рабочіе часы, раздавали земли крестьянам, т. е. тѣм, кто ее обрабатывал, прокладывали желѣзныя дороги, администраторами в каждой индустріи назначали самих рабочих, по возможности старались развивать текстильную и другія индустріи, заботились о духовной пищѣ, открывали школы, искоренили рутину преподаванія, выбросив все ненужное, обратили особенное вниманіе на техническое образованіе, открывали народные, доступные для всѣх театры и т. д. На деревни было обращено такое-же неусыпное вниманіе, как и на города.

Еще ярче проявило бы свою дѣятельность Совѣтское Правительство, если б тому сильно не препятствовали вмѣшательства союзников, блокада и, особенно, контр-революціонная дѣятельность различных русских авантюристов, лелѣявших мечту возстановить царизм при поддержкѣ союзников, как напримѣр, Франціи, которая таким образом надѣялась получить в награду различныя концессіи и милліарды франков, взятые взаймы послѣдним Романовым. Многоголовая контр-революціонная гидра грозила Сов. Россіи со всѣх сторон.

С сѣверо-запада генерал Юденич подступил уже к Петрограду. Адмирал Колчак в Омскѣ совершил переворот и сдѣлался диктатором, об'явив себя Верховным Правителем Россіи.

Деникин наступал с своими полчищами с юга.

Поднялась против большевиков и Украйна во главѣ с Скоропадским.

Не дремали и бывшіе члены уничтоженнаго Временнаго Правительства.

В ноябрѣ 1918 г. в Уфѣ образовалось новое Временное Правительство, или иначе Директорія. В нее вошли члены Учредительнаго Собранія, представители всѣх образовавшихся Временных Правительств, казачества, правительство башкиров, киргизов, турко-татар, представители правых соц.-революціонеров, эс-эров-меньшевиков, трудовиков, кадетов, группы «Возрожденія» и «Единство». В Уфимскую Директорію вошли Астров, Авксентьев, генерал Болдырев, Ник. Чайковскій, Вологодскій, Виноградскій и другіе.

В Екатеринбургѣ также собрались члены Временнаго Правительства во главѣ с Черновым.

На сѣверѣ совѣщалось Архангельское Временное Правительство.

Всѣ они задались цѣлью освободить Россію от власти большевиков, уничтожить Брест-Литовскій договор для возстановленія дружбы с союзниками и продолженія войны с нѣмцами.

Вологодскій и Виноградскій скоро перешли на сторону Колчака. Остальные члены Уфимскаго и Екатеринбургскаго Временных Правительств, по приказу Колчака, были арестованы. Одних скоро освободили, а других разстрѣляли.

Гражданская война бушевала по всей Россіи. В центрѣ находились большевики, а кругом их, как бы кольцом, наступали всѣ их внутренніе враги, под видом «спасителей» родины.

В то время, как в мѣстностях занятых большевиками шла культурная работа, в других мѣстах народ стонал.

На Украйнѣ, гдѣ бушевал Петлюра, пронеслась волна погромов на евреев.

Бѣлогвардейцы Юденича, Деникина, Колчака, Семенова и других «благодѣтелей родины», наводили ужас и страх на несчастных жителей. Сжигали деревни, грабили, убивали, глумились над женщинами. Кровь лилась потоками.

И всѣ эти ужасы контр-революціонеры совершали, пользуясь поддержкой союзнической «демократіи», снабжавшей их аммуниціей, деньгами и солдатами.

— «Дайте мнѣ достаточно аммуниціи», — писал Колчак союзникам, — «а я уничтожу всѣх рабочих в Россіи»!

К Колчаку примкнули сначала всѣ чехословацкіе отряды, которые смотрѣли на него, как на спасителя Россіи, вѣря, что он, как

было заявлено, только временный верховный правитель, до Учредительнаго Собранія, но убѣдившись, что их обманули, они оставили Колчака и вернулись на родину.

Колчак мечтал соединиться с Деникиным и Архангельским правительством, чтобы пойти на Москву и нанести рѣшительный удар Совѣтской власти.

Народ в Сибири, на югѣ Россіи, вездѣ, гдѣ только дѣйствовали жестокія контр-революціонныя банды, изнывал, стонал под властью этих народных палачей, и большевизм поэтому в таких мѣстах находил для себя хорошую почву.

Совѣтская Россія, не смотря на неблагопріятныя условія, рук не опустила. Вѣра в правое дѣло, в торжество соціализма придавала ей бодрость духа.

Народная «красная» армія, рѣшивши во что бы то ни стало спасти дѣло революціи, выказала столько стойкости и храбрости, что вызывала удивленіе—и в результатѣ на всѣх внутренних фронтах бѣлогвардейцы были разбиты.

Юденич и Деникин исчезли за-границу, под крыло своих союзных покровителей, а Колчак был пойман и предан казни.

Освободившись от контр-революціонеров и интервенціи союзников, Совѣтское Правительство, игнорируя блокаду, думало уже превратить красноармейцев в мирную, рабочую армію, но для осуществленія этого плана явилось препятствіе.

В Крыму контр-революція опять приподняла свою голову, в лицѣ новаго монархистскаго авантюриста, барона Врангеля, который нашел себѣ покровителя в лицѣ французскаго премьера.

Красная армія, воодушевленная недавней побѣдой над всѣми внутренними врагами, могла бы справиться и с Врангелем; но тут Польша, за которой скрывалась союзническая «демократія», об'явила Совѣтской Россіи войну.

Союзники, особенно Франція, посылкой аммуниціи и солдат, употребляли всѣ усилія, чтоб уничтожить Совѣтизм, грозящій капиталу; но усталая Польша измѣнила своим покровителям и рѣшила вступить с Россіей в мирное переговоры.

Совѣтская Россія теперь накануне мира с Польшей. Красная армія теперь направляет всѣ свои силы против своего послѣдняго внутренняго врага, Врангеля. Затихнет гром орудій, и Совѣтское Правительство вступит на мирный путь культурной работы.

При огромных препятствіях Совѣтское Правительство три года старалось проводить в жизнь соціалистическія идеи. Вслѣдствіе исключительных условій ему пришлось неоднократно прибѣгать к строгому режиму, к рѣшительным крайним мѣрам.

Не нам, современникам, подробно касаться такого, небывалаго еще в исторіи человѣчества, всемірнаго соціальнаго переворота, какой совершили большевики.

Эти событія еще слишком свѣжи. Еще трупы многочисленных жертв не убраны с поля битвы. Еще не зажили многочисленныя раны и не высушены слезы вдов и сирот.

Только будущая Исторія даст этим событіям должную оцѣнку, только она вынесет свой справедливый приговор Совѣтскому Правительству и ея главному вдохновителю, Николаю Ленину.

Мы же здѣсь коснулись вкратцѣ послѣдних событій для полноты, так как этот историческій переворот является финалом **столѣтняго освободительнаго движенія в Россіи.**

КОНЕЦ.